

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SEMIOTIC STUDIES

Научный журнал

Том 5 • № 1 • 2025

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMOTICHESKIE ISSLEDOVANIIA. SEMIOTIC STUDIES

Том 5, № 1, 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Журнал включен ВАК РФ в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук с 31.05.2023 г. Журнал включен в библиографическую базу данных РИНЦ (НЭБ eLIBRARY.ru). Статьям присваивается идентификатор DOI.

Печатное СМИ, журнал «Семиотические исследования. Semiotic studies» является периодическим научным изданием, освещающим вопросы общей семиотики и смежных дисциплин. Знак, знаковый процесс и его векторы, семантика, синтактика и прагматика как измерения семиозиса, материальное воплощение знака – это тематическое пространство публикуемых работ. Журнал ориентирован на междисциплинарный синтез теоретического и практического знания, осуществляемый в рамках философии, литературоведения и социологии.

Цель журнала – изучение, осуществление и популяризация семиотического подхода к исследованию реальности.

Задачи журнала – создание международного, междисциплинарного исследовательского пространства в терминах и моделях общей семиотики, актуализация классического наследия и апробация новых идей семиотической мысли, создание и применение семиотических схем анализа и интерпретации в философском, литературоведческом и социологическом знании.

Тематика журнала

5.7. Философия (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.7.1. Онтология и теория познания
- 5.7.6. Философия науки и техники
- 5.7.7. Социальная и политическая философия

5.9. Филология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.3. Теория литературы

5.4. Социология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7. Социология управления

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор

А.Ю. Нестеров, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

Л.Г. Тютелова, д-р филол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

Т.Ю. Депцова, канд. пед. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.
Тел. +7 (846) 3345406, **e-mail:** semiotic@ssau.ru
www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Издатель и учредитель: Самарский университет

Адрес издателя: 443086, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б, Центр периодических изданий Самарского университета.

СМИ зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер серии **ПИ № ФС77-79678** от 27.11.2020 г.

Издаётся с 2021 г. Выходит 4 раза в год.

Подписной индекс в Объединённом интернет-каталоге «Пресса России» 85744

ISSN 2782-2966

Корректура – *И.В. Ахматова*

Компьютерная верстка, дизайн – *И.В. Ахматова*

Информация на английском языке – *В.Д. Шевченко, М.А. Соколов*

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+, Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

В оформлении обложки использованы художественные работы Карла Аймермахера.

Подписано в печать 24.03.2025.

Выход в свет 18.04.2025.

Формат 60х84/8. Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 19,5. Тираж 200 экз. (первый завод – 40 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии Самарского университета.

Адрес типографии: Самарский университет, 443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

© Самарский университет, 2025

Редакционная коллегия

К. Аймермахер, д-р филол. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

В.И. Аршинов, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

П.Н. Барышников, д-р филос. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск, РФ)

Т.В. Бернюкевич, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный строительный университет, Москва, РФ)

В.Ю. Бочаров, канд. социол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

М.Н. Вольф, д-р филос. наук, доц. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, РФ)

Н.В. Головкин, д-р филос. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, РФ)

И.В. Дёмин, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Д.И. Дубровский, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

Т.Н. Иванова, д-р социол. наук, доц. (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, РФ)

В.Е. Лепский, д-р психол. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

М.Н. Липовецкий, д-р филол. наук, проф. (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

В. Лопичич, д-р филол. наук, проф. (Нишский университет, Ниш, Сербия)

Н.П. Малютина, д-р филол. наук, проф. (Университет Белостока, Белосток, Польша)

А.И. Мантарова, д-р социол. наук, проф. (Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, София, Болгария)

А. Нордманн, д-р филос. наук, имеретированный проф. (Институт философии, Технический университет Дармштадта, Дармштадт, Германия)

А.В. Павлов, д-р филос. наук, проф. (Высшая школа экономики, Москва, РФ)

И. Пёрцген, д-р филол. наук, проф. (Бременский университет, Бремен, Германия)

П. Ристхаус, д-р филол. наук, проф. (Хагенский заочный университет, Хаген, Германия)

Н.Т. Рымарь, д-р филол. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С.А. Судьин, д-р социол. наук, доц. (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, РФ)

С. Томашчикова, д-р филос. наук, доц. (Университет им. Павла Йозефа Шафарика, Кошице, Словакия)

И.А. Христов, д-р по социологии, проф. (Университет Паисия Хилендарского, Пловдив, Болгария)

Г. Шольц, д-р филос. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

Н.П. Щукина, д-р социол. наук, проф. (Самарский государственный медицинский университет, Самара, РФ)

Н.А. Ястреб, д-р филос. наук, доц. (Вологодский государственный университет, Вологда, РФ)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

С требованиями к оформлению статей для публикации в журнале можно ознакомиться на веб-сайте в разделе «Прием статей»:

<https://journals.ssau.ru/semiotic/about/submissions>

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

ISSN 2782-2966

SAMARA
UNIVERSITY

Samara National
Research University

SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIJA

SEMIOTIC STUDIES

Scientific journal

Vol. 5 • no. 1 • 2025

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIJA. SEMIOTIC STUDIES
Vol. 5, no. 1, 2025

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation into the list of peer-reviewed scientific publications, where the main scientific results of theses for the Candidate of Sciences degree, for the Doctor of Sciences degree should be published starting 31.05.2023. The journal is included into the RSCI bibliographic database (eLIBRARY.ru Public Electronic Library). Articles are assigned a DOI identifier.

The journal "Semiotic Studies" is a scientific periodical highlighting the issues of general semiotics and adjacent disciplines. The sign, sign process and its agenda, signification (semantics), syntactics and pragmatics as the measurements of semiosis, material realization of a sign – the research areas of the published papers. The journal is focused on the interdisciplinary synthesis of theoretical and practical knowledge implemented within the framework of philosophy, literature studies and sociology.

The aim of the journal is studying, implementing and promoting the semiotic approach to researching into the reality.

The objectives of the journal – developing the international, interdisciplinary research space in terms and models of general semiotics, maintaining the current state of the classical heritage and new ideas' testing of semiotic thought, developing and application of semiotic analysis and interpretation patterns in philosophical, literature and sociological knowledge.

Remit of the journal

5.7. Philosophy (Social sciences and humanities)

5.7.1. Ontology and theory of knowledge

5.7.6. Philosophy of science

5.7.7. Social and political philosophy

5.9. Philology (Social sciences and humanities)

5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.3. Literary theory

5.4. Sociology (Social sciences and humanities)

5.4.2. Economic sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7. Management sociology

All the articles undergo reviewing by the Antiplagiat program and double-blind peer-reviewing by the leading scientists in line with the remit and specialties of the journal.

Chief Editor

A.Yu. Nesterov, Dr. phil. habil., Associate Professor
(Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Deputy Chief Editor

L.G. Tyutelova, Dr. philol. habil., Associate Professor
(Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Executive Editor

T.Yu. Deptsova, Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial office address:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel. +7 (846) 3345406, e-mail: semiotic@ssau.ru

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher: Center of Periodical Publications of Samara National Research University, room 312B(Б), building 22A, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

The mass media registration certificate **III No. ФС77-79678** of **27.11.2020**. The mass media organization was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

ISSN 2782-2966

The journal has been published since 2021, 4 times a year.

Subscription index in the United internet-catalog «Press of Russia» 85744

ISSN 2782-2966

Proofreading – *I.V. Akhmatova*

Computer layout, design – *I.V. Akhmatova*

Information in English – *V.D. Shevchenko, M.A. Sokolov*

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+, free price.

The Authors' articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

The art works by Karl Eimermacher have been used while creating the cover design.

Passed for printing on 24.03.2025. **The publication** 18.04.2025. Format 60x84/8. Litho paper. Instant print. Print. sheet. 19,5. Circulation 200 copies (first printing – 40 copies). Order No.

Printed on the printing house of Samara University.

Printing house address: 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara region, Russian Federation. www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

© Samara National Research University, 2025

Editorial board

K. Eimermacher, Dr. philol. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)

V.I. Arshinov, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

P.N. Baryshnikov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Pyati-gorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation)

T.V. Bernyukevich, Dr. phil. habil., Professor (Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation)

V.Yu. Bocharov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

M.N. Volf, Dr. phil. habil., Associate Professor (Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

N.V. Golovko, Dr. phil. habil., Associate Professor (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)

I.V. Demin, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

D.I. Dubrovsky, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.N. Ivanova, Dr. soc. habil., Associate Professor (Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation)

V.E. Lepskiy, Dr. psych. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

M.N. Lipovetsky, Dr. philol. habil., Professor (Columbia University, New York, USA)

V. Lopichich, Dr. philol. habil., Professor (University of Nis, Nis, Serbia)

N.P. Maliutina, Dr. philol. habil., Professor (University of Białystok, Białystok, Poland)

A.I. Mantarova, Dr. soc. habil., Professor (Institute of Philosophy and Sociology at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)

A. Nordmann, Professor em. (Darmstadt Technical University, Darmstadt, Germany)

A.V. Pavlov, Dr. phil. habil., Professor (Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation)

Y. Pörzgen, Dr. philol. habil., Professor (University of Bremen, Bremen, Germany)

P. Risthaus, Dr. philol. habil., Professor (Open University of Hagen, Hagen, Germany)

N.T. Ryamar, Dr. philol. habil., Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

S.A. Sudin, Dr. soc. habil., Associate Professor (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation)

S. Tomashchikova, Dr. phil. habil., Associate Professor (University named after Pavel Yosef Shafaric, Košice, Slovakia)

I.A. Hristov, Dr. soc. habil., Professor (Plovdiv University "Paisii Hilendarski", Plovdiv, Bulgaria)

G. Scholtz, Dr. phil. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)

N.P. Shukina, Dr. soc. habil., Professor (Samara State Medical University, Samara, Russian Federation)

N.A. Yastreb, Dr. phil. habil., Associate Professor (Vologda State University, Vologda, Russian Federation)

REQUIREMENTS FOR THE DESIGN OF ARTICLES

The requirements for the design of articles for publication in the journal can be found on the website in the "Acceptance of articles" section:

<https://journals.ssau.ru/semiotic/about/submissions>

This is an open access content distributed in accordance with the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction via any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

Гуров О.Н. Биомеханический синтез Х.Р. Гигера как метафора технологических метаморфоз	8
Никитин А.П. Проблема значения в семиотике денег	16
Огнев А.Н. Онтогносеологический горизонт функций языкового знака	23
Козлова Н.Ю. Смысловая неоднозначность: к вопросу о связи онтологической реальности, бессмыслицы и языковой критики	31

Литературоведение

Сергеева Е.Н., Сундукова К.А. «Клио-72» как персонализация межпоколенческой памяти в романе Ю.В. Трифонова «Нетерпение»	38
Симакова В.Е. Культурная идентичность Б.Ю. Поплавского: между символизмом и сюрреализмом	46
Кислова Н.Н. «Если век стремится в бездну, лучше отстать от него» – библейский текст в романе Б.А. Садовского «Шестой час»	55
Разухина К.Э. Становление женской идентичности в стихотворной практике М. Шкапской (на материале сборника «Mater Dolorosa»)	63
Некрасова И.В. Музыкальная парадигма современной русской прозы	71

Социология

Кузнецов В.А., Митрофанова С.Ю. Патриотическая самоидентификация современной российской молодежи	77
Юньхуэй Чжао Социальные механизмы управления в Китае под воздействием глобализации	90
Минин А.А. Анализ финансовых стратегий и потребностей иностранных студентов, обучающихся в вузах Саратовской области: социологический анализ	104
Гаврилюк В.В., Боcharов В.Ю., Гаврилюк Т.В. Концепт «социального самочувствия» в исследовании молодежи, занятой в сервисной сфере экономики	115

Междисциплинарные исследования

Егорова С.В., Зорина С.В., Нестеров А.Ю., Фазульянова С.Н. Социально-психологический мониторинг намерений студентов заниматься научной деятельностью: результаты апробации методического комплекса	130
Алмазова О.Н. Нравственный приоритет как «формула победы» в произведениях В. Шефнера	141

Рецензии

Шпилевая Г.А. Н.Г. Гарин-Михайловский – писатель, «рыцарь железных дорог», «веселый праведник», воспитатель. Рецензия на коллективную монографию «Русское богатство Н.Г. Гарина-Михайловского: биография – творчество – “самарский текст” – литературный контекст – восприятие»	148
Воротникова А.Э. Преодолевая границы. Рецензия на коллективную монографию «Немецкоязычная проза: художественные и исследовательские практики первых десятилетий XXI века»	151

CONTENTS

Philosophy

Gurov O.N. Biomechanical synthesis of H.R. Giger as a metaphor of technological metamorphosis	8
Nikitin A.P. The problem of meaning in the semiotics of money	16
Ognev A.N. Ontognoseological horizon of the functions of the linguistic sign.	23
Kozlova N.Yu. The indeterminacy of meaning: on the connection between ontological reality, nonsense, and linguistic criticism	31

Literature studies

Sergeeva E.N., Sundukova K.A. "Klio-72" as a personalization of intergenerational memory in Yu.V. Trifonov's novel "Impatience"	38
Simakova V.E. Cultural identity B.Yu. Poplavsky: between symbolism and surrealism	46
Kislova N.N. "If the age aspires to the abyss, it is better to get behind it" – the biblical text in the novel by B.A. Sadovsky "The Sixth Hour"	55
Razukhina K.E. Formation of female identity in M. Shkap'skaya's poetic practice (based on the collection "Mater Dolorosa")	63
Nekrasova I.V. The musical paradigm of contemporary Russian prose	71

Sociology

Kuznetsov V.A., Mitrofanova S.Yu. Patriotic self-identification of modern Russian youth	77
Zhao Yunhui Social governance mechanisms in China under the impact of globalization	90
Minin A.A. Analysis of financial strategies and needs of international students studying at universities in the Saratov region: a sociological analysis	104
Gavrilyuk V.V., Bocharov V.Yu., Gavrilyuk T.V. The concept of «social well-being» in the study of youth employed in the service sector of the economy	115

Interdisciplinary studies

Egorova S.V., Zorina S.V., Nesterov A.Yu., Fazulyanova S.N. Social psychological monitoring of students' intentions to engage in scientific activity: the results of the approbation of the methodological complex	130
Almazova O.N. Moral priority as a "formula for victory" in the works of Vadim Shefner	141

Reviews

Shpilevaya G.A. N.G. Garin-Mykhailovsky – a writer, «the knight of the railroads», «the merry righteous man», an educator. Review of the collective monograph «Russian wealth N.G. Garin-Mikhailovsky: biography – writing – “samara text” – literary context – perception»	148
Vorotnikova A.E. Overcoming boundaries. Review of the collective monograph “German language prose: artistic and research practices of the 21st century”	151

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-8-15

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 141.3

Дата поступления: 25.12.2024

рецензирования: 02.02.2025

принятия: 01.03.2025

О.Н. Гуров

Центр искусственного интеллекта МГИМО,

Философский факультет ГАУГН,

г. Москва, Российская Федерация

E-mail: gurov-on@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8425-1338>

Биомеханический синтез Х.Р. Гигера как метафора технологических метаморфоз

Аннотация: в статье проводится междисциплинарный анализ творчества швейцарского художника Ханса Рудольфа «Руди» Гигера, в рамках которого его творчество рассматривается через призму технологических трансформаций человеческой природы. В исследовании применен своеобразный методологический подход к осмыслению онтологических метаморфоз, происходящих в контексте технологизации современного общества, включающий, в частности, герменевтику, психоанализ и антропологию. Вместе с этим автор интерпретирует работы Гигера как визуальную философию, отражающую коллективные страхи и травматические сценарии слияния человека с технологическими системами. Отдельное внимание уделяется концепции метапаразитизма и трансформации человеческой идентичности в условиях технологического прогресса. Проведенное исследование позволяет автору сделать вывод, что творчество Гигера выступает результатом осмысления процессов технологизации человеческой природы и является своего рода предсказанием онтологического сдвига, обусловленного этими явлениями. Несмотря на преимущественно пессимистичный характер творчества Гигера, наследие художника может быть рассмотрено как уникальный и перспективный методологический инструмент для осмысления современных трансформаций.

Ключевые слова: Гигер; технологизация; биомеханический синтез; гибридность; коллективное бессознательное; трансформация идентичности; человеко-машинное взаимодействие; постгуманизм; метапаразит.

Цитирование: Гуров О.Н. Биомеханический синтез Х.Р. Гигера как метафора технологических метаморфоз // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 8–15. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-8-15>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Гуров О.Н., 2025

Олег Николаевич Гуров – кандидат философских наук, доцент философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, научный сотрудник Центра искусственного интеллекта МГИМО, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76.

SCIENTIFIC ARTICLE

O.N. Gurov

Centre for Artificial Intelligence MGIMO,

Faculty of Philosophy GAUGN,

Moscow, Russian Federation

E-mail: gurov-on@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8425-1338>

Biomechanical synthesis of H.R. Giger as a metaphor of technological metamorphosis

Abstract: the author conducts an interdisciplinary analysis of Swiss artist Hans Rudolf ‘Rudy’ Giger’s work which considers his art through the prism of technological transformations of human nature. The study applies a peculiar methodological approach to understanding the ontological metamorphoses occurring in the context of the technologicalisation of modern society, including, in particular, hermeneutics, psychoanalysis and anthropology. At the same time, the author interprets Giger’s artworks as a visual philosophy reflecting collective fears and traumatic scenarios of human fusion with technological systems. Special attention is paid

to the concept of metaparasitism and the transformation of human identity in the conditions of technological progress. The study allows the author to conclude that Giger's work is the result of comprehension of the processes of technologisation of human nature, and is a kind of prediction of the ontological shift caused by these phenomena. Despite the predominantly pessimistic nature of Giger's work, the artist's heritage can be considered as a unique and promising methodological tool for comprehending modern transformations.

Key words: Giger; technologisation; biomechanical synthesis; hybridity; collective unconscious; identity transformation; human-machine interaction; posthumanism; metaparasite.

Citation: Gurov, O.N. (2025), Biomechanical synthesis of H.R. Giger as a metaphor of technological metamorphosis, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 8–15, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-8-15>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Gurov O.N., 2025

Oleg N. Gurov – PhD in Philosophy, Associate Professor at the Faculty of Philosophy, State Academic University of Humanities, Research Associate of the Centre for Artificial Intelligence, MGIMO, 76, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.

Введение

Одной из самых главных тенденций современности можно назвать технологизацию общественной жизни, и на этом фоне человечество сегодня переживает онтологический сдвиг, поскольку сама человеческая природа, очевидно, подвергается трансформации. Это серьезный перелом, и чтобы осознать, что происходит в окружающем мире, в душе и с физической оболочкой каждого человека, чтобы осмыслить природу происходящих метаморфоз, требуются принципиально новые стратегии, выходящие за рамки строго научных.

Использование материалов художественной культуры уже не ново для философской рефлексии, и мы можем утверждать, что произведения художников, скульпторов, кинематографистов способны выступать в качестве своего рода археологии, причем «на них» можно изучать не только репрезентацию происходящих процессов, но и, более того, использовать эти артефакты как релевантную и перспективную оптику для восприятия формирующейся новой реальности.

Творчество Гигера как междисциплинарный феномен

В данной работе мы обратимся к творчеству Ханса Рудольфа «Руди» Гигера. 2025 год знаменует его юбилей – 85 лет со дня рождения, и это важная дата для современного искусства и, шире, для всей культуры второй половины XX – начала XXI веков. Надо отметить, что для автора предлагаемого исследования этот диалог с художником является в первую очередь личным, потому что работы Гигера с детства вдохновляли его на пытливые размышления и критическую оценку и переоценку того, что на первый взгляд могло казаться очевидным или, наоборот, фантастичным.

Со временем, погрузившись в философские и культурологические исследования, автор убедился в правильности своего изначально интуитивно-го восприятия Гигера не просто как экстравагант-

ного художника, но вместе с этим и как философа, и как тонко чувствующего предсказателя, которому удалось ухватить и сформулировать природу и масштабы технологически обусловленных трансформаций задолго до того, как они оказались концептуально отрефлексированными в академическом дискурсе и в широком информационном пространстве.

Думается, что в первую очередь интерес автора к Гигеру был обусловлен тем, что художник убедительно продемонстрировал, как технология из инструмента становится одной из категорий человеческого существования. Именно поэтому искусство художника в данной работе исследуется как междисциплинарный художественно-научный проект, направленный на диагностику и предсказание трансформаций человеческого.

При этом интересно отметить: несмотря на то, что Гигер наиболее известен благодаря созданным им образам так называемых «биомеханоидов», очень редко можно встретить привязку этого понятия к биомеханике. В этом смысле биомеханоид – это не неологизм, а производное идеи, которая берет свое начало еще у Аристотеля и которая впоследствии развилась до научного направления (Сироткина 2011). Видимо, все это обусловлено тем, что биомеханический синтез Гигера может претендовать на то, чтобы действительно восприниматься в качестве составляющей радикально новой онтологической парадигмы, в которой деконструируются классические дихотомии естественного и искусственного, в отличие от классической философской традиции, в которой всегда существовала четкая граница между «живым» и «неживым», причем такого рода границы были непроницаемыми и незыблемыми.

Это заставляет рассматривать биомеханический синтез как объемное явление, и мы обратимся к нему в рамках нескольких измерений, в первую очередь, через экзистенциальное, которое в данном случае выступает в качестве амбивалент-

ной рефлексии, охватывающей как глубочайшие страхи перед неизвестностью, так и мощнейшее (и, наверное, вечное) желание человека преодолеть свои природные ограничения и выйти в широком смысле «за пределы».

Вместе с этим творчество Гигера, как мы уже отмечали, должно быть рассмотрено с онтологических позиций, поскольку «герои» художника представляют собой гибридные, динамичные и меняющиеся организмы. Обратим внимание, что творчество Гигера заставляет нас переоценить и онтологический статус технологии, которая на наших глазах вырастает до самостоятельной экосистемы (или даже до системы еще более масштабной и сложной!), развивающейся по собственной логике. В этих условиях говорить о дополнении или улучшении уже не представляется возможным, поскольку обусловленное таким развитием размывание границ человеческой идентичности заставляет дать новое определение эволюции.

Конечно, в исследовании необходимо применить и психоаналитическую оптику, поскольку биомеханоиды, очевидно, представляют собой визуализацию коллективного бессознательного, репрезентацию различных фобий и травм, связанных с технологизацией.

Таким образом, целью исследования является попытка интерпретировать творчество Гигера в описанном выше контексте и вместе с этим использовать его в качестве актуальной оптики для изучения технологически обусловленных метаморфоз, происходящих в настоящее время в категории человеческого.

Выполнение такой цели требует применения интердисциплинарного подхода, чтобы преодолеть границы традиционного инструментария, уловить и описать нюансы трансформаций, визуализированных в творчестве Гигера. Такой подход включает герменевтический метод, с помощью которого визуальные образы Гигера будут рассмотрены и интерпретированы в качестве сложного текста. Безусловно, в данном контексте герменевтика выступает не только как метод толкования, но и как способ конструирования новой реальности, то есть образы биомеханоидов Гигера станут рассматриваться и расшифровываться как своеобразные «высказывания» художника.

Кроме этого, творчество Гигера будет рассмотрено через призму психоаналитического дискурса в качестве отпечатка бессознательного, то есть в этом смысле художественные образы воспринимаются как отображение глубинных травматических сценариев, обусловленных технологизацией. Здесь нам очень поможет исследование Станислава Грофа, который был дружен с Гигером и посвятил одну из своих работ его творчеству. Основываясь на нестандартных идеях Грофа, мы постараемся интерпретировать биомеханиче-

ские образы через призму перинатальных матриц (Grof 2015).

Поскольку созданные художником существа – это нечто большее, чем просто изображение, и они представляют собой сложные феноменологические конструкты, мы будем использовать онтологический подход для рефлексии пограничного состояния человеческого опыта и реконструкции, в частности, топографии страха и желания, сопровождающих происходящие трансформации.

Не в последнюю очередь в работе также применяется антропологический подход, в рамках которого творчество художника рассматривается как набор визуальных артефактов, представляющих инновационные форматы телесного и социального, сексуального и общественного.

В качестве теоретических источников в работе мы будем опираться на идеи уже упомянутого выше Грофа, в целом на теорию киборга Донны Харауэй, концепцию ризомы и становления Жили Делеза и на некоторые постгуманистические концепции, чтобы на этой основе убедительно представить наследие Гигера не просто как художественный феномен, но как сложный и перспективный методологический инструмент, с помощью которого возможно осмыслить природу онтологического сдвига, относящегося к категории человеческого (Делез 2011), (Харауэй 2017).

Анализ ключевых работ: деконструкция телесности и гибридность

Художественное наследие Гигера велико, он был продуктивным художником и скульптором, графиком и даже режиссером. В рамках нашего исследования мы обратимся лишь к некоторым знакомым работам и начнем со следующих произведений: «Nekronom IV» (1976), «Birth Machine» (1967), «Biomechanoid» (1975) и «Landscape XIV» (1973), которые попытаемся интерпретировать с описанных выше позиций.

Каждая из этих работ относится к определенной серии, однако именно эти отдельные произведения стали наиболее популярными и растревоженными, фактически превратившись в иконы массовой культуры. Поэтому мы рассмотрим каждую из них и попытаемся проанализировать в рамках методологии, описанной выше, чтобы в дальнейшем использовать результаты анализа для содержательных выводов.

В работе «Nekronom IV» художник деконструирует категорию человеческой телесности и, визуализируя слияние разноприродных форм, делает акцент на травматичности этого перехода (Giger 1991). При этом человеческое тело представлено не как что-то базовое и фундаментальное, а, если можно так выразиться, как процесс, как постоянное изменение или мутация, и границы выступают как нечто условное, временное и изменчи-

вое. Вместе с этим изображение демонстрирует амбивалентность притягательного и пугающего, и, наверное, общее впечатление, которое можно сделать из этой работы, – это то, что существует некий изменчивый баланс между органическим и машинным. Если здесь применить герменевтический подход, то «Necronom IV» как философское высказывание демонстрирует телесность в качестве процесса гибридного восстановления, в рамках которого человек претерпевает трансформацию, при которой технологии интегрируются в человеческую идентичность, и таким образом конструируется новая телесная онтология.

Нужно отметить, что подобные явления имеют место в современных практиках, в частности, развивается индустрия инновационных бионических протезов, которые, согласно обратной связи от тех, кто их использует, начинают восприниматься как «органическая» составляющая человеческого.

В работе «Birth Machine» художник препарирует, наверное, самое интимное и загадочное явление – процесс рождения нового человека. Его интерпретация очень жесткая – здесь это процесс не просто механизированный, но буквально вписанный в процессы индустриализации. И если Pink Floyd в подобной логике осмысливали систему обучения и образования, то Гигер пошел глубже и редуцировал до технологического явления саму биологическую репродукцию, доведя до предела распространение технологизации вплоть до максимально интимных сфер человеческого существования. С психоаналитических позиций эта картина выступает символом родовой травмы в качестве ключевого экзистенциального опыта клонированных, совершенно одинаковых младенцев, которые подвергаются механическим манипуляциям. Кстати, похожий шокирующий образ впоследствии был представлен в «Матрице», когда Нео «просыпался», пробуждаясь от иллюзорного мира, то есть рождался по-настоящему в реальном мире – и этот процесс представлен в картине как очень болезненный и физиологичный.

В данном случае речь идет не просто о страхе перед возможной потерей естественного, органического и человеческого, но и о репрезентации коллективного бессознательного, в котором ужас перед механизацией основных категорий жизни и культуры превращается в одну из ключевых тем. С этой точки зрения можно говорить и о коллективных травмах, обусловленных технологическим прогрессом, и фобиях, существующих в связи с тем, что человеческая природа утратила свою «чистоту» и «естественность».

Но не нужно обращаться к массовой культуре: в современной жизни мы нередко сталкиваемся с острыми и далекими от консенсуса дискуссиями относительно проблем генетической инженерии и управления репродуктивными процессами. По-

скольку эти споры являются междисциплинарными, затрагивая политическую, правовую, этическую, культурную, религиозную и другие измерения, можно утверждать, что образы, визуализированные Гигером еще в шестидесятых годах прошлого века, стали действительно пророческими.

Культовый «Biomechanoid» в буквальном смысле раскрывает человеческую телесность в качестве чего-то открытого и постоянно меняющегося (Giger 1988). Анализируя эту работу, в принципе, можно не вдаваться в сложные интерпретации, поскольку здесь совершенно четко показано, как технологии в буквальном смысле интегрируются в тело. Что особенно интересно, это интерпретация Гигером сексуальности, которая выступает в качестве трансформационных актов, при которых возникают и реализуются все новые и новые этапы конструирования идентичности.

Понятно, в этой и других работах Гигера сексуальность далеко не тождественна биологической функции и выступает именно как одно из пространств трансформации, демонстрирующее гибридизацию человеческого. При этом сексуальность в рамках трансгрессии онтологических границ отражает болезненность такого становления.

При анализе этой картины с феноменологических позиций необходимо сконцентрироваться на опыте зрителя и интерпретатора, поскольку спектр ощущений, возникающий при контакте с гибридным существом, изображенным на этой картине, как правило, включает одновременно страх, ужас, тревогу и притяжение, создавая значительную напряженность восприятия. Можно предположить, что такая нагрузка способствует восприятию гибридности буквально в качестве физического, интеллектуального, эмоционального, а может быть, даже и телесного опыта во всей своей полноте.

«Landscape XIV» – это постапокалиптический ландшафт, который наполнен изображением деформированных младенцев. Работа заставляет задуматься о технологическом развитии, грозящем насильем, смертью и разрушением. Сила этого произведения во многом в том, что законченное пространство картины представляет собой ловушку, безнадежный тупик, в котором детство, символ чистоты и надежды, растаптывается системой насилия, отчуждения и уничтожения.

Однако обратим внимание, что в целом насилие в работах Гигера не всегда олицетворяет безоговорочную деструктивность, а, скорее, выступает в диалектическом смысле, символизируя изменение. Во многих работах внедрение технологии в органическое можно рассматривать как факт создания чего-то нового (отметим, что в любом случае это не должно рассматриваться исключительно в оптимистичном или противоположном ключе).

Мы склонны рассматривать данную работу как оптический инструмент восприятия обществен-

ной жизни, где человек из субъекта превратился или превращается в элемент технологического прогресса, и в этом контексте можно говорить о том, что Гигер конструирует возможное будущее на уровне онтологии, используя выразительные, провокационные изобразительные средства.

В этом смысле художник выступает как своего рода медиум, способный улавливать и переносить на холст (и другие основы) образы и символы онтологических трансформаций, создавая галерею обусловленных технологизацией метаморфоз. И таким образом его химеры демонстрируют зыбкость и даже условность, а также динамику пограничья между живым и разного рода «неживым», и в таких условиях каждый телесный акт символизирует определенное онтологическое становление. При этом важно определенным образом отметить, что такая эволюция в интерпретации Гигера – это по своему определению болезненный процесс мутации и трансформации, слияния с технологиями, в рамках которого формируется своего рода самостоятельная экосистема (о которой мы писали выше), обладающая способностью к самовоспроизведению и имеющая паразитарную природу (об этом далее). И в этом контексте такую «технологическую» эволюцию можно охарактеризовать как сложную ризоматическую сеть взаимных проникновений, где какие бы то ни было границы становятся еще более условными.

На полях работы отметим, что описанные выше сюжеты иллюстрируют, ко всему прочему, и новые стратегии власти, в рамках которых биовласть реализуется в форме перманентных и управляемых мутаций, контроль – благодаря развитию и распространению имплантатов и других технологий киборгизации, а сами механизмы управления в этих условиях, говоря языком Делеза, становятся незаметными, дисперсными и «деликатными» (Делез 2011).

Психоаналитическая интерпретация: перинатальные матрицы и коллективное бессознательное

Идеи и образы Гигера, конечно, не родились из вакуума, и его биомеханический синтез имеет свои корни в глубоких трансформациях XX века, когда технологическое и биологическое постепенно стали восприниматься в обществе не как изолированные и противостоящие категории, а как взаимопроникающие. Очевидно, первым переломным моментом стала вторая индустриальная революция, в рамках которой отношение (не с аксиологической, а с функциональной позиции) человека к машине стало меняться: технологии и техника интегрировались в среду обитания человека, вплоть до того, что машина из механизма превратилась в метафору и даже в язык описания человеческого существования – стоит вспомнить

первые романы Луи-Фердинана Селина, повествующие непосредственно об этих процессах.

Примерно в те же годы психоанализ Зигмунда Фрейда и Густава Юнга сформировал новый взгляд на внутренний «ландшафт» человеческого природы, в котором сложная система бессознательного стала включать не только органическую составляющую, но и нечто из мира машин (Юнг 2019), (Фрейд 2004).

Вместе с этим в рамках данного направления образы снов, травматические опыты и другие элементы, находящиеся в сфере психоанализа, начинают восприниматься в качестве закодированных сообщений, требующих «технологической» расшифровки.

Немногим позже само понятие и законы коммуникации были переосмыслены Норбертом Винером в рамках кибернетики (Винер 1958). Кибернетика представляет информацию в качестве самостоятельного и адаптивного феномена, обладающего способностью влиять на поведение систем посредством обратной связи. Иными словами, согласно Винеру, информация может направлять поведение систем с помощью управляющих данных. Еще одним ударом по классическим онтологическим конструкциям стала философия постмодернистских философов, в частности, Делеза, Мишеля Фуко и др., которые продвигали идеи, что реальность и идентичность – это не статичные категории, а грубо говоря, что-то подвижное и подверженное многочисленным влияниям (Делез 2011).

И в этом смысле Гигер выступил проводником описанных выше идей и явлений, но, наверное, если бы он ограничился трансляцией и интерпретацией только этих идей, он не занял бы такое важное место в истории современной культуры. В дополнение к вышеизложенному художник включил в свои произведения еще несколько культурных матриц, которые позволили ему сформировать действительно уникальный код своего творчества. Сюда относятся идеи Говарда Лавкрафта о космическом ужасе, осмысление сюрреализмом бессознательного и некоторые концепции, относящиеся к психоделической революции сознания.

Лавкрафтовский космический ужас в творчестве Гигера выступает инструментом авторской репрезентации такого понятия, как инаковость. Собственно, в широких кругах Гигер наиболее известен именно как создатель образа «Чужого». При этом надо отметить, что в отличие от Лавкрафта, «чей» ужас зиждется на непознаваемости внешних космических сил, Гигер транслирует эту онтологическую чуждость внутрь человека, как в глубины его телесности, так и опыта. И сам Чужой является не только монстром, он символизирует и ту самую мутацию, в рамках которой человеческое теряет свой стабильный статус, о чем мы уже писали (Giger 1992).

Хотя стиль Гигера – сугубо авторский, безусловно, в своих работах он использует сюрреалистические техники, особенно в части изображения образов бессознательного как элементов технологической экосистемы, представляя их (в буквальном изобразительном смысле) как археологический срез коллективного травматического сценария взаимодействия механического и органического. В качестве примера того, как эта идея показательно отражается в творчестве художника, можно привести не только его картины, но и видеоклип Дебби Харри, музы Гигера, на песню Now I Know You Know. В этом клипе Гигер выступил режиссером и художником, автором костюма и грима для исполнительницы, и визуал и драматургия данного произведения полностью соответствуют описанным выше техникам.

Что касается обращения Гигера к психоделическому опыту – здесь необходимо выделить две составляющие. В первую очередь, это идеи, популярные в годы, когда он создавал описанные выше работы, относительно того, что измененное состояние сознания позволяет открыть альтернативные перцептивные пространства, в которых границы между реальным и воображаемым стираются, что позволяет визуализировать и картографировать образы бессознательного, в данном случае относящиеся к технологически обусловленной человеческой эволюции. И, с другой стороны, это обращение (вольное или невольное) к изначальной концепции киборга, которая предполагала адаптацию человека для долгосрочных космических полетов, в первую очередь, именно в духовном плане, то есть в части расширения человеческого сознания для возможности «мыслить» новые миры и космические масштабы.

Конечно же, творчество Гигера и интерес к этим подходам обусловлен во многом его личностью, и далее мы обратимся к нескольким фактам биографии художника, которые напрямую или подспудно оказали влияние на его творчество. Гигер родился в немецкой части Швейцарии, в старинном городе Шаффхаузен, и, согласно Грофу, с детства чувствовал себя некомфортно в окружающем его пространстве (Grof 2015).

Будущий художник в детстве не отличался крепким здоровьем и часто болел, неоднократно подвергался госпитализации – и этот опыт заставил его с детства воспринимать человеческое тело как что-то уязвимое, подверженное внешним механическим манипуляциям (Hirsch 2021).

По своему характеру он не был веселым и активным мальчиком. И впоследствии мрачные детские воспоминания о грезах и фантазиях о разных тоннелях, подземельях, привидениях и мумиях повлияли на художественный стиль и определили темы художественного самовыражения. Кстати, это было связано не только со здоровьем, но и с архи-

тектурной средой, в которой вырос Гигер: темные и узкие готические улочки, мрачные и неудобные строения в глазах чувствительного и болезненного ребенка формировали душную клаустрофобическую атмосферу, и в целом пространство ощущалось им как живое, одушевленное и враждебное. Как отмечает Гроф, эти первичные травмы, обусловленные восприятием собственной телесности и окружающего мира, определили интерес Гигера к теме трансформации и мутаций в целом.

Еще один эпизод, относящийся уже ко взрослому периоду, – трагическое самоубийство близкой подруги Ли Тоблер, стал переломным моментом для творчества Гигера. Экзистенциальный опыт утраты вдохновил художника на осмысление образов смерти, распада и травматичной трансформации в качестве своеобразного реквиема по утраченной близости (Hirsch 2021).

Отметим, что, исследуя личность и творчество художника, Гроф опирается на идею перинатальных матриц как на фундаментальную психологическую структуру, выделяя четыре основных, которые отражают соответствующую фазу родового процесса и впоследствии становятся основой системы паттернов психологического восприятия (Grof 2015).

Первая матрица символизирует симбиотическое единство с матерью до начала родового процесса. В работах Гигера этот образ представлен в виде самодостаточных и замкнутых пространств, в которых «герои» неразрывно связаны с окружающим миром.

Вторая матрица представляет начало родовых схваток, которые подразумевают давление, толчки, сжатие и механическое воздействие, что также представлено во многих работах художника, которые буквально визуализируют эти болезненные процессы.

Третья матрица соответствует самому моменту рождения, предшествующему окончательному освобождению. На многих картинах Гигера изображены сложные туннельные структуры, которые, по мнению Грофа, являются метафорическими каналами перехода, и находящиеся в них химеры символизируют процессы болезненной трансформации.

Четвертая матрица олицетворяет освобождение и переход, некий качественно новый мир, что проявляется у Гигера в образах мутирующих существ, которые «воссоздаются», одновременно разрушаясь и рождаясь заново.

Основываясь на этом взгляде, можно отметить, что часть секрета уникальности Гигера в том, что травма «используется» им как продуктивный акт становления, а каждый переход, несмотря на болезненность, является в первую очередь актом перерождения и рождения новой онтологической сущности. Кстати, этот же феномен раскрывается

в фильме Дэвида Кроненберга «Сканеры», в котором некоторые мутанты, жертвы медицинских экспериментов, обладающие во многих отношениях гиперчувствительностью, занимаются искусством, компенсируя таким образом опасный и нежеланный дар, от которого они не могут избавиться.

Метапаразитизм: технология как самовоспроизводящаяся система

В дополнение к вышеприведенному анализу мы хотели бы рассмотреть творчество Гигера через авторскую концепцию метапаразитизма, феномена, под которым мы понимаем синтез фобий, страхов и панических реакций на природные, биологические и социокультурные вызовы, приобретающие глобальный масштаб в современном мире (Алексеев и др. 2023).

В биологическом смысле метапаразит – это паразит, чей хозяин, часто насекомое, также является паразитом. Таким образом, по определению, метапаразит паразитирует на другом паразите, создавая (иногда многоуровневую) иерархию паразитизма внутри хозяина.

В социогуманитарном контексте метапаразитизм отражает явления, когда определенные идеи или нарративы «заражают» человека и общество, распространяясь, подобно паразиту в организме. В этом ключе творчество Гигера можно рассматривать как творческую декларацию в смысле того, что технологические процессы трансформируются в нечто, напоминающее самовоспроизводящийся организм. Действительно, технологии демонстрируют способность к самоусовершенствованию, адаптации и даже определенной «мутации» в ответ на изменяющиеся условия. И хотя наделять их полноценной способностью к самоорганизации и саморазвитию, как у живых существ, представляется избыточным антропоморфизмом, можно говорить о сложном взаимодействии между человеком как создателем технологий и самими технологическими системами, которые приобретают все большую автономность.

Через призму метапаразитизма творчество Гигера выступает в качестве созданного художником негостеприимного персонального (и парадоксальным образом ставшего популярным) мира, где человек и технологии находятся в тесном, взаимозависимом взаимодействии, образуя своего рода «техно-социальную» систему, сложную, динамичную и многогранную, в которой происходит постоянное перетекание различных категорий друг в друга и где все на все влияет (и это влияние ярко визуализировано).

Ограничения пессимистической оптики Гигера

Важно обратить внимание на то, что, хотя творчество Гигера обладает в буквальном смысле про-

роческим характером, существуют и некоторые моменты, требующие критического рассмотрения. В первую очередь, помещение травматического опыта на одно из центральных мест в его визуальной философии создает слишком односторонний сценарий взаимодействия человека с технологиями и выводит из фокуса положительные аспекты технологического прогресса. Здесь есть некий парадокс и даже, можно сказать, несправедливость: ведь сам Гигер был инноватором, он стал одним из первых серьезных художников, которые начали использовать в своем творчестве такой инструмент, как аэрограф. Кроме этого, своей личной славой Гигер обязан именно развитию и распространению технологий: его участие в масштабных голливудских проектах, тиражирование образов в СМИ, глобализация культуры позволили ему получить мировую известность и признание (Giger 1981).

Во-вторых, надо отметить избыточную эстетизацию страха и травмы в творчестве художника – кошмарные химеры и гибриды, изуродованные и расчеловеченные младенцы нередко настолько впечатляют на визуальном уровне, что затмевают философскую глубину подхода Гигера, обеспечивая ненужную редукцию.

И, наверное, самое главное – это то, что представленная Гигером декларация техноутопии, пусть даже и критическая, не дает даже намека на какой-либо конструктивный проект или хотя бы жизнеутверждающее видение будущего. Тупиковый путь, фокусирующийся на травме и на потере идентичности, не дает надежду ни на преодоление этого кризиса, ни на хотя бы возможность человеческой адаптации к технологическим изменениям.

Заключение

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, можно утверждать, что творчество Гигера выступает глубоким и актуальным осмыслением процессов технологизации человеческой природы. Художник предсказал и визуализировал онтологический сдвиг, который возникает в результате этих процессов, демонстрировал болезненный характер трансформации человеческой природы, в частности, телесности, в рамках интеграции в нее технологических элементов. Его работы выступают своеобразной декларацией и даже пророчеством, в которых собраны существующие и будущие коллективные страхи, а также сценарии технологических метаморфоз, в рамках которых человеческая природа перестает быть стабильной, а человек утрачивает идентичность. Несмотря на то, что критический анализ указывает на принципиальный недостаток творчества Гигера – отсутствие конструктивного видения в части возможности преодоления этого кризиса, что делает его образы и в целом творчество преимущественно пессимистичным, автор стремил-

ся представить наследие Гигера в качестве уникального и перспективного методологического инструмента, посредством которого возможно плодотворно изучать и осмысливать современные онтологические трансформации.

Библиографический список

- Giger, H.R. (1981), *H.R. Giger's New York City*, (1st ed.), Sphinx Verlag, Basel, Switzerland.
- Giger, H.R. (1988), *H.R. Giger's Biomechanics*, (1st ed., Edition C), Zürich, ISBN 3-89082-527-3.
- Giger, H.R. (1991), *H.R. Giger's Necronomicon I*, (5th ed., Edition C), Zürich, ISBN 3-89082-519-2.
- Giger, H.R. (1992), *H.R. Giger's Alien*, (3rd ed., Edition C), Zürich, ISBN 3-89082-528-1.
- Grof, S. (2015), *Modern Consciousness Research, Understanding of Art, and the Visionary World of H.R. Giger*, Multidisciplinary Association for Psychedelic Studies (MAPS).
- Hirsch, A.J. (2021), *HR Giger*, Taschen.
- Идеи как инфекции: введение в проблематику когнитивного метапаразитизма. Эпистема, 1 / Алексеев А.Ю., Гуров О.Н., Сегал А.П., Шелудяков А.В. <https://doi.org/10.18254/S303428800028993-2>.
- Делез Ж. Логика смысла / Пер. Я.И. Свирский. Москва: Академический проект, 2011.
- Сироткина И.Е. Биомеханика между наукой и искусством // Вопросы истории естествознания и техники. 2011. № 1. С. 46–70.
- Фрейд З. Тотем и табу. Москва: АСТ, 2004. 255 с.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. 383 с.
- Харауэй Д. Манифест киборгов: Наука, технология и социалистический феминизм в 1980-е годы. Москва: Ад Маргинем, 2017. 127 с.
- Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / Пер. А. Чечина. Москва: АСТ, 2019. 495 с.

References

- Giger, H.R. (1981), *H.R. Giger's New York City*, (1st ed.), Sphinx Verlag, Basel, Switzerland.
- Giger, H.R. (1988), *H.R. Giger's Biomechanics*, (1st ed., Edition C), Zürich, ISBN 3-89082-527-3.
- Giger, H.R. (1991), *H.R. Giger's Necronomicon I*, (5th ed., Edition C), Zürich, ISBN 3-89082-519-2.
- Giger, H.R. (1992), *H.R. Giger's Alien*, (3rd ed., Edition C), Zürich, ISBN 3-89082-528-1.
- Grof, S. (2015), *Modern Consciousness Research, Understanding of Art, and the Visionary World of H.R. Giger*, Multidisciplinary Association for Psychedelic Studies (MAPS).
- Hirsch, A.J. (2021), *HR Giger*, Taschen.
- Alekseev, A.Yu., Gurov, O.N., Segal, A.P., & Sheludyakov, A.V. (2023), *Ideas as Infections: An Introduction to the Problem of Cognitive Metaparasitism. Epistema, 1*, DOI: <https://doi.org/10.18254/S303428800028993-2>.
- Deleuze, G. (2011), *The Logic of Sense*, Academic Project, Moscow, Russia.
- Foucault, M. (2016), *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, Ad Marginem Press, Moscow, Russia.
- Freud, S. (2004), *Totem and Taboo*, AST, Moscow, Russia.
- Haraway, D. (2017), *A Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist Feminism in the 1980s.*, Ad Marginem, Moscow, Russia.
- Jung, C.G. (2019), *Archetypes and the Collective Unconscious*, AST, Moscow, Russia.
- Sirotkina, I.E. (2011), Biomechanics between Science and Art, *Questions of the History of Natural Science and Technology*, no. 1, pp. 46–70.

Submitted: 25.12.2024

Revised: 02.02.2025

Accepted: 01.03.2025

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-16-22

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 336.741.2:003.62:16

Дата поступления: 20.12.2024

рецензирования: 20.01.2025

принятия: 01.03.2025

А.П. Никитин

Хакасский государственный университет

им. Н.Ф. Катанова,

г. Абакан, Российская Федерация

E-mail: nikitinanton5891@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5534-7931>

Проблема значения в семиотике денег

Аннотация: в статье обобщаются основные подходы, решающие проблему значения денежных знаков. Семиотика денег рассматривается в контексте их связи с естественным языком и в контексте их существования как культурного символа. Целью работы является нахождение оснований, позволяющих разрешить противоречие в теории значения денежных знаков. С одной стороны, в классической интерпретации значением денег объявляются все предметы и действия, имеющие количественную ценность. С другой стороны, современное виртуальное функционирование денег приводит к мысли, что они являются замкнутой самореферентной системой, не отсылающей ни к чему. Значение денег, таким образом, оказывается в фокусе от ничего до всего. Методология исследования базируется на принципах прагматической семиотики, в соответствии с которыми необходимо выделять три уровня семиозиса денежных знаков: семантику, прагматику и синтактику. В статье показано, что два обозначенных крайних подхода сводят семантику денег либо к синтаксическому, либо к прагматическому аспекту. При этом в обоих подходах прослеживается идея финансового мира, концептуализированная в духе платонизма. В статье делается попытка обоснования синтетического подхода, в рамках которого деньги не замыкаются на самих себя, но при этом и не отсылают к предметной действительности.

Ключевые слова: семиотика денег; проблема значения; семантика; прагматика; синтактика; симулякр; возможность; долг.

Цитирование: Никитин А.П. Проблема значения в семиотике денег // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 16–22. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-16-22>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Никитин А.П., 2025

Антон Павлович Никитин – кандидат философских наук, доцент, Институт истории и права, Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова, 655017, Российская Федерация, г. Абакан, проспект Ленина, д. 90.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.P. Nikitin

Katanov Khakass State University,

Abakan, Russian Federation

E-mail: nikitinanton5891@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5534-7931>

The problem of meaning in the semiotics of money

Abstract: the article summarizes the main approaches to solving the problem of the meaning of money. The semiotics of money is considered in the context of its connection with natural language and in the context of its existence as a cultural symbol. The aim of the work is to find grounds for resolving the contradiction in the theory of the meaning of money. Firstly, in the classical interpretation, the meaning of money is all objects and actions that have quantitative value. Secondly, the modern virtual functioning of money implies the idea that it is a simulacrum, an unbacked and self-referential sign. Thus, the meaning of money is indicated in focus from nothing to everything. The research methodology is based on the principles of pragmatic semiotics. In accordance with these principles, it is necessary to distinguish three levels of the semiosis of money: semantics, pragmatics and syntactics. The article shows that the two extreme approaches outlined reduce the semantics of money to either the syntactic or the pragmatic aspect. Both approaches contain the idea of

a financial world conceptualized in Platonic terms. The author attempts to substantiate a synthetic approach, within which money is not self-referent, but at the same time does not refer to objective reality.

Key words: semiotics of money; problem of meaning; semantics; pragmatics; syntactics; simulacrum; possibility; debt.

Citation: Nikitin, A.P. (2025), The problem of meaning in the semiotics of money, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 16–22, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-16-22>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Nikitin A.P., 2025

Anton P. Nikitin – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Institute of History and Law, Katanov Khakass State University, 90, Lenin Prospekt, Abakan, 655017, Russian Federation.

Введение

Семиотика денег на данный момент – целостное и устоявшееся явление в социально-гуманитарных науках со своей традиционной проблематикой, концептуально-методологическим аппаратом и сложившимися направлениями исследования. Несмотря на то, что семиотические подходы при анализе экономических феноменов стали применяться сравнительно недавно (со второй половины XX в.), рассмотрение денег как знаков и в системе знаков обычно ведется с финансовых теорий номиналистического толка XVII–XVIII вв. Дж. Беркли выразил суть этих теорий простым вопросом: «Надо ли рассматривать деньги как то, что обладает внутренней ценностью, или же как товар, мерило, обязательство, о чем пишут на разные лады? И разве не является в сущности истинной идеей денег как таковых идея билета или жетона для счета (counter)?» (Беркли 1978, с. 511).

При этом понимание условности функционирования денег и отсутствия у них объективно заданной значимости можно обнаружить уже у Аристотеля, который писал: «Стоит лишь тем, кто пользуется деньгами, переменить отношение к ним, и деньги потеряют всякое достоинство, не будут иметь никакой ценности в житейском обиходе, а человек, обладающий даже большими деньгами, часто не в состоянии будет достать себе необходимую пищу» (Аристотель 1983, с. 392). В эпоху схоластики под его влиянием деньги также рассматривались не только как качественно ценные предметы, но и как результат общественного соглашения, закрепленного властью государства.

В современной семиотике проблема денег как знаков получила новое звучание благодаря двум факторам: привлечение прагматической методологии в анализе знаков (Ч.С. Пирс и Ч.У. Моррис), а также актуализация постмодернистской концепции денег как симулякров, опирающейся в первую очередь на работы Ж. Бодрийяра. Популярность такого взгляда на деньги была тесно связана с эволюцией самих денежных форм, поскольку в экономической реальности второй половины XX – начала XXI вв. сложилась так называемая виртуальная финансовая система. Сам факт того, что деньги можно просто напечатать или воспроиз-

вести их существование с помощью компьютерного кода породил множество соответствующих концепций, пытающихся убедить аудиторию, что деньги – это некоторого рода матрица, симуляционная система оценивания действительности, с последней никак не связанная. В этих условиях проблема значения стала одной из центральных в семиотических исследованиях денег.

Ход исследования

Рассмотрение денег как знаков очевидным образом ставит вопрос о том, что они обозначают. Не вызывает особых возражений утверждение, что их значение произвольно, но вызывают споры обстоятельства появления такой коллективной воли. Выражаясь в терминах Дж. Серла, можно сказать, что само функционирование денег является фактом эпистемологически объективным, но онтологически субъективным (Searle 1995). Находятся люди, которые желают отказаться от денег, но когда они садятся в общественный транспорт, то должны расплатиться за проезд именно деньгами (эпистемологическая объективность), то есть отдельные индивиды не могут отменить финансовую деонтологию (в случае, если не наделены соответствующими властными полномочиями). С другой стороны, трудно представить, что деньги могли бы существовать без людей (онтологическая субъективность), они являются результатом социального конструирования.

Произвольность значения характерна не только для денежных знаков, и в принципе неудивительно, что в семиотических исследованиях распространенной стала аналогия между деньгами и естественным языком, денежными единицами и словами (Зенкин 2019, Никитин 2016). В качестве примера можно указать на один из известных споров в философии языка по поводу того, отсылают ли слова напрямую к действительности, благодаря чему люди подразумевают одни и те же референты и тем самым могут вступать в коммуникацию, или же значение слов и высказываний приобретает в результате коммуникативного процесса, в котором присутствует элемент неопределенности, что в аналитической традиции называется языковой игрой. В большой степени упрощения этот спор

сводится к вопросу: является ли значение слова зафиксированным указанием или же контекстуальным процессом, в котором слово применяется? Что первично – связь слова с действительностью, благодаря чему возможна коммуникация, или сама коммуникация, благодаря которой конструируется значение слова?

Если же обратиться к истории экономической мысли, то легко заметить, что основной спор по поводу происхождения и природы денег заключается в поиске их первичной функции. Указывается либо функция обмена (коммуникативный акт), на чем настаивает классическая традиция, либо функция платежа и обозначения долга (акт референции), что пытаются доказать неклассические направления в экономике. Собственно, перед нами переформулированный спор о значении слова в виде спора о функциях денег: что первично – обязанность платить, из которой вырастает возможность использовать долг в процессе обмена, или обмен, благодаря которому возникает возможность оплачивать товары определенными единицами?

Данный пример иллюстрирует, что в процессе интерпретации денежных знаков понимание их произвольности обуславливает появление вопросов, аналогичных тем, что существуют в философии языка. Но проблема значения денег выходит далеко за пределы лингвистического дискурса. Она может считаться одной из центральных в рамках попыток понять сложность современного общества и современной культуры. Это вовсе не преувеличение, если учитывать значимость денег в повседневной жизни и их символическую роль в эпоху постмодерна. В осмыслении денег обнаруживается крайняя полярность суждений и коннотаций (Никитин 2014). Сложившиеся подходы в решении проблемы референции денежных знаков отражают указанную тенденцию. По сути, спор вертится вокруг бинарной оппозиции: всё или ничего. То есть первый подход обосновывает, что деньги обозначают все явления этого мира, имеющие ценность, а во втором подходе утверждается, что деньги не обозначают ничего, кроме самих себя, они существуют в качестве самореферентной системы.

Рассмотрим первую крайность в понимании значения денег, в соответствии с которой они унифицируют все объекты реальности. Утверждение, что в деньгах можно оценить мир во всем разнообразии его форм, отражено в обыденном представлении, в соответствии с которым за деньги можно все купить. Признание этой точки зрения в очередной раз роднит деньги с языком, ибо трудно помыслить ситуацию, в которой у людей нет возможности обозначить что-то с помощью слова. Даже если человек сталкивается с каким-то неизвестным ему явлением, он способен создавать

неологизмы, чаще всего используя комбинации лексем и морфем. А может использовать и традиционный для него словарный запас, используя, к примеру, обобщающее понятие «вещь». В этом отношении у денег есть свои недостатки, поскольку если бы индивид пытался количественно оценить незнакомый ему предмет, то перед ним бы встала очевидная проблема критериев такой оценки. Чаще всего мы даем оценку стоимости вещей в сопоставлении с подобными рода предметами, если же вещь уникальна в своем роде, то и ее стоимость может определяться в очень широком диапазоне. Пожалуй, мир искусства и мир моды демонстрирует это в полной мере, поскольку высокая стоимость предметов в этих сферах чаще всего обусловлена эксклюзивностью.

Сторонники такого подхода предлагают решать проблему значения денег с позиции прагматической семиотики с ее делением на семантику, синтактику и прагматику. Прагматическая сторона при этом является базовой. Выделяется три тезиса: 1) У каждого явления в мире есть своя объективная ценность, которую можно выразить в денежном эквиваленте. Семантика всех денег – это умозрительный предел всех актуальных и потенциальных ценностей нашего бытия (скорее всего, бесконечный). 2) Синтаксический срез предполагает, что данную количественную бесконечность мы можем выражать разными качественными субстратами и переводить эти субстраты друг в друга. Пример качественных субстратов (но не единственный) – наименования национальных валют. 3) Прагматика денег определяет, что каждый человек может приобрести за определенную сумму. Если в распоряжении у субъекта 1000 рублей, то значение этой суммы определяется прагматически через вопрос – какую часть ценностей он может купить на эти деньги? То есть прагматика денег в каждом индивидуальном случае дробит этот мир, вычленив в нем то, что может принадлежать субъекту. В слове предметы охватываются мыслью, в деньгах предметы охватываются ценой.

Иллюстративно прагматическая концепция значения денег описана В.А. Лукиным в следующей ситуации: «Когда человек тратит деньги, он делает выбор в пользу одного из равноценных объектов, входящих в экстенционал денежного знака. Так, скажем, на Великолукском железнодорожном вокзале в 2011 году за 50 рублей можно было купить либо бутылку пива, либо пачку сигарет, либо дешевый детектив. Тот объект, который владелец 50 рублей выбирает из ряда других, включенных в экстенционал банкноты, и в обмен на который отдает ее, – референт данного денежного знака» (Лукин 2013, с. 277). Данная статья посвящена не инфляции, но все же стоит отметить, что в 2025 г. перед этим же человеком в этом же месте стоит совершенно другой выбор, если

у него на руках только 50 рублей (возможно, выбора вовсе и нет), и бутылка пива, сигареты или книга в экстенционал банкноты не входят. Таким образом, значение денег оказывается весьма ди-
намичным явлением.

Прагматическая концепция значения денег привлекает как своей стройностью, так и соответствием классическим концепциям в экономике. Вместе с тем она порождает множество вопросов, на которые в первом приближении трудно найти адекватные ответы. Первое, к чему стоит отнестись критически, – это идея объективного значения всех денег, идея того, что у этого мира есть своя количественная ценность, которую деньги и выражают. В этой картине происходит удвоение мира – есть сами вещи, и есть их количественная ценность. Обладая какой-либо суммой денег, которая и является формой количественной ценности, индивид способен обратить ее в конкретный предмет, то есть перейти от одного мира к другому, совершить переход от абстрактного к конкретному. Но остается неясным, в каком смысле существует абстрактное, здесь происходит столкновение с традиционной для аксиологии проблематикой соотношения объективного и субъективного в ценностях.

Г. Зиммель, поднимая этот вопрос в своей работе «Философия денег» (Simmel 1900), проводил аналогию между экономической и эстетической ценностью. Особенностью эстетической ценности является то, что она не имеет отношения к практическому аспекту существования объекта или к стремлению обладать объектом. Как он пишет: «Каждый культурный человек способен провести четкое принципиальное различие между эстетическим и чувственным наслаждением женской красотой, даже если он не может провести черту между этими компонентами своего впечатления в конкретном случае» (Simmel 1900, р. 23). С этим можно согласиться, ведь большинство людей способны наслаждаться красотой женщины, не думая о ней как об объекте сексуального вожделения, пусть даже они этой способностью и не пользуются. Для Г. Зиммеля эстетическая ценность не является неотъемлемой частью объекта, но в глазах субъекта имеет автономное значение, ему кажется, что она присуща объекту независимо от восприятия. Аналогично со стоимостью – человек способен различить удовольствие от обладания предметом и удовольствие, получаемое от осознания того, сколько этот предмет стоит. При этом экономическая ценность выглядит объективной реальностью, хотя она является проекцией человеческого волеизъявления. Один субъект назначает объекту цену, эта цена становится выражением ценности, другой субъект рассматривает эту ценность уже как объективную данность, как то, что непосредственно присуще вещи.

Теперь вновь обратимся к вышеупомянутой аналогии денег и языка. Утверждение, что деньги обладают унифицирующей силой, аналогично тезису, что язык в отношении объектов реальности универсален. Но если мало сомнений в том, что язык может обозначить действительно все, то гораздо меньше оснований признать такую силу у денег. Это понимается практически всеми, кто занимается семиотическими исследованиями денег, вне зависимости от того, как они решают проблему их значения. Так, С. Зенкин пишет о том, что за деньги невозможно купить качества, движение, бытие, деньги не могут служить для метаязыкового описания, в деньгах могут измеряться только конкретные факты (Зенкин 2019). Да и с конкретными фактами не все так просто. Есть факты, которые не используются в товарно-денежных отношениях (хотя потенциально могут быть туда вовлечены). Люди дышат воздухом, и пока никто не определяет, сколько это стоит, пинают осенние листья в парках, и никто не выставляет им счет. В ответ на это замечание мог бы последовать аргумент, вновь отсылающий к проблеме объективного значения денег. Да, мы не задумываемся над тем, сколько стоит разбрасывание желтых листьев в парке, но из этого не следует, что у данного действия нет никакой ценности, которую возможно выразить количественно.

Кроме этих проблем, в прагматической концепции обращает на себя внимание переход от признания возможности что-то купить за определенную цену к утверждению, что это что-то обозначается данной ценой. Речь идет о тезисе: то, что мы можем приобрести за 50 рублей, – это экстенционал данного знака; то, что мы в итоге приобретаем, – его референт. Теперь обратимся к обыденной ситуации. Условный индивид покупает в магазине канцелярских товаров карандаш за 50 рублей. Выходя на улицу, натывается на группу молодых людей, которые интеллигентно просят его: «Уважаемый, дайте 50 рублей». Если референтом 50 рублей является карандаш, этот индивид может спокойно его и отдать, но вряд ли группа молодых интеллигентов порадует такому действию. И эта обыденная ситуация сразу показывает нам различие между словом и деньгами: при фразе «Дайте карандаш» люди подают карандаш, а при фразе «Дайте 50 рублей» люди не подают карандаш, даже при условии, что 50 рублей и карандаш равноценны.

И именно этот момент определяет аргументацию тех, кто утверждает, что деньги самореферентны, что они могут отсылать только к другим деньгам, что они – один из ярких примеров симулякров, то есть знаков, не имеющих референтов в реальности. Эта традиция восходит к работам Ж. Бодрийяра (Бодрийяр 2000, Бодрийяр 2015), в целом стала популярной в постмодернистской

философии и литературе, и при этом она весьма созвучна тем явлениям, которые наблюдаются в современной экономике, когда финансовая сфера оказывается доминирующей, мало связанной с реальным сектором экономики. Многие участники экономических отношений поверили, что в обществе постмодерна деньги «делаются из воздуха», что они функционируют сами по себе, что их можно «притянуть», магическим способом «приворожить», что получение денег – это игра, в которой стандарты трудовой этики не работают. И их вера вылилась в действия, которые стали разрушать традиционные экономические институты, укрепляя представление о том, что финансовый мир – это мир, существующий автономно от предметов и процессов чувственной действительности.

Если сравнивать такой подход с универсалистским и прагматическим взглядом на природу денег, то обнаружится явное акцентирование на синтаксическом аспекте существования денежных знаков. 1) Объективных ценностей, выраженных количественно, не существует. Любому предмету мы можем задать цену, варьирующуюся до астрономических сумм, даже обычному карандашу. Наделение стоимостью – это игра, никак не связанная с практической значимостью объекта (поэтому никого не должно удивлять, что приклеенный скотчем к стене банан продается за 6,2 миллиона американских долларов). 2) Синтаксически деньги обращаются друг в друга, и именно этот процесс определяет их значение. Деньги обладают абсолютной ликвидностью, они всегда стоят столько, сколько отражает их номинал. Финансовая система – автономная система, замкнутая на самой себе и не обращенная ни к чему другому. 3) Прагматика денег определяет не то, что каждый человек может приобрести за определенную сумму, а то, какие другие деньги он может привлечь. Если в распоряжении у субъекта 1000 рублей, то значение этой суммы определяется следующим образом – сколько других денег они способны «добыть» для их владельца. В результате и обнаруживается другая крайность – деньги в этой картине не обозначают ничего, кроме самих себя.

Нетрудно обнаружить элементы платонизма как в первом, так и во втором случае. И там, и там наблюдается экономика, состоящая из двух миров – мира вещей и мира количественно заданных ценностей. Расхождение начинается с вопроса о том, насколько эти два мира связаны между собой. Универсалистский взгляд предлагает нам связать их через человеческие предпочтения – обращая деньги в предмет, люди конкретизируют значение определенной суммы; как вещи у Платона воплощают эйдосы, так и товары воплощают денежные суммы. Альтернативный взгляд предлагает нам

разорвать связь между миром финансов и миром вещей, у 1000 рублей нет никаких «копий», деньги в большей степени соответствуют признакам эйдолонов (идолов, призраков), чем эйдосов.

Второму подходу тоже есть что возразить. Если бы эти два мира (мир денег и мир предметов) не были связаны друг с другом, если финансовая реальность – это гиперреальность, то, в принципе, в своей обыденной жизни люди спокойно могут обойтись и без денег. Концепция симулякров демонстрирует нам, что знаки без референтов активно воздействуют на социальные установки и паттерны, но если симулякры будут игнорироваться, то и реальность будет ближе к человеку, его жизнь от этого не пострадает. В качестве примера можно обратиться к миру моды. Да, следование моде является важной частью самопрезентации человека, демонстрации и поддержания его социального престижа. Это также один из способов сформировать представление у окружающих о своем успехе, даже если этого успеха в реальности нет. С другой стороны, огромное количество действительно успешных людей могут абсолютно игнорировать тенденции моды и не чувствовать себя от этого ущемленными. То есть у людей есть возможность выбрать – следовать моде или нет, верить массмедиа или нет, покупать рекламируемый товар или нет и т.д. А теперь зададимся вопросом – существует ли у людей подобный выбор в отношении денег? Если кто-то поверит, что деньги – это симулякр и откажется от них, его реальная жизнь от этого не пострадает? Отвечать на риторические вопросы не имеет смысла.

Таким образом, утверждение, что деньги ничего не обозначают, кроме самих себя, сталкивается с повседневным опровержением данного тезиса. Если бы это было так, то акторы экономических отношений относились бы к деньгам как к монетам в игре «Монополия», но они вынуждены видеть в деньгах источник своего благополучия, и финансовый мир в этом контексте непосредственно связан с реальным миром.

Можно констатировать, что обе крайности в решении проблемы значения денежных знаков, где одним полюсом выступает весь мир, а другим полюсом небытие, выступают в большей степени идеально-типическими конструкциями, сквозь призму которых осмысливается место денег в культуре. У нас есть достаточно оснований, чтобы поставить под сомнение прямую отсылку денежных знаков к предметам мира, но и автономность денег носит лишь технический характер (современные деньги все же остаются виртуальной субстанцией). Если же попытаться найти «золотую середину» между данными полюсами, то существует, по крайней мере, два термина, позволяющие нам справиться с этой задачей.

Во-первых, виртуальность денежной системы заключается в том, что деньги дарят людям не конкретные материальные блага, а чистые возможности, что и является их значением. Почему мы полагаем, что группе молодых людей не понравится, если им вместо 50 рублей дают карандаш? Потому что в этот момент их лишают возможности выбирать, на что потратить эти небольшие деньги. Когда в нашей не столь далекой истории людям выдавали заработную плату так называемой «товаркой», это воспринималось крайне негативно, хотя стоимость товаров была эквивалентна сумме заработной платы. Людей не лишали материальных ценностей, но людей лишали возможности их выбирать. Это важно, поскольку в таком акте социальные акторы также реализуют свою свободу. И для многих быть свободным равнозначно тому, чтобы иметь деньги в достаточном количестве для любого своего выбора.

Во-вторых, дополняющим понятием (но не противоречащим первому пункту), объясняющим значение денег, является понятие долга. Об этом говорит Д. Гребер в своем антропологическом исследовании (Гребер 2024), показывая, что на протяжении человеческой истории именно долг (нравственный, священный, политический, экономический) определял функционирование денег и социальные отношения по поводу их распределения. К. Поляни (Поляни 2007) также показал, что изначально у денег не было никакой универсальной функции, как то полагали классические концепции, указывая на функцию обмена. Функции денег были разделены, но фундаментальной была как раз оплата долга – долга перед властью и перед богами.

Для современной экономической ситуации эти положения обозначают довольно простые отношения. Доверие к фидуциарным деньгам основывается на гарантии государства, которое, благодаря им, распространяет общественное благо среди населения. Что конкретно выбрать из этого блага, выбирает сам человек. Если у него на руках 1000 рублей, он имеет возможность забрать себе часть общественного блага, а остальные держат государственный долг перед ним и отдают его тем способом, который могут предложить, чтобы самим приобрести возможность, выраженную в знаковой форме «1000 рублей».

Подобного рода подход действительно оказывается синтетическим, объединяющим две крайности, которые здесь рассмотрены. Ведь когда мы держим в руках 1000 рублей, по факту никакого материального блага у нас нет (что соответствует утверждению, что перед нами симулякр), но с другой стороны, без больших усилий мы это благо в разных его вариантах можем приобрести (что соответствует универсалистскому взгляду).

Заключение

Как было показано, проблема значения в семиотике денег имеет два радикальных решения, в соответствии с которыми деньги либо охватывают своим существованием весь мир, либо с миром вообще никак не соотносятся. При всех своих недостатках, у этих подходов есть важная функция – они выступают в качестве типологических идеализаций, раскрывающих смыслы денег в культуре, в общественном сознании. Для осмысления символического существования денег всегда была характерна ярко выраженная бинарность, и диалектика бытия и небытия, всего и ничего в их интерпретации лишней раз подтверждает данную тенденцию. Вместе с тем есть и «срединный путь», позволяющий смотреть на деньги не сквозь призму полярных суждений, а сквозь призму их общественного предназначения. Таким способом является указание на способность денег давать людям возможности и распределять долг. Данный подход описывает существование денег уже не сквозь призму противоположностей, а через взаимодействие, где возможность одних предполагает долг других, и наоборот – долг одной стороны предполагает возможность второй стороны.

Библиографический список

- Searle, J.R. (1995), *The construction of social reality*, Free Press, New York, in English.
- Simmel, G. (1900), *Philosophie des Geldes*, Verlag von Duncker&Humblot, Leipzig, in German.
- Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 4. Москва: Мысль, 1983. 830 с.
- Беркли Дж. Сочинения. Москва: Мысль, 1978. 556 с.
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. Москва: Добросвет, 2000. 387 с.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Москва: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
- Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2024. 448 с.
- Зенкин С. Слова и деньги: опыт сравнительной семиотики // Новое литературное обозрение. 2019. № 6 (160). С. 14–22.
- Лукин В.А. Семиотика денег и семиотические аспекты экономического кризиса // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 1 (51). С. 274–282.
- Никитин А.П. Божественное и дьявольское в деньгах // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2. С. 105–113.
- Никитин А.П. Проблема аналогии денег и языка в ракурсе аналитической философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.

логия. 2016. № 4 (36). С. 95–102. DOI: <http://doi.org/10.17223/1998863X/36/10>.

Поланьи К. Семантика использования денег // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. Москва: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 125–137.

References

Searle, J.R. (1995), *The construction of social reality*, Free Press, New York, in English.

Simmel, G. (1900), *Philosophie des Geldes*, Verlag von Duncker&Humblot, Leipzig, in German.

Aristotle (1983), *Works in 4 vol. Vol. 4*, Mysl', Moscow, Russia, in Russian.

Berkeley, G. (1978), *Works*, Mysl', Moscow, Russia, in Russian.

Baudrillard, J. (2000), *Symbolic exchange and death*, Dobrosvet, Moscow, Russia, in Russian.

Baudrillard, J. (2015), *Simulacra and simulations*, POSTUM, Moscow, Russia, in Russian.

Graeber, D. (2024), *Debt: The first 5000 years*, Ad Marginem Press, Moscow, in Russian.

Zenkin, S. (2019), Words and money: Experiments in comparative semiotics, *Novoe literaturnoe obozrenie*, vol. 6 (160), pp. 14–22, in Russian.

Lukin, V.A. (2013), Semiotics of money and semiotic aspects of the economic crisis, *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 1 (51), pp. 274–282, in Russian.

Nikitin, A.P. (2014), Divine and devilish in money, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political science*, vol. 2, pp. 105–113, in Russian.

Nikitin, A.P. (2016), The problem of analogy of money and language in view of analytical philosophy, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political science*, vol. 4(36), pp. 95–102, in Russian, DOI: <http://doi.org/10.17223/1998863X/36/10>.

Polanyi, K. (2007), Semantics of using money, «Velikaya transformaciya» Karla Polan'i: proshloe, nastoyashchee, budushchee, GU-VShE, Moscow, pp. 125–137, in Russian.

Submitted: 20.12.2024

Revised: 20.01.2025

Accepted: 01.03.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 165

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-23-30

Дата поступления: 10.01.2025
рецензирования: 12.02.2025
принятия: 13.03.2025

А.Н. Огнев

Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ognev.an@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3400-8820>

Онтогносеологический горизонт функций языкового знака

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о функциях языкового знака, образующих умопости-гаемую целостность с точки зрения их системных взаимосвязей, возникающих в сущностном средото-чии взаимно-однозначного соответствия между бытием и мышлением. Онтогносеологический горизонт определяет действенность и исполнимость функций языкового знака в контексте противопоставле-ния идеального и реального. Формулируется различие между двумя способами проблематизации – апоретическим в онтологии и антиномическим в гносеологии. В статье предложено рассмотрение функционального ансамбля языкового знака. Выделено семь основных функций и дифференцированы их системообразующие оппозиции. Показано различие функциональных доминант в ходе решения проблемы универсалий как основного вопроса средневековой философии. Предложена новая интер-претация модели «семиотического треугольника» в свете принципов критической онтологии Н. Гарт-мана по критериям «ступенчатости» и «слоистости». Выделены конститутивные и регулятивные фак-торы дифференциации языковых функций номотетического минимализма.

Ключевые слова: онтогносеологический горизонт; функция; знак; означающее; означаемое; бы-тие; мышление; номинализм; реализм; концептуализм.

Цитирование: Огнев А.Н. Онтогносеологический горизонт функций языкового знака // Семиоти-ческие исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 23–30. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-23-30>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Огнев А.Н., 2025

Александр Николаевич Огнев – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Самар-ский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Россий-ская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.N. Ognev

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: ognev.an@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3400-8820>

Ontognoseological horizon of the functions of the linguistic sign

Abstract: the article considers the function of a linguistic sign that forms an intelligible integrity from the point of view of their systemic interrelations arising in the essential center of the one-to-one correspondence between being and thinking. The ontognoseological horizon determines the effectiveness and feasibility of the functions of a linguistic sign in the context of the opposition of the ideal and the real. The difference between two ways of problematization is formulated - aporetic in ontology and antinomic in epistemology. The article proposes to consider the functional ensemble of a linguistic sign. Seven main functions are identified and their system-forming oppositions are differentiated. The difference in functional dominants is shown in the course of solving the problem of universals as the main issue of medieval philosophy. A new interpretation of the “se- miotic triangle” model is proposed in the light of the principles of N. Hartmann’s critical ontology according to the criteria of “stepping” and “layering”. Constitutive and regulatory factors of differentiation of linguistic functions of nomothetic minimalism are identified.

Key words: ontognoseological horizon; function; sign; signifier; signified; being; thinking; nominalism; realism; conceptualism.

Citation: Ognev, A.N. (2025), Ontognoseological horizon of the functions of the linguistic sign, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 23–30, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-23-30>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Ognev A.N., 2025

Aleksandr N. Ognev – Candidate of Philosophy, Associate Professor of Philosophy Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Семиотика как дисциплина, исследующая свойства и характер различных знаковых систем, образует своеобразную область научного знания, положение которой обеспечивает функционирование системных взаимосвязей между различными областями естественных, общественных, технических, социальных и гуманитарных наук. Возникновение научной семиотики, последовательно дистанцирующейся от метафизической ангажированности как натуралистического, так и спиритуалистического образца, стало событием, изменившим представления о характере задач научного познания как динамической системы, обладающей внутренним ресурсом для концептуального саморазвития. Эпохальной вехой в этом отношении можно считать признание Ч.С. Пирса о том, «что в уме есть знак, развивающийся в соответствии с законами вывода» (Пирс 2000, с. 91). Лингвистическая мысль ответила на эту декларацию радикальным антисубстанциализмом сосюрковского сравнения языка с шахматами. Ф. де Соссюр был убежден в том, что «система значимостей создает действительную связь между звуковыми и психическими элементами внутри каждого знака» (Соссюр 1999, с. 120). Проблема, однако, состояла в том, что тем самым элиминировались критерии дифференциальных признаков языковых единиц: «отличительные свойства единицы сливаются с самой единицей» (Соссюр 1999, с. 121). Косвенным признанием необходимости поворота семиотической и лингвистической мысли к понятию функции можно считать и утверждение Ю.М. Лотмана: «Искусственные языки моделируют не язык как таковой, а одну из его функций» (Лотман 2016, с. 21).

Важный вклад внесла Самарская семиотическая школа в ходе противопоставления рецептивного и проективного аспектов семиозиса. А.Ю. Нестеров справедливо отмечает: «Проблема интерпретации на уровне прагматики связана с разграничением рецептивной и проективной деятельности. Рецепция как процедура декодирования знаков – это наиболее полно исследованная область семиотики, обычно рецепция рассматривается здравым смыслом как нечто, тождественное интерпретации. Проекция – это создание нового в рамках семиозиса» (Нестеров 2017, с. 67). Следует согласиться с И.В. Деминим, обращающимся

к проблеме семиотики истории: «Игнорирование (или недооценка) семантического аспекта исторического семиозиса чревато размыванием границ между историей и вымыслом» (Демин 2017, с. 9). В свете сказанного рассмотрение взаимодействия и понятийного разграничения онтологических предпосылок и гносеологических приоритетов функционального ансамбля языкового знака составляет содержательную сторону предлагаемого исследования.

Ход исследования

Целью исследования онтогносеологического горизонта обобщения функционального ансамбля языкового знака является различение антиномического и апоретического аспектов в процессе осуществления акта семиозиса. Функции, которые напрямую не связаны с телеологической интенцией, входят в режим семиотической рецессии и низводятся до уровня установочных автоматизмов, не имеющих самостоятельного значения. Здесь осуществляются детерминации, не предполагающие исключений, а потому подчиненные только рассудочным правилам, не имеющим прямого отношения к целям разума. Указанное положение дел обусловлено второй лосевской аксиомой языковой валентности, которая гласит: «Всякий знак языка есть акт человеческого мышления» (Лосев 1982, с. 126). В этом смысле можно принять тезис К. Бюлера о том, что «язык есть специально сконструированный посредник» (Бюлер 1993, с. 1), обеспечивающий специфическое условное тождество объекта и субъекта посредством репрезентативного функционала знака. Репрезентативный функционал допускает в своем составе ряд позиционных альтернатив, актуализирующий смысл телеологической интенции, «вновь обретающий единство своего внутреннего плана в бесконечном разнообразии языковых явлений» (Бенвенист 2002, с. 46), согласно свидетельству Э. Бенвениста. Эти отношения традиционно схематизируются в виде семиотического треугольника, включающего означающее, означаемое и знак. Проблема, однако, состоит в том, что схема эта в своей абстрактности игнорирует дефицитарность психо-семиологического запроса по Г. Гийому: «идея не может для себя изобрести соответствующий знак» (Гийом 1992, с. 74), а потому под нее трансформируется уже имеющийся репрезентативный

функционал, в котором происходит перенастройка функциональных регистров.

Возникает необходимость теоретической ревизии дидактически безупречной равновесной модели языкового знака, которая предполагает не отказ от модели равнобедренного треугольника, а всего лишь сомнение в ее фактической исполнимости на corteже фактов, представленных планом содержания (см. рис. 1).

и конститутивного члена ее системообразующей оппозиции воспроизводит посредством рутинных процедурных дихотомий модельную ситуацию архаичного «древа Порфирия». Младшая функция возникает из схизиса содержательного аспекта старшей, тогда как формальный регулятив рассудочно аксиоматизирует status quo функции и не несет в себе никакой новизны, поскольку он беспроblemен и не включает в себе никакой кон-

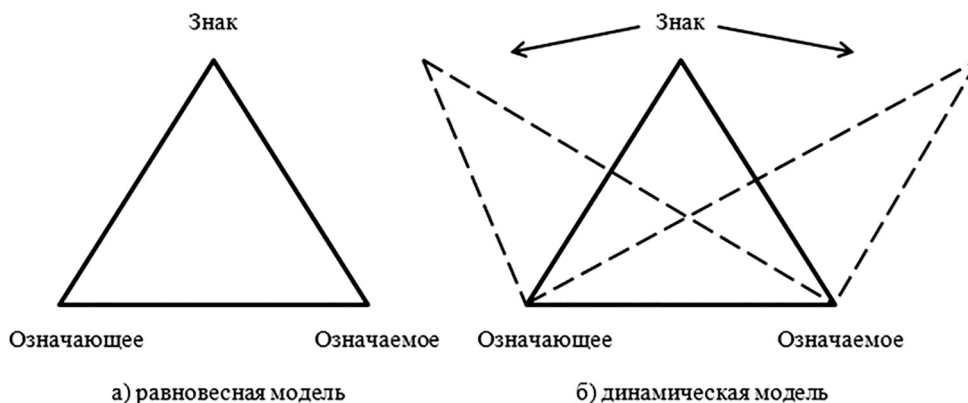

Рис. 1

Логически первой при этом можно считать номинативную функцию языка (1), дающую набор упорядоченных сигнификаций. Те из них, которые обладают собственной семантикой, могут претендовать на коммуникативную значимость, актуализация которой приводит к исполнению коммуникативной функции (2), которая, в свою очередь, позволяет различать данное и новое, что делает возможной когнитивную функцию (3), которая объясняет неочевидное из имеющихся очевидностей. Мотивированное значение требует выражения, осуществляемого экспрессивной функцией (4), которая модифицирует наличный когнитивно-мотивированный диктум, придавая ему выразительность сообразно канону, актуальному для заданного коммуникативного регистра. То, что выражено, должно быть воспринято. Так включается эстетическая функция (5), переводящая форму в режим тропа. Последний, будучи ее несобственным употреблением, требует кодификации на основании эйдетических критериев. За это отвечает нормативная функция (6), противопоставляющая норму и узус в рамках той или иной концепции стиля. Достижение стилистической конкретности реализует последнюю оппозицию логоса и пафоса как субъектного осуществления оптимума надличностных действенных сил. В свои права вступает магическая функция (7), создающая из сигнификаций вторичную упорядоченную «реальность», которая претендует на то, чтобы явить разум как продукт исторического бытования знака.

Нетрудно заметить, что логическая дифференциация функций через антитетику регулятивного

фликтогенной коллизии, требующей объяснения. Конститутивный член оппозиции предполагает наличие гипотезы, имеющей условное неформализуемое содержание.

Особо почетное место занимает проблема универсалий в качестве основного вопроса средневековой философии. Метафизическая подоплека теологических рецидивов здесь вполне очевидна, чего нельзя сказать о функциональных предпосылках титульных решений этой проблемы, каждое из которых вполне рационально для строго определенных регионов мыслительной тематизации и допускает построение непротиворечивых аксиоматик для догматически-тракуемых коммуникативных заданий. Так, в частности, крайний реализм с онтологическим доказательством бытия Бога не только кодифицирует перфекционизм лейбнице-вольфской метафизики и образует осевую аргументативную структуру гегелевского панлогизма, но и заявляет о себе в парадоксе Кантора для теории множеств: множество, которое является частью самого себя, оказывается парафразом онтологического аргумента, в соответствии с которым совершенная сущность включает в число своих совершенств свое совершенное существование. Без парадокса нет теории множеств, а без нее невозможно интегрировать и сделать взаимноконвертируемыми математические дисциплины в единую науку. Крайний реализм зиждется на абсолютизации магической функции знака, будучи ее метафизическим королларием. Умеренный реализм доминиканской схоластики незаменим при построении всеобъемлющей картины мира на

иерархических символических основаниях. Он за-действует ансамбль младших функций – эстетической, нормативной и магической, будучи адаптивной редакцией реалистической доктрины. Крайний номинализм базируется на абсолютизации номинативной функции и на первый взгляд представляется малопродуктивной в познавательном плане установкой, но он образует теоретическое предвосхищение топологии в идее качественной геометрии Н. Орема. Критический номинализм, или терминизм, представляет собой надежную методологическую базу для экспериментального естествознания, позволяя извлечь опыт посредством применения «бритвы Оккама» от умозрительных псевдообобщений. Терминизм является адаптивной версией номинализма, задействуя ансамбль из трех старших функций – номинативной, коммуникативной и когнитивной. Аналогичные процессы происходят и в концептуализме, жесткой версией которого можно считать новоевропейскую доктрину Дж. Локка, абсолютизирующую изолированную экспрессивную функцию, а адаптивной – сермонизм П. Абеляра, концентрирующегося на ансамбле трех средних функций – когнитивной, экспрессивной и эстетической. Новоевропейская редакция концептуализма обосновывает принципы педагогики, а сермонизм оказывается востребованным в психологии. Итак, будучи принципиально неразрешимой в метафизическом формате, проблема универсалий дает теоретический импульс, приводящий к важным и ценным результатам.

Любая функция при определенных условиях может стать в знаке доминирующей, но в случае условной дефицитности погружается в состояние семиотической рецессии, будучи мыслимой без противоречия как часть семиотического потенциала знака, из чего можно умозаключить, что представляемый нами в плане отражения «элементарным» знак на деле всегда в плане выражения оказывается комплексным, что противоречит обыденному сознанию, к которому в этом вопросе апеллировала схоластика, видя в элементарном знаке часть, а в комплексном – целое, руководствуясь натуралистической аналогией, приводящей прямым путем к классическому инциденту кантовской антиномии. Важно понимать, что за каждой функцией стоят не только абстракции рассудочного мышления, обладающие аналитической истинностью, но и аксиоматические фонды различных лингвистических теорий, которые вне методологического консенсуса семиотики обречены на узус в контексте исторически-преходящих частнопредметных гипотез.

1. Номинативная функция определяет абстрактные лимиты сигнификации посредством оппозиции автосемантии и синсемантии, в которой синсемантия исчерпывается регулятивными

формализмами, а автосемантия предстает конститутивным фактором, обладающим познавательной значимостью. Датский структурализм предлагает аксиоматику плана выражения на основе алгебры семантических множителей. Характеризуя номинативную функцию, Л. Ельмслев умозаключает, что «только благодаря ей, существуют два ее функтива, которые можно теперь точно обозначить как форму содержания и форму выражения» (Ельмслев 2006, с. 80). Тем самым догматизируется постулат их взаимно-однозначного соответствия. Прибегая при этом к медиализации последнего, О. Есперсен признает, что «мы создаем в нашем сознании или, по крайней мере, в языке определенные более или менее стабильные точки, определенные средние единицы» (Есперсен 1958, с. 68). Номинативная функция моделируется посредством единиц, которые отражают не реальность, а потребность в ее исчислимости.

2. Коммуникативная функция языка актуализирует принцип интерсубъективности, предполагающий общезначимость некоторых интенций говорящего и слушающего. Ключевую оппозицию образует оппозиция темы как «данного» и ремы как «нового», выступающего в качестве конститутивного фактора, гарантирующего содержательность высказывания. Тематические регулятивные формализмы допускают элиминацию в той мере, в какой это не искажает смысла выражения. Наибольший вклад в изучение этой функции внесли лингвисты Пражской школы. Ими было открыто несовпадение логического и функционального синтаксиса. Изучение речевых явлений приводит В. Матезиуса к неутешительному выводу, обусловленному изоляцией коммуникативной функции от всех прочих: «Язык как система выразительных и коммуникативных знаков является абстракцией и существует только в идеале» (Матезиус 2003, с. 55). Абсолютизация коммуникативной функции приводит к утрате лингвистикой языка как предмета исследования.

3. Когнитивная функция языка базируется на оппозиции денотативного и коннотативного значения. Она позволяет разграничить акты понимания, познания и постижения в качестве спецификатов плана отражения. В регулятивном смысле формализуемо только денотативное значение, но на практике оно актуализируется в коннотациях. В несобственном смысле термин только экспонируется, но тем самым он приобретает несвойственные ему новые коннотации, выпадающие из системы формализованных денотативных соответствий. Термин указывает на исполнимость некоего дефинитивного акта в операциональном режиме, но вне дефиниции он сам по себе не может считаться ни истинным, ни ложным.

4. Экспрессивная функция выражает отношение говорящего к тому сообщению, которое он

стремится донести до слушающего. Регулятивный аспект экспрессивной функции формализует диктум, представляющий собой пропозициональный концепт высказывания, взятый в отвлечении от его модальных характеристик. Конститутивный же аспект представлен модусом, в котором доносится сообщение. В нем фиксируется возможность, действительность или необходимость атрибуции высказывания по критериям полноты, опосредствования и предельности, релевантным с точки зрения некой интулируемой идеи. Теоретик эстетического идеализма в языкознании Б. Кроче утверждает: «Интуировать – значит выражать и не значит ничего другого» (Кроче 2000, с. 21).

5. Эстетическая функция делает воспринимаемым то, что адекватным образом выражено, развертывая предсказуемый порядок рецепции. Для ее исполнения релевантна оппозиция формы и тропа, являющего собой ее несобственное употребление в режиме превращенной формы. Для эстетической теории релевантна антиномия «красоты в природе» и «прекрасного в искусстве», в контексте которой доминирующий форматив низводит рецессивные способы формообразования до условного статуса «материала», подтверждая конститутивность тропа, фокусирующего художественный замысел творца, предстающий в виде семиологического факта, на что указывает Я. Мукаржовский: «Произведение – это еще и «вещь», представляющая его в чувственном мире и доступная восприятию без каких бы то ни было ограничений» (Мукаржовский 1994, с. 191). При этом знак действует только на другие знаки, но не на реальность, сводя их в единство идеации.

6. Нормативная функция апеллирует не к сущему, а к должному, постулируя необходимую конфигурацию границ посредством оппозиции нормы и узуса. Норма в своей идеальности образует абстрактный регулятив, тогда как узус всегда конкретен. Он исполним в тех пределах, которые заданы мерой стилистической дифференциации. Узус констатирует знак в его реальном переживании, поскольку он допускает свою избирательную прагматизацию, достаточную для актуализации семиосферы, в которой осуществим постулат «нормального субъекта», для которого значимы рассудочные правила.

7. Магическая функция инспирирует воздействие идеи на реальность, ставя перед собой задачу порождения объективной реальности через язык. Она лимитирована оппозицией логоса и пафоса, возникающей по поводу той или иной сверхценной идеи, которой подобает некая всеобъемлющая реальность. Если логос абстрактен, то пафосу подобает конкретность в качестве гегелевский «всеобщей силы действия», что предполагает ситуацию отчуждения сущностных сил субъективности в ходе форсированной идеализа-

ции, подверстывающей реальность под фикцию метафизического символа, что происходит в мифологии, религии и идеологии. Если логос конкретен, то пафос ввергается в рецессию, что делает возможной реализацию диалектического потенциала знака, обеспечивающего рациональное присвоение предметности путем деноминации титульного набора превращенных форм. Оба разнонаправленных процесса позиционируют идею через магический знак, подлежащий либо интериоризации, либо экстериоризации. Й.Л. Вайсгербер утверждает: «Лишь символическая форма познания может привести к такому построению нашего понятийного мира» (Вайсгербер 1993, с. 141).

Посредством функционального ансамбля знаковых функций самосознание устанавливает онтогносеологический горизонт действительности. Онтология, опираясь на принцип гилеморфизма, воспринимает язык, согласно П.А. Флоренскому, как «огромное лоно мысли человеческой» (Флоренский 1990, с. 163). Для гносеологии, исходящей из субъектно-объектного отношения, существенно, согласно С.Н. Булгакову, то, что «в слове отслаивается чистый смысл или идея, имеющая общее, самодовлеющее значение» (Булгаков 1997, с. 74). Отсюда проистекает различие в характерных способах проблематизации, задающих для онтологии апоретический, а для гносеологии – антиномический формат.

Выводы

Функциональный ансамбль языкового знака включает в себе семиотический синтез. Функции обеспечивают эту необратимость только опосредованно, через снятие своей оппозиционной изостени, что выражается в идеации функциональной доминанты и в декомпенсации факторов семиотической рецессии, относительно которых практикуется обращение в качестве стандартной процедуры логической нормализации. Параметры оперативной исполнимости последней находятся ниже уровня, предусмотренного планом выражения, тогда как ее результаты постулируют эффект трансценденции плана отражения. Следует вместе с основоположником критической онтологии Н. Гартманом задаться вопросом о том, «насколько они действительно суть законы существующих в природе взаимосвязей и насколько – лишь законы научного мышления?» (Гартман 2003, с. 69). Учитывая тот факт, что критическая онтология рассматривает бытие безотносительно к его смыслу, ответ на него может быть только диалектическим. Оно воспроизводит дуализм знака как такового. Номотетика семиотического функционала существует апоретически, но мыслима в сюжетной канве языковых антиномий.

I. Системообразующая оппозиция каждой функции, будучи взятой дискретно, включает

в себе изостению четной оппозиции, которая не допускает никакого синтеза. Применение к ней диахронической методологии приводит к гумбольдовским антиномиям, а синхронической – к соссоровским.

II. Между функциями существует отношение полярности, наблюдаемое в решении проблемы универсалий. Наибольшая противоположность наблюдается между номинативной (1) и магической функцией (7), где первая соотносится с означающим, а последняя – с означаемым. Меньшая степень противоположности обнаруживается между коммуникативной (2) и нормативной (6) функцией с теми же исходными соотношениями. Контрастность снижается в отношении между когнитивной (2) и эстетической (5) функцией, а затем сходит на нет, будучи снятой в экспрессивной функции (4), не имеющей противочлена по диспозиции.

III. Каждая из перечисленных антитез, за исключением одинарной экспрессивной функции (4), может выступать в качестве конститутивного основания для приращения определенности вплоть до достижения другого отношения с меньшей степенью понятийной полярности. Здесь стратегия приращения определенности требует логического обращения. Следовательно, в отношении коммуникативной (2) и нормативной (6) функции соотношение означающего и означаемого меняется местами. Конверсивная процедура по факту своего исполнения оказывается регулятивом, полагающим границу для прежнего понимания функционального антагонизма. Рассмотрение отношения между нормативной (6) функцией как означающим и коммуникативной (2) как означаемым требует их позиционирования уже в конститутивном, а не в регулятивном (как было до того) качестве. Пределом приращения определенности в этом ключе становится через обращение отношения когнитивной (3) и эстетической (5) функций, которое оказывается возвращением к исходным титульным референциям, ибо первая соотносится с означающим, а вторая с означаемым. В экспрессивной функции (4) потенциал полярности исчерпан полностью. Теперь знак заключает в своей снятой форме все неочевидные превратности, которые он претерпел в ходе своего семиотического генезиса (см. рис. 2).

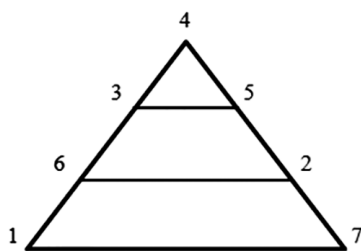

Рис. 2. Функциональная апоретика слоистости
Fig. 2. Functional aporetics of layering

IV. Модель семиотического треугольника преобразуется в трехслойное образование с границами, параллельными основанию. Между ними заключены разнородные в качественном смысле предметно-содержательные пласты. К аналогичному приему прибегал Ф.В.Й. Шеллинг в «Системе трансцендентального идеализма», трактуя их как различные «эпохи» самосознания. В данном случае следует ограничиться различиями в габитуалитетах предметности, образующей условные семиотические слои. Это будут: вещь, процесс и состояние (см. табл. 1).

V. Основанием приращения определенности всякой вещи является оппозиция номинативной и магической функции, а пределом – нормативной и коммуникативной. Достигая этой регулятивной антитезы, вещь обретает совершенство. Совершенная вещь предстает как тело.

VI. Основанием приращения определенности всякого процесса является оппозиция нормативной и коммуникативной функции, а предел – когнитивной и эстетической. Достигая этой регулятивной антитезы, процесс обретает необратимость. Необратимый процесс являет себя в душе.

VII. Основанием приращения определенности всякого состояния является оппозиция когнитивной и эстетической функции, а пределом – экспрессивная функция, составляющая их «истинную середину» в гегелевском смысле. Достигая этого пункта, состояние становится открытым. Открытое состояние предстает как дух.

VIII. Человек есть универсальный знак сущего, ипостасирующий триединство тела, души и духа. Их упорядоченная тотальность раскрывается в языковой картине мира.

IX. Апория «ступенчатости» и «слоистости» создает видимость дезактуализации антиномичности дискретно рассматриваемых функций. В режиме критической онтологии они подчинены апоретике, требующей трехслойного номотетического минимализма. В этом формате каждый слой обладает законом семантической когерентности, заданным конститутивной оппозицией базовых функций. Метафизические злоупотребления возникают либо от редукции высших слоев к элементарной схематике низшего, либо от превратного привнесения вариабельности высшего слоя в низший, не знающий исключений. В первом случае выстраивается материалистическая, а во втором – спиритуалистическая метафизика. Наличие метафизического рецидива свидетельствует о функциональном дисбалансе. Метафизические сверхценные идеи суть тематизированные семиотические гиперкомпенсации. Будучи иррациональным в самом своем существовании, они обладают видимостью осмысленного содержания в психосемиологических паралогизмах. Основоположник онтогносеологии М.А. Лифшиц, находясь между Сциллой догмати-

Таблица 1

Таблица габитуалитетов

Table 1

Table of habitualities

№	Габитуалитет	Основание приращения определенности	Предел приращения определенности	Критерий исполнения	Аквизит
1	Вещь	1-7	6-2	совершенство	тело
2	Процесс	6-2	3-5	необратимость	душа
3	Состояние	3-5	4	открытость	дух

ческого марксизма и Харибдой критического ревизионизма, учил понимать иррациональное «как конкретное в абстрактном мире» (Лифшиц 2004, с. 424). В этой ситуации функция приобретает демонстративную автореферентность.

Х. Никакая действительность не сводится к функциям языкового знака, но она не может быть понята без них.

Итак, рассмотрение функционального ансамбля языкового знака позволяет реконструировать некоторые тематические проблематизмы классической философии безотносительно к их догматическим репутациям, увековеченным посредством академической традиции. Это не дает права на привилегированный доступ к реальности, но предохраняет от эксцессов понятийной инфляции и формирует навык критического отношения к доктринам, основанным на плебисцитарном представлении об истине. В настоящее время эта задача представляется разрешимой на основании эпистемологических аквизитов семиотики.

Библиографический список

- Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва: Едиториал УРСС, 2000. 448 с.
- Булгаков С.Н. Философия имени. Москва: КаИр, 1997. 330 с.
- Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. Москва: Издательская группа «Прогресс» – Универс, 1993. 528 с.
- Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. Москва: Издательство Московского университета, 1993. 224 с.
- Гартман Н. К основоположению онтологии. Санкт-Петербург: Наука, 2003. 640 с.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Москва: Издательская группа «Прогресс»-Культура, 1992. 224 с.
- Дёмин И.В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. 273 с.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. Москва: КомКнига, 2006. 248 с.

Есперсен О. Философия грамматики. Москва: Инлитиздат, 1958. 404 с.

Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. Москва: Intrada, 2000. 160 с.

Лифшиц М.А. Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «Истинная середина». Москва: Искусство XXI век, 2004. 512 с.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. Москва: Издательство Московского университета, 1982. 480 с.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2014. 416 с.

Матезиус В. Избранные труды по языкознанию. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 232 с.

Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. Москва: Искусство, 1994. 606 с.

Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания: монография. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 155 с.

Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. Москва: Логос, 2000. 448 с.

Флоренский П.А. Т.2. У водоразделов мысли. Москва: Правда, 1990. 448 с.

References

- Benveniste, E. (2000), *General linguistics*, Editorial URSS, Moscow, Russia.
- Bulgakov, S.N. (1997), *Philosophy of the name*, KaIr, Moscow, Russia.
- Bühler, K. (1993), *Theory of language. Representative function of language*, Izdatel'skaya gruppa «Progress» – Univers, Moscow, Russia.
- Weisgerber, J.L. (1993), *Native language and the formation of the spirit*, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia.
- Hartmann, N. (2003), *To the foundations of ontology*, Nauka, St. Petersburg, Russia.

Guillaume, G. (1992), *Principles of theoretical linguistics*, Izdatel'skaya gruppа «Progress»-Kul'tura, Moscow, Russia.

Dyomin, I.V. (2017), *Semiotics of history and hermeneutics of historical experience*, Samarskaya gumanitarnaya akademiya, Samara, Russia.

Hjelmslev, L. (2006), *Prolegomena to the Theory of Language*, KomKniga, Moscow, Russia.

Jespersen, O. (1958), *Philosophy of grammar*, Inlitizdat, Moscow, Russia.

Croce, B. (2000), *Aesthetics as a science of expression and as general linguistics*, Intrada, Moscow, Russia.

Lifshits, M.A. (2004), *What is classics? Ontognoseology. The meaning of the world. "The true mean"*, Iskusstvo XXI vek, Moscow, Russia.

Losev, A.F. (1982), *Sign. Symbol. Myth. Works on linguistics*, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia.

Lotman, Yu.M. (2014), *Inside Thinking Worlds*, Azbuka-Attikus, St. Petersburg, Russia.

Mathesius, V. (2003), *Selected works on linguistics*, Editorial URSS, Moscow, Russia.

Mukařovský, Y. (1994), *Research in aesthetics and art theory*, Iskusstvo, Moscow, Russia.

Nesterov, A.Yu. (2017), *Semiotic foundations of technology and technical consciousness: monograph*, Izdatel'stvo Samarskoj gumanitarnoj akademii, Samara, Russia.

Peirce, Ch.S. (2000), *Selected philosophical works*, Logos, Moscow, Russia.

Saussure, F.de. (1999), *Course in general linguistics*, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg, Russia.

Florenskij, P.A. (1990), *Vol.2. At the watersheds of thought*, Pravda, Moscow, Russia.

Submitted: 10.01.2025

Revised: 12.02.2025

Accepted: 13.03.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 165.0

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-31-37

Дата поступления: 12.11.2024
рецензирования: 20.01.2025
принятия: 03.03.2025

Н.Ю. Козлова

Московский педагогический
государственный университет,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: nyu.kozlova@mpgu.su
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6418-6682>

Смысловая неоднозначность: к вопросу о связи онтологической реальности, бессмыслицы и языковой критики

Аннотация: в статье анализируется проблема смысловой неоднозначности. Выявляется корреляция между онтологической реальностью, бессмыслицей и языковой критикой в контексте взаимосвязи языка и субъективности. Рассматривается идея о смысловой неоднозначности как базовой характеристике языка, свидетельствующей о его смысловой открытости и незавершенности. Проводится анализ проблемы придания осмысленности, в результате которого делается вывод, согласно которому признание за языком смысловой незавершенности ставит под сомнение онтологическую реальность как главный критерий осмысленности высказывания и переносит акцент на субъективность смыслообразовательного процесса. Прослеживается, как в процессе интерпретации сущностям, «онтологически нереальным» – не обладающим и не характеризующимся «способом данности» – этот «способ» метафорически прописывается субъектом с опорой на уже практикуемую им языковую логику. Рассматриваются явления бессмыслицы и языковой критики, выявляются их эпистемические отношения, а также роль в процессах познания и смыслообразования; обозначается функция образности в построении онтологической реальности.

Ключевые слова: смысловая неоднозначность; язык; субъективность; онтологическая реальность; языковая критика; риторика науки; образность; метафора; эпистемология.

Цитирование: Козлова Н.Ю. Смысловая неоднозначность: к вопросу о связи онтологической реальности, бессмыслицы и языковой критики // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 31–37. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-31-37>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Козлова Н.Ю., 2025

Наталья Юрьевна Козлова – кандидат философских наук, Московский педагогический государственный университет, 119991, Российская федерация, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.Yu. Kozlova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: nyu.kozlova@mpgu.su
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6418-6682>

The indeterminacy of meaning: on the connection between ontological reality, nonsense, and linguistic criticism

Abstract: the article analyzes the problem of semantic ambiguity. It reveals a correlation between ontological reality, nonsense, and language criticism in the context of the relationship between language and subjectivity. The idea of semantic ambiguity as a basic characteristic of language, indicating its semantic openness and incompleteness, is considered. The problem of giving meaning is analyzed, which leads to the conclusion that recognizing the semantic incompleteness of language calls into question ontological reality as the main criterion for the meaningfulness of an utterance and shifts the emphasis to the subjectivity of the meaning-making process. It is traced how, in the process of interpretation, entities that are “ontologically unreal” – not possessing and not characterized by a “mode of givenness” – this “mode” is metaphorically prescribed by the subject based on the linguistic logic they already practice. The phenomena of nonsense

and language criticism are considered, their epistemic relations are revealed, as well as their role in the processes of cognition and meaning-making; The function of imagery in the construction of ontological reality is designated.

Key words: semantic ambiguity; language; subjectivity; ontological reality; language criticism; rhetoric of science; figurativeness; metaphor; epistemology.

Citation: Kozlova, N.Yu. (2025), The indeterminacy of meaning: on the connection between ontological reality, nonsense, and linguistic criticism, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 31–37, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-31-37>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Kozlova N.Yu., 2025

Natalya Yu. Kozlova – PhD in Philosophy, Moscow Pedagogical State University, 1/1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation.

Введение

В истории западноевропейской философской мысли одним из значимых сюжетов, обогащающих проблемное поле эпистемологии новыми темами и вопросами, является философская критика естественного языка. Если обобщить выдвигавшиеся обвинения (наиболее показательные примеры можно встретить в работах Лейбница, раскрывающих попытку изобретения *lingua generalis*; в критике естественного языка английских эмпириков 16–17 века, в исследованиях Венского кружка), то языковая природа признается несовершенной в силу смысловой неоднозначности. Между тем данное явление характеризует не природу языка как такового, а его *функционирование*, реализующееся во взаимосвязи языка и субъективности, языка и сознания. С этой точки зрения особенный интерес представляет исследование конструирования онтологической реальности, путь к которой пролегает между Сциллой и Харибдой интерпретации – бессмыслицей и языковой критикой. Анализ их взаимосвязи, являющей процесс смыслообразования, и посвящена статья.

1. О смысловой неоднозначности

Семантическая и синтаксическая неоднозначность признается базовой характеристикой языка (Зализняк 2006), (Падучева 2004), которая свидетельствует о его смысловой открытости и незавершенности. Главное проявление языковой неоднозначности можно увидеть в полисемии и формировании переносного значения. Понятно, что подмечает Ж. Деррида, язык не был бы языком, то есть не выполнял своих функций, если бы «не мог управлять полисемией и анализировать ее» (Деррида 2012, с. 285). Но язык также не был бы языком, если бы не сохранял за связью означающего-означаемого гибкость, позволяя мышлению наполнять охватываемое этой связью пространство самыми различными, необходимыми ему в данный момент, смыслами. Поэтому в современной науке о языке можно встретить идею о невозможности классификации высказываний с точки зрения их однозначности / неоднозначности, а

также отвержение однозначности как таковой. Это, в свою очередь, можно объяснить следующими причинами.

Во-первых, по причине «практической» абсурдности смысловой неоднозначности (Зализняк 2004), которая просчитывается носителем языка при интерпретации. Во-вторых, в силу самого интерпретирующего субъекта как выразителя уникального «способа бытия» и модуса смыслополагания. Так, например, еще Сенека отмечал субъективную относительность процесса считывания смыслов, рассматривая ее на примере «профессионального» чтения и призывая «не удивляться», когда каждый из одного и того же осмысляемого материала извлекает нечто, сообразное его заботам и профессиональным интересам (Сенека 2016). Интерпретация любого высказывания, таким образом, индивидуальна и рождает совокупность смыслов, просчитать которую, а также предугадать направление смыслоразвертывания представляется мало возможным. Однако если признавать за языком параллельную реализацию в двух сферах – объективной, конвенционально поддерживаемой (интерсубъективной), и субъективной, заключающейся в «отождествлении своего способа владения языком с единственно возможным» (Зализняк 2004), при которой большая ее (реализации) доля приходится именно на объективную сферу, то шансы на предвосхищение конечного смыслового результата увеличиваются. Иначе, если вернуться к тезису Деррида, язык не был бы языком и коммуникация не представлялась бы возможной. Однако при подобном «перевесе» объективности неоднозначность все равно продолжает существовать в качестве ведущего принципа функционирования языка.

2. К проблеме придания осмысленности: бессмысленное и онтологическая реальность

Анализ языковой неоднозначности непосредственным образом связан с проблемой придания осмысленности и выведения ее критерия. Чтобы в ней разобраться, необходимо обратиться к вопросу различения смысла и значения.

Если инвертировать высказывание Л. Кэрролла «думай о смысле, а слова придут сами», допустив, что слова в синтагматической связке могут привести к ранее не подразумевавшемуся, «не улавливавшемуся» смыслу, то тогда смысл можно лишить конвенциональной привязки, оставив ее при значении, и трактовать его как проявление уникальности способа интерпретации конкретного субъекта. При подобном подходе предложения типа «Бесцветные зеленые идеи яростно спят» (Н. Хомский) или «Цезарь является простым числом» (Р. Карнап) являются примерами не столько языковых отклонений, сколько свидетельством удивительной смысловой гибкости языка, преодолевающего «онтологическую нереальность» (Якобсон 1985) за счет проспективной поливариативности в порождении смысла интерпретирующим субъектом. По сути, камнем преткновения оказывается вопрос не о взаимодействии грамматики, семантики и порождении бессмыслицы, а о факте отсутствия в языке «нормы семантической сочетаемости» (Левин 1990), который, в свою очередь, заставляет задуматься о семантической значимости (Якобсон 1985) как проявлении языковой прагматики. Иначе говоря, признание за языком смысловой незавершенности ставит под сомнение онтологическую реальность как главный критерий осмысленности высказывания и переносит акцент на субъективность смыслообразовательного и преобразовательного процесса. При подобной трактовке абсолютно любое высказывание, составленное по нормам грамматики, будет обладать смыслом, причем не только субъективным, но и объективно-конвенциональным, без которого, собственно, и невозможен субъективный. Отличие от «нормальных» высказываний заключается в том, что в «отклонениях» большая доля смысла выявляется и разрабатывается именно субъективно, модусом интенциональности конкретного субъекта (Козлова 2016а), поскольку в условиях «онтологической нереальности», то есть отсутствия опоры в качестве общепринятого подхода в осмыслении – «проторенной» дорожки в интерпретации (напр., контекст и дискурс можно рассматривать как средства концептуальной организации смысла и упорядочивания действительности (van Dijk 2014)) – открывается широчайший простор в выборе интерпретирующего «отождествления», блестяще описанного Якобсоном при анализе «зеленых идей» Хомского (Козлова 2016б): «Так, анализируя предложение "Бесцветные зеленые идеи яростно спят", рассматриваемое Хомским как образец бессмысленного высказывания, мы выявляем в нем имеющий форму множественного числа топик "идеи", о котором говорится, что он находится в состоянии "сна"; оба члена имеют определения: "идеи" характеризуются как "бесцветные зеленые", а "сон" – как

"яростный". Указанные грамматические отношения создают осмысленное предложение, для которого возможна проверка истинности: существуют или нет такие вещи, как "бесцветное зеленое", "зеленые идеи", "сонные идеи" или "яростный сон"? "Бесцветное зеленое" – это синонимическое выражение для "бледно-зеленое", имеющее как явный оксюморон легкий юмористический оттенок. Эпитет "зеленое" при слове "идеи" – это метафора, напоминающая знаменитую строку Эндрю Марвелла "Green thought in a green shade" ('Зеленая мысль в зеленой тени') или Льва Толстого "Все тот же ужас красный, белый, квадратный", а также русскую идиому "тоска зеленая". В фигуральном смысле глагол "спать" означает 'быть в состоянии, похожем на сон, быть инертным, онемелым, апатичным и т. д.'; ведь говорят, например, *his hatred never slept* (букв. 'его ненависть никогда не спала'). Почему же тогда не могут чьи-нибудь идеи впасть в сон? И наконец, почему нельзя рассматривать слово "яростно" как эмфатический синоним слова «крепко»?» (Якобсон 1985, с. 237).

Это рассуждение побуждает задуматься о многом. Во-первых, об удивительной гибкости мышления, способного *искать* и *находить* «свой» смысл в высказывании, не утвержденном «онтологической реальностью» (интересно по этому поводу размышление Дж. Лакоффа о человеке и его сковороде: «если кто-то считает, что его сковорода обладает разумом, он примет предложение «моя сковорода понимает, что я плохой повар» как вполне правильное» (Павилёнис 1983, с. 89)). Причем эта гибкость, скорее, является изворотливостью, очередной раз подчеркивающей теснейшую связь языка и мышления, языка и сознания. Потребность второго в развитии оказывается столь велика и экзистенциально необходима, что в процессе интерпретации «вещам», «онтологически нереальным» – не обладающим и не характеризующимся «способом данности» (Frege 2008) – этот «способ» прописывается, выводится субъектом с опорой на уже практикуемую им языковую логику. Иными словами, вооружившись размышлением Якобсона, можно наблюдать процесс субъективного «насилованного» «оживления», вписывания в онтологическую реальность того, что в ней как таковое отсутствует. И способ этого «вписывания», установления «способа данности» метафоричен по своей сути. Метафорическое сопоставление как когнитивная операция (Козлова 2023) выступает механизмом гипостазирования – в осмыслении неких объектов им приписывается реальное существование. Гипостазирование заключается в соединении в акте интерпретации двух миров: субъективной онтологии, организуемой способом бытия конкретного субъекта, и онтологии, наличествующей в языке, в модусе и в горизонте интенциональности сознания. При-

мечательно, что подобное онтологическое гипотезирование оказывается значимой когнитивной операцией, поставляющей для мышления «рабочий» материал. Иначе говоря, если субъект познает и реализует себя в смыслах, извлекаемых им в процессе интерпретации, то как и с чем ему работать в случае с бессмысленными высказываниями, если не подвергать их насильственному «присуждению» смысла – онтологизации – в подобном «оживлении» через язык?

Допуская, таким образом, в значении слова отзвуки чего-то большего, возможные пути к его субъективному истолкованию, язык демонстрирует удивительную пластичность в смыслообразовании и тем самым словно побуждает сознание к поиску в ходе своего развития бесконечно новых форм интерпретации и образов самоотжествления.

Во-вторых, рассуждение Якобсона побуждает задуматься о самом языке, всегда пребывающем в готовности поддерживать и воплощать любые, даже самые виртуозные, ходы мысли интерпретирующего субъекта. Да, «в бессмыслице язык еще не родился» (Деррида 2012, с. 277), но именно бессмыслица указывает на его зарождение и именно в ней можно отследить особенности этого зарождения. В то же время подобные выходы за языковую «грань» можно расценивать в качестве попыток преодоления языковой «критики», пусть и не всегда удающихся.

3. Языковая критика и ее преодоление

Понятие «языковой критики» (в понимании «язык-цензор») вводится мной по аналогии с понятием «гнет критического разума» – конститутивного принципа сознания, выявленного З. Фрейдом в своих исследованиях. Критерий осмысленности, на мой взгляд, непосредственным образом связан с ее *давлением* на носителя языка. Под языковой «критикой» будет пониматься ощущение языковой «запоренности», невозможности перешагнуть, преодолеть условия мысли, навязываемые субъекту языком в практике своей рефлексивности – через концептуальные схемы (Lakoff and Johnson 1999, 2003), контекст и дискурс как средства концептуальной организации смысла (Van Dijk 2014).

Фрейд упоминает понятие критики в связи с разработкой проблемы остроумия и движущих его механизмов. Примечательно, что остроумие как ловкость в нахождении сходства между несходными вещами (Фрейд 2007) имеет общие черты с бессмысленными высказываниями. У них одинаковый механизм, который может быть охарактеризован легкостью в «сваливании в одну кучу противоположных понятий», удобством в принятии отбрасываемых логикой умозаключений и неприятием во внимание при сочетании слов и мыслей

условий, согласно которым должен образоваться смысл (Фрейд 2007, с. 556). Идея языковой критики эксплицируется из рассуждений Фрейда об «удовольствии от бессмыслицы», которое, по его мнению, глубоко сокрыто в повседневной жизни, и проблема которого будет рассмотрена ниже. Например, когда ребенок учится говорить, лопочет бессмыслицу, соединяя слова одним известным ему способом, он еще находится за гранью языковой реальности. Потом, по мере вынужденного погружения в эту реальность, он оказывается все более в тисках языковой критики, отныне воспрещающей ему преступать нормы языкового употребления, нарушая смысловую взаимосвязанность слов. Однако, обращает внимание Фрейд, стремление к мыслительной свободе, которая еще только устанавливается, не пропадает, а воплощается в других формах, например, уже во всяческих лексических модификациях или даже образования своего собственного языка (там же). В дальнейшем, когда свобода мысли оказывается полностью скованной языковой критикой, это стремление реализуется в нахождении субъектом «прелести в заперщенном разумом» (там же), а также попросту в фантазии и остроумии, которые позволяют не только сводить несводимое, но и размывать границы реальности, что по своей сути оказывается протестом против принуждения языком к определенному способу мышления.

О проявлении языковой критики косвенно упоминает Ж. Делёз, рассуждая о нахождении осваивающего язык ребенка в «предшествующем ему языке, который он еще не способен понять»: ребенок способен наблюдать механизм языка «изнутри» – например, замечать дифференциальные отношения фонем, в то время как взрослым подобные наблюдения уже недоступны (Делёз 2011, с. 300). Однако это «до-языковое» существование Делёз относит к депрессивной позиции в существовании разума, лишенного опоры на язык.

О свойственной детям вдумчивой рефлексии над языком пишет уже упоминавшийся Якобсон в контексте «метаязыковой функции» как неотъемлемой части речевой деятельности (Якобсон 1996, с. 22). Вслед за исследователями особенностей детской речи (К.И. Чуковским, Н.Х. Швачкиным, А.Н. Гвоздевым) он отмечает, что в «игре» с языковыми элементами – такими проявлениями сознательного противоборства со «взрослым» вариантом языка, как модификации грамматических форм, нарушение фонетических норм и всякое другое искажение устоявшейся языковой практики, – усваиваются словесные знаки и уясняется их семантическая применимость. Иными словами, усвоение метаязыковой компетенции, детское «завоевание грамматики» (Якобсон 1996, с. 22) имеет в качестве итога усиление языковой критики. Логика языка сковывает «порывистость»

творческих движений мысли. Ощущение до-языковой «свободы», возможно, дальним эхом раздается в «чуткости» к языковым элементам, систематично притупляемой языком: когда ребенок, казалось бы, «услышал» веление языка и «согласился» с ним, но тот не проявил последовательности (Чуковский приводит замечательный пример, когда дети замечают пренебрежительный оттенок суффикса «к» в существительных женского рода и протестуют против его расширенного употребления: «Она коша, потому что хорошая; а когда она будет плохая, я назову ее кошка» (Якобсон 1996, с. 22)). Фактически, детская речь – это борьба разума как чистой биологической данности и языка на пороге возникновения мышления и сознания. В ней языком – фактически его конвенциональным измерением в лице цензора-родителя, учащего ребенка говорить *правильно*, – пресекаются любые попытки преодоления навязываемого им способа артикуляции и мышления. Однако, как известно, всё, однажды подавленное, имеет свойство возвращаться в новых формах.

Далее необходимо обозначить отношения между языковой критикой и причиной отступления от нее, наблюдающейся в явлении бессмыслицы. С точки зрения Фрейда, истоком бессмыслицы является стремление получить удовольствие. В контексте исследования – связи между онтологической реальностью, бессмысленным и языковой критикой – идею Фрейда можно раскрыть особенно интересным образом. Для этого необходимо ответить на вопрос: «Что представляет из себя данное удовольствие? Не есть ли смысловое отношение «выход за языковую реальность, чтобы получить удовольствие» подобным отношением, рассмотренному Д. Дэннетом при анализе эпистемической связи между языком и сознанием – «Мед сладкий потому, что мы любим его, а не «мы любим мед, потому что он сладкий» (Dennet 2009)? Иными словами, не получаем ли мы удовольствие от преодоления языковой «критики» только потому, что наш разум в силу того, что в сущности этого преодоления скрывается наша потребность в познании как в жизненно необходимом процессе («у познающих больше шансов выжить» (Sagan 1980, р. xiii)), «помечает» эту возможность в качестве приятной, доставляющей нам удовольствие?»

В этой связи необходимо остановиться на роли языка в познании. Примечательно, что такие языковые механизмы, как, например, образность и, в частности, метафора, «удлиняющая «руку» интеллекта» (Ортега-и-Гассет 1990, с. 72), довольно часто подвергалась критике в объективистски ориентированном философском дискурсе. Возводя стремление к однозначности в ранг методологического принципа, объективистская стратегия воспринимала образность в качестве языкового

отклонения, препятствовавшего поиску истины. Между тем метафора может рассматриваться, с одной стороны, как языковой механизм, позволяющий выходить за языковую грань – преодолевать смысловое обыкновение и обогащать онтологическую реальность новыми ракурсами, что прекрасно демонстрирует поэтическое искусство; с другой – как когнитивный механизм, делающий возможным придание осмысленности бессмысленному. Можно обозначить еще одно важное для развития познания свойство образности – ее экспрессивность: привлекая и будоража внимание своей новизной, она словно поощряет мышление к дальнейшему исследованию. Интерпретация образности сопровождается удовольствием от открытия новых смыслов и ракурсов в уже, казалось бы, известной онтологии. С этой точки зрения становится понятным удовольствие, испытываемое ребенком при освоении языковой системы: язык, являясь познавательной формой, в то же время является результатом познавательной деятельности. И поскольку познание так приятно, то приятна и игра с языком. Тогда и полисемия может рассматриваться как застывшие в языковой материи ходы остроумия: когда-то предпринимаемое семантическое развитие языковой единицы было новым и не отработанным в мыслительной практике, это была метафорически осуществленная попытка выхода за границы языковой действительности, которая, самое поразительное, была полностью «санкционирована» все той же логикой языка. Получается, что язык, с одной стороны, диктует условия мышления, воспрещая своей системой какие-либо отступления за грани онтологически возможного, но с другой стороны, своей практикой рефлексивности сам же и побуждает интерпретирующего субъекта в актах своей интерпретации преодолевать свои границы, намечая новые потенциальности в онтологическом развитии. Налицо, таким образом, некий круговорот смысла между двумя онтологиями – субъективной, конституируемой и развиваемой конкретным субъектом, и языковой, объективной, развитие которой оказывается невозможным без развития первой.

Необходимо отметить, что противоположной стороной испытываемого в детстве и не только удовольствия от бессмыслицы и других форм игры с языком может являться иногда ощущаемое уже в более позднем возрасте недовольство отсутствием точности, смысловой неисчерпанностью высказывания. Когда, например, в самые напряженные моменты коммуникации, требующие предельной смысловой точности в выражении, проскальзывает недоумение, почему слово, самое подходящее для данного момента, как подсказывает языковое сознание, оказывается «угловатым» и не только не вписывающимся в выводы-

мый мыслью «интенциональный» рисунок, но и заставляющим мысль буквально «спотыкаться» или и вовсе теряться в своем разворачивании. Слово в подобные мгновения всегда кажется «не таким, как надо», не способным выразить переживание. Владение языком с этого ракурса оказывается подобным исследованию дна Мирового океана из самых верхних слоев атмосферы Земли: коммуникация осуществляется буквально «на ощупь», искажаясь форсируемым ею же течением смыслов, из-за чего «мысль изреченная» потютчевски обречена быть ложью. Всякий раз будет иметь место делёзовское несоответствие смысла высказыванию, в котором смысл всегда будет опережать слово: «...говоря нечто, я в то же время никогда не проговариваю смысл того, о чем идет речь. Но, с другой стороны, я всегда могу сделать смысл того, о чем говорю, объектом следующего предложения, смысл которого я, в свою очередь, при этом тоже не проговариваю. Итак, я попадаю в бесконечный регресс того, что подразумевается. Такой регресс свидетельствует как о полном бессилии говорящего, так и о всеисилии языка...» (Делёз 2011, с. 44). Возможно, подобная неудовлетворенность, являясь в конечном счете все тем же влечением к выходу «по ту сторону» языкового предела, свидетельствует о том, что при всей догматичности связи между языком и мышлением, сознание всегда находится на шаг впереди в поступательном движении языка.

Заключение

Смысловая неоднозначность – языковой феномен, проявляющийся в практике использования языка. Возникая в моменте взаимодействия языка и субъективности, смысловая неоднозначность обозначает предрасположенность концептуальной сферы к постоянному движению, проявления которого обнаруживаются в полисемии и процессах формирования переносного значения. Анализ смысловой неоднозначности непосредственным образом связан с проблемой придания осмысленности. Как показало исследование, интерпретация – процесс, разворачивающийся между двумя онтологическими полюсами: объективным языковым, утверждаемым конвенциональной апробацией, и субъективным. В случае онтологической нереальности – бессмыслицы – присуждение смысла развивается в большей степени субъективно, модусом интенциональности субъекта. Мышлением метафорически через гипостазирование прописывается «способ данности» – так ранее бессмысленное становится осмысленным, то есть онтологически реальным. Бессмыслицу, в свою очередь, можно рассматривать в качестве выходов за языковую «грань» – попыток преодоления языковой «критики», обнаруживающих стремление сознания к развитию.

Библиографический список

- Dennet, D. (2009), *Cute, sexy, sweet, funny*, [Online], available at: https://www.ted.com/talks/dan_dennett_cute_sexy_sweet_funny/transcript?language=en#t-114000 (Accessed 09 Jan 2025).
- Frege, G. (2008), *Über Sinn und Bedeutung, Funktion, Begriff, Bedeutung. Fünf logische Studien*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany.
- Lakoff, G. and Jonson, M. (1999), *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind & its Challenge to Western Thought*, Basic Books, New York, USA.
- Lakoff, G. and Jonson, M. (2003), *Metaphors We Live by*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Sagan, K. (1980), *Cosmos*, Random House, New York, USA.
- Van Dijk, T. (2014), *Discourse and Knowledge. A sociocognitive approach*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Делёз Ж. Логика смысла. Москва: Академический проект, 2011. 472 с.
- Деррида Ж. Поля философии. Москва: Академический проект, 2012. 376 с.
- Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. Москва: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
- Зализняк А.А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 20–45. [Электронный ресурс]. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-04.htm (Дата обращения: 01.01.2025).
- Козлова Н.Ю. Метафора и само-конституирование Я: языковой аспект // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016а. № 3 (37). С. 101–108.
- Козлова Н.Ю. Метафора: проблема взаимодействия языка и трансцендентального // Ценности и смыслы. 2016b. № 1 (41). С. 6–14.
- Козлова Н.Ю. Метафорическое соотнесение как механизм мышления // Вопросы философии. 2023. № 6. С. 95–103.
- Левин С. Прагматическое отклонение высказывания // Теория метафоры. Сборник статей. Москва: Прогресс, 1990. С. 342–357.
- Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. Сборник статей. Москва: Прогресс, 1990. 513 с. С. 68–81.
- Павилёнис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. Москва: Мысль, 1983. 286 с.
- Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
- Сенека. Наедине с собой. Пер. с лат. С. Ошерова; пер. с греч. С. Роговина. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 432 с.
- Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному // Толкование сновидений. Москва:

Эксмо; Санкт-Петербург: Мидгард, 2007. 1088 с.

Якобсон Р. Бессознательное и язык // *Язык и бессознательное*. Москва: Гнозис, 1996. 248 с. С. 6–89.

Якобсон Р. Взгляды Боаса на грамматическое значение // *Избранные работы*. Москва: Прогресс, 1985. 455 с. С. 231–238.

References

Dennet, D. (2009), *Cute, sexy, sweet, funny*, [Online], available at: https://www.ted.com/talks/dan_dennett_cute_sexy_sweet_funny/transcript?language=en#t-114000.

Frege, G. (2008), *Über Sinn und Bedeutung, Funktion, Begriff, Bedeutung. Fünf logische Studien*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany.

Lakoff, G. and Jonson, M. (1999), *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind & its Challenge to Western Thought*, Basic Books, New York, USA.

Lakoff, G. and Jonson, M. (2003), *Metaphors We Live by*, University of Chicago Press, Chicago, USA.

Sagan, K. (1980), *Cosmos*, Random House, New York, USA.

Van Dijk, T. (2014), *Discourse and Knowledge. A sociocognitive approach*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Deleuze, J. (2011), *Logique du sens*, Akademicheskij Proekt, Moscow, Russia.

Derrida, J. (2012), *Marges – de la philosophie*, Akademicheskij Proekt, Moscow, Russia.

Freud, S. (2007), *Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten*, *Tolkovanie snovidenij*, Midgard, St. Petersburg, Russia.

Kozlova, N.Yu. (2016a), Metaphor and Self-Constitution of Ego: Language Aspect, *Humanities Research in the Russian Far East*, vol. 3, no. 37, pp. 101–108.

Kozlova, N.Yu. (2016b), Metafora: problema vzaimodejstviya yazyka i transtsendental'nogo, *Tsennosti i smysly*, vol. 1, no. 41, pp. 6–14.

Kozlova, N.Yu. (2023), Metaphorical correlation as a mechanism of thinking, *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 95–103.

Levin, S. (2023), Pragmaticheskoe otklonenie vykazyvaniya, *Teoriya metafor*, Sbornik statej, Progress, Moscow, pp. 342–357.

Ortega y Gasset, J. (1990), Las dos grandes metáforas, *Teoriya metafor*, Sbornik statej, Progress, Moscow, pp. 68–81.

Paducheva, E.V. (2004), *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*, Yazyki slavyanskoj kul'tury, Moscow, Russia.

Pavilionis, R. (1983), *Problema smysla. Sovremennyy logiko-filosofskij analiz yazyka*, Mysl', Moscow, Russia.

Seneca (2016), Naedine s soboj, *Seneka, Mark Avrelij*, per. s lat. S.Osherovala, per. s grech. S. Rogovina, Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, Russia.

Yakobson, R. (1985), Vzglyady Boasa na grammaticheskoe znachenie, *Izbrannye raboty*, Progress, Moscow, Russia, pp. 231–238.

Yakobson, R. (1996), Bessoznatel'noe i yazyk, *Yazyk i bessoznatel'noe*, Gnozis, Moscow, Russian Federation, pp. 6–89.

Zaliznyak, A.A. (2004), Fenomen mnogoznachnosti i sposoby ego opisaniya, *Voprosy yazykoznaniya*, no. 2, pp. 20–45, [Online], available at: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-04.htm (Accessed 09 Jan 2025).

Zaliznyak, A.A. (2006), *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya*, Yazyki slavyanskih kul'tur, Moscow, Russian Federation.

Submitted: 12.11.2024

Revised: 20.01.2025

Accepted: 03.03.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1.06-31

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-38-45

Дата поступления: 25.12.2024
рецензирования: 20.01.2025
принятия: 03.03.2025

Е.Н. Сергеева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: sergeeva.en@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7248-2756>

К.А. Сундукова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: sundukova.ka@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3254-5761>

«Клио-72» как персонализация межпоколенческой памяти в романе Ю.В. Трифонова «Нетерпение»

Аннотация: в повествовательной структуре романа «Нетерпение», посвященного организации «Народная воля», советский писатель Ю.В. Трифонов отражает динамику межпоколенческой памяти, которая позднее будет описана исследовательницей мемориальной истории Алейдой Ассман через категории «архива», «селективной памяти», «устаревания» и т.д. Основная часть романа является отражением сознания Андрея Желябова, но в тексте присутствуют также свидетельства о нем других персонажей, написанные от первого лица и обозначенные как «голоса», – они вводят в текст иные временные пласты. Более неожиданная повествовательная инстанция вводится в главках «Клио-72», где звучит голос истории. И голоса современников, и «Клио-72» в художественном мире романа не могут быть отождествлены с документом, они обладают своей субъективностью и вступают в полемику друг с другом и с позицией героя. Эта полемика и создаваемый ею сложный художественный смысл и будут являться предметом нашего внимания в настоящей статье.

Ключевые слова: Ю.В. Трифонов; роман «Нетерпение»; межпоколенческая память; нарративная структура; архив; Клио.

Цитирование: Сергеева Е.Н., Сундукова К.А. «Клио-72» как персонализация межпоколенческой памяти в романе Ю.В. Трифонова «Нетерпение» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 38–45. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-38-45>.

Благодарности: авторы посвящают статью памяти египтолога и культуролога Яна Ассмана, внесшего неоценимый вклад в исследование культурной памяти и скончавшегося 19 февраля 2024 года.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Сергеева Е.Н., 2025

Елена Николаевна Сергеева – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© Сундукова К.А., 2025

Ксения Алексеевна Сундукова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

E.N. Sergeeva

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: sergeeva.en@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7248-2756>

K.A. Sundukova

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: sundukova.ka@ssau.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3254-5761>

“Klio-72” as a personalization of intergenerational memory in Yu.V. Trifonov’s novel “Impatience”

Abstract: in the narrative structure of the novel “Impatience”, dedicated to the “People’s Will” organization, the Soviet writer Yu.V. Trifonov reflects the dynamics of intergenerational memory and oblivion, described later by the researcher of memorial history Aleida Assman through the categories of “archive”, “selective memory”, “obsolescence”, etc. The main part of the novel is a reflection of the consciousness of Andrei Zhelyabov, but the text also contains evidence about him from other characters, written in the first person and designated as “Voices”, attributed to other time layers. A more unexpected narrative authority is introduced in the chapters of “Klio-72”, where the voice of history is heard. Both the voices of contemporaries and “Klio-72” in the artistic world of the novel cannot be identified with the document, have their own subjectivity and enter into polemics with each other and with the position of the hero. This polemic and the complex artistic meaning it creates will be the subject of our attention in this article.

Key words: Yu.V. Trifonov; novel “Impatience”; intergenerational memory; narrative structure; archive; Klio.

Citation: Sergeeva E.N., Sundukova, K.A. (2025), “Klio-72” as a personalization of intergenerational memory in Yu.V. Trifonov’s novel “Impatience”, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 38–45, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-38-45>.

Acknowledgments: the authors dedicate the article to the memory of Egyptologist and cultural scientist Jan Assmann, who made an invaluable contribution to the study of cultural memory and died on February 19, 2024.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Sergeeva E.N., 2025

Elena N. Sergeeva – Candidate of Philology, senior lecturer of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

© Sundukova K.A., 2025

Kseniya A. Sundukova – Candidate of Philology, senior lecturer of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Творчество Юрия Валентиновича Трифонова (1925–1981), одного из крупнейших позднесоветских писателей, строится вокруг категорий «время», «история», «память». Ими пронизаны его знаменитые московские повести «Обмен», «Долгое прощание», «Другая жизнь» и конечно же, «Дом на набережной». В этих произведениях Трифонов занимается обобщением опыта своего поколения и установлением связей с истоками советского общества. В современной автору критике, как зачастую и в более позднем читательском восприятии, эти повести обыкновенно прочитываются как бытописание советской эпохи, а конфликты рассматриваются исключительно в этическом аспекте. Но современные исследователи отмечают, что конфликт поколений в этих сюжетах оказывается окрашен, перефразируя название документальной повести Трифонова об отце, отблесками революционного костра. Это связано с биографическими

фактами: будучи сыном революционера Валентина Трифонова, репрессированного в 1930-е годы, писатель ставит вопрос о сущности и истоках революции во многих своих произведениях.

Постановка задачи

История как объект рефлексии, впервые возникнув в повестях писателя, гораздо более явно присутствует в его романах, незаслуженно менее известных широкому читателю: «Нетерпение» (1973), «Старик» (1978), «Время и место» (1980), «Исчезновение» (1980). Как отмечено в монографическом исследовании В.А. Суханова, «художественное целое романов хронологически охватывает сто лет российской истории, насыщенной противоречивыми и трагическими событиями. В “Нетерпении” исследуется период зарождения русской смуты (1870–1881), ее социальные истоки и этические корни, в романе “Старик” – начало XX века и сам русский бунт (1914–1921). Социаль-

ные и нравственные последствия послереволюционной эпохи (1935–1937) изображаются в романах “Старик”, “Исчезновение”, “Время и место”. Великая Отечественная война – в “Исчезновении”, “Времени и месте”, постсталинская эпоха “оттепели” и всеобщих надежд конца 1950-х – начала 1960-х годов – в “Утолении жажды”, “Времени и месте”, а 1970-е годы вошли в романы “Старик”, “Время и место”» (Суханов 2001, с. 9–10).

В центре романа «Нетерпение», который исследователи называют принципиальным для творчества Трифонова (Немзер 1998, Жукова 2012), – трансформация взглядов Андрея Желябова, участника студенческих волнений в Одессе 1871 года, постепенно отказывающегося от народнических взглядов в пользу идеологии террора и вставшего на путь царевбийства. Основная фабула романа укладывается в три года (1878–1881). Двенадцать основных глав романа выстроены по принципу изображения последовательно сменяющих друг друга эпизодов из жизни героя. Однако автор сознательно дезориентирует читателя, расширяя художественное время романа за счет воспоминаний героя, вкраплений авторских «ремарок» об истории.

На первых же трех страницах романа на читателя обрушивается шквал хронологических указаний, которые мешают ему укоренить себя как в изображаемом времени, так и во времени повествования:

«К концу семидесятых годов [здесь и далее подчеркнуто нами. – Е. Сергеева, К. Сундукова] современникам казалось вполне очевидным, что Россия больна. Спорили лишь о том: какова болезнь и чем ее лечить? <...> Понять, что происходит, современникам не удавалось: не замечая причин, они со страхом и изумлением наблюдали следствия. Лишь десятилетия спустя эта пора душевной смуты, разочарования и всеобщего недовольства будет определена как назревание революционной ситуации. А начиналось все это порядочно давно. Еще в те, наверное, времена, когда

никому и в голову не могло прийти, что что-либо начинается. В 1866 году (едва ли тут было начало!) в царя, освободителя и реформатора, стрелял злоумышленник... <...> Спустя двенадцать лет зимую, в Одессе, молодой человек по имени Андрей Желябов должен был принять тяжелое решение: расстаться с женой, с которой прожил шесть лет и которая, он знал это, очень сильно его любила <...> Вдруг вспомнилась та осень в Городище, шесть лет назад, когда он приехал в имение будущего тестя, еще ни о чем не догадываясь, еще полный ожесточения от неудачи с университетом – одесские власти были согласны его восстановить и даже ходатайствовали, но министерская сволочь в Петербурге ни за что не соглашалась, и пришлось терять второй год <...>» (Трифонов 1988, с. 3–6).

Другая трудность, нарочито создаваемая автором для читателя – непоследовательность во введении персонажей, локаций и их номинаций. Главный герой сначала представлен с внешней точки зрения – «молодой человек по имени Андрей Желябов» (Трифонов 1988, с. 4), но уже в том же абзаце, без четко обозначенного перехода дается его несобственно-прямая речь, насыщенная неизвестной читателю информацией: «Вот уже никого из старых друзей нет в Одессе: Волховский в Сибири, Петро Макаревич, Сережка Жебунев и Соломон там же, в Тобольской губернии, Сережкин брат Владимир под надзором на Харьковщине, а Никола, третий из Жебуневых, удрал в Париж» (Трифонов 1988, с. 4).

Совсем неожиданным для читателя ходом оказывается появление в финале первой главы двух вставных главок: «Голос издалика: Семенюта П.П.» и «Клио–72». В них меняется повествователь, время повествования датируется 1906 и 1972 годом соответственно, а время изображения выходит за рамки фабулы романа. Аналогичные вставки находим и в некоторых других главах. Их полный перечень приведен в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Вставные главы в романе, характеристика

Table 1

Inserted chapters in the novel, characteristics

Расположение	Заголовок вставки	Датировка
Глава 1	«Голос издалика: Семенюта П.П.»	1906
	«Клио-72»	1972
Глава 2	«Голос Фроленко М.Ф.»	отсутствует
Глава 4	«Еще один забытый голос: Сыцяно А.И.»	1896 год
	«Клио-72»	1972
Глава 7	«И еще голос: Драгоманов М.П.»	Рассказ о 1880, время неясно
Глава 8	«Клио-72»	1972
Глава 11	«Голос Рысакова Н.И.»	1881
	«Клио-72»	1972

Такая повествовательная структура для Трифонова, да и для советской литературы семидесятых годов в целом, является новаторской. Здесь писатель вырабатывает те приемы поэтики, которые станут его визитной карточкой в будущем.

В настоящей статье авторы ставят своей задачей рассмотреть вставные главки более пристально, выделить свойственные им общие черты и через этот анализ прийти к более глубокому пониманию художественного целого романа «Нетерпение» и концепции Ю.В. Трифонова о взаимоотношении человека и истории.

Методология

В рамках исследования предпринят анализ повествовательной структуры романа Ю.В. Трифонова «Нетерпение» в контексте смещения в этом произведении документального и художественного модусов повествования. Авторы считают, что метод Трифонова, обращающегося к реальным историческим лицам и фактам, размышляющего над историческими закономерностями развития России рубежа XIX–XX веков и вплетающего реальные исторические факты в сложноорганизованную художественную ткань романа, не может быть осмыслен при помощи исключительно литературоведческого аппарата. Поэтому нарратологический подход дополнен обращением к современным исследованиям в области *memory studies*, в первую очередь к трудам крупнейших исследователей мемориальной истории Яна и Алейды Ассман (Ассман 2004, Ассман 2019).

Ход исследования

1. «Голоса»: нарративная структура вставных главков романа «Исчезновение»

Выше было отмечено, что во вставных главках романа Ю.В. Трифонов вводит новых нарраторов, обозначая принадлежащие им высказывания при помощи номинации «голоса». Голоса принадлежат второстепенным, иногда даже эпизодическим персонажам романа. Они создают объемное видение главного героя и его истории, поскольку вводят новую информацию и новые – зачастую неожиданные, «непарадные» – этические оценки произошедшего. В этих фрагментах идет речь не только о выдающихся качествах Желябова, но и о сломанных им людских судьбах.

Семенюта П.И.: «Тем более, что в конце ноября или в декабре он окончательно расстался с Ольгой Семеновной. Свое расставанье намеренно сделал широко известным в Одессе, об этом много болтали среди наших знакомых, жалели Ольгу Семеновну, которая его очень любила и надеялась, что все это не всерьез. Нет, он заботился о ней совершенно всерьез. Но это, как оказалось, не помогло» (Трифонов 1988, с. 98).

Сыцянюк А.И.: «Произнести слово “нет” я не мог, хотя все мое нутро, охваченное предчувствием, говорило: нет, нет, нет! На другой день он привез завернутые в тряпки бур, батарею, спираль Румкорфа, кинжалы, револьверы, провод <...> Семнадцать лет! Сначала Верхоленьский округ, потом Киренский, потом опять Верхоленьский. Отец был оправдан, но не вынес горя и вскоре умер. Сестра Маша поехала за мной в Сибирь <...> Иногда думаю: а что было бы, если б тогда, в Николаевском сквере я ответил Старосте “нет”?» (Трифонов 1988, с. 254).

Рысаков А.И.: «Вот когда первого марта набросились на меня военные, публика, прижали к панели, кто-то кричал: “Дайте нам его, мы его разорвем!” – и потом вдруг новый взрыв, ужасная паника, все попадали, а я говорю им: “Не бойтесь умирать, все равно когда-нибудь”. И не было в ту минуту на земле человека, который бы меньше меня боялся смерти. О вы, люди милые, дорогие, что будете жить через сто лет, неужто вы не почувствуете, как вост моя душа, погубившая себя навеки?» (Трифонов 1988, с. 498).

По своей форме вставные главы могут быть уподоблены эпилогам классических романов:

«И сегодня, в апреле 1906 года, радуясь достижениям русской свободы, я не могу без чувства благодарности думать и вспоминать о тех, кто... Я мог бы многое вспомнить об Андрее Ивановиче – хотя бы о том, как он предупреждал меня об арестах, я отнесся несерьезно и был наказан, или же о том, как мы прощались, он дал мне на память золотую цепочку, подаренную ему когда-то родителями Ольги Семеновны, и эта цепочка стала мне дорогой реликвией на всю жизнь, она и теперь, когда я пишу, лежит на моем массивном, из темно-зеленого мрамора чернильном приборе, – но я умолкаю, ибо времена настоящих воспоминаний об Андрее Ивановиче еще не наступили» (Трифонов 1988, с. 104).

Однако разница состоит в том, что это – не финал истории в узком и широком смысле. Нарраторы «фальш-эпилогов» эстетически и ценностно завершают историю Желябова, но их оценки в художественном целом романа уравниваются другими голосами.

Обращает на себя внимание нарочитая небрежность названий такого рода вставок. Автор отказывается от единообразного наименования, от симметрии в композиционном целом романа (вставки распределены по главам без видимого четкого принципа), сохраняя во всех случаях некий «общий знаменатель» («Голос издалека», «Еще один забытый голос» и т.д.). В заголовках через отсылки к разговорному стилю («ещё один», «и ещё...») присутствует отчетливо выраженная точка зрения первичного нарратора. На наш взгляд, такой способ расположения и номинации главков имитирует

работу в архиве, когда историку в руки попадают разного рода свидетельства (возможно, именно поэтому герои в заголовках «голосов» названы нарочито по-канцелярски – сначала фамилия, потом инициалы, – именно так, как числились бы их документы в архивных описях).

2. Клио-72

В ряду вставных главков романа особняком стоят несколько, озаглавленные одинаково: «Клио-72». Здесь звучит уже не голос конкретного современника главного героя, а непосредственно голос истории. Очевидна временная привязка к году создания романа, принадлежность этого голоса совсем другому поколению, нежели герои романа, однако здесь нет прямого отождествления с фигурой автора (за исключением одного эпизода, о котором речь пойдет ниже). При первом появлении Клио, муза истории, заявляет о себе в первом лице: «Ничего, кроме событий, фактов, имен, названий, лет, минут, часов, дней, десятилетий, столетий, тысячелетий, бесконечно исчезающих в потоке, наблюдаемом мною, Клио, в потоке, не ведающем горя, лишенном страсти, текущем не медленно и не быстро, не бессмысленно, но и без всякой цели, в потоке, затопляющем все» (Трифонов 1988, с.104). Трифоновская Клио дает нам еще больше информации о судьбах героев, в том числе и о нарраторах «Голосов издалека»:

«В Воронеже Александр Сыцялко примкнул к социалистам-революционерам, был арестован в 1897 году, пытан и мучим полковником Васильевым, который распространил лживую версию, будто Сыцялко выдает товарищей, нервы не выдержали, в феврале 1898 года Александр Сыцялко повесился в своей одиночной камере, как раз в тот день, когда его сестре Марии после долгих отказов разрешили с ним свидание, но он об этом не знал. Надзиратели подбросили в камеру Сыцялко записку, где арестованным давался совет остерегаться его. Мария Сыцялко вскоре была выслана административным порядком в Сибирь, бежала оттуда, снова выслана и умерла от случайной простуды за три месяца до Февральской революции» (Трифонов 1988, с. 256).

Клио известно и то, что скрыто от самих героев: кто из них был доносчиком, кто пошел на сделку со следствием. Однако Клио не обладает ожидаемым всеведением, она не знает того, о чем не осталось каких бы то ни было свидетельств, оперирует слухами и догадками:

«Смерть Ширяева и Лилочки Терентьевой была странной: они дико кричали перед смертью и вдруг падали бездыханными. Ходили слухи, что им давали яды, чтобы выведать какие-то сведения» (Трифонов 1988, с. 450);

«Михайлов же умер в полном и совершеннейшем одиночестве, и никому не известно, что он

чувствовал и о чем думал в предсмертные месяцы» (Трифонов 1988, с. 450).

Такие особенности поэтики делают «Нетерпение» текстом нетипичным для исторического жанра. Но нам представляется, что все эти особенности объясняются исходя из того, что это не классический исторический роман, а роман об истории и ее противоречивом и сложном отражении в сознании людей разных поколений.

3. Повествовательная структура «Нетерпения» в контексте мемориальной истории

Хотя «Нетерпение» написано задолго до расцвета той междисциплинарной области знаний, которую сегодня принято называть *memory studies*, и такого ее подраздела, как мемориальная история, описанная нами выше повествовательная структура вполне может быть объяснена через термины, предлагаемые теоретиками этого направления. Транспоколенческой памяти, проблемам семейной истории, соотношению памяти и постпамяти посвящены на сегодняшний день сотни работ исследователей по всему миру (см, например: Hirsh 2008; Frosh 2019; Pohn-Lauggas 2021; Sy 2021; Luarsabishvili 2022; Leksana, Subekti 2023 etc).

Резюмируя работы нескольких поколений ученых, Алейда Ассман в книге «Забвение истории – одержимость историей» выделяет три формы памяти:

- 1) коммуникативную, куда входит и индивидуальная память;
- 2) коллективную - транспоколенческую память, стабилизирующую являющийся ее носителем коллектив;
- 3) культурную, необходимую для передачи опыта и знаний «от поколения к поколению, формируя тем самым долговременную социальную память» (Ассман 2019, с. 231).

Культурная память в свою очередь имеет сложную структуру: «Личные воспоминания существуют не только в определенном социальном окружении, но и внутри специфического горизонта времени. Этот временный горизонт задается сменой поколений, которая происходит с периодом около сорока лет, заметно изменяя мемориальный характер общества. Некогда преобладавшие или репрезентативные настроения перемещаются с центрального места на периферию <...> Еще более глубокая цезура наблюдается через 80-100 лет. Это тот период, когда вместе сосуществуют несколько поколений – обычно три, максимум пять; благодаря непосредственным личным контактам они образуют единую общность жизненного опыта, воспоминаний и рассказанных историй. Подобная “память трех поколений” является значимым горизонтом для личных воспоминаний. Они не могут существовать без этой рамочной основы, а поскольку через 30–40 или 80–100 лет такая ра-

мочная основа исчезает, то у коммуникативной памяти есть жесткое временное ограничение» (Ассман 2019, с. 217).

Рассмотренные нами фрагменты, озаглавленные «Голоса», очевидно являются формой проявления индивидуальной памяти – их коммуникативная природа акцентирована даже в наименовании этих разделов, предполагающих, что эти голоса *звучат* и должны быть кем-то *услышаны*. Это голоса современников Желябова, носителей непосредственного аутентичного опыта, которым они жаждут поделиться с современниками и потомками: «с точки зрения “индивидуальной памяти” однородная конструкция “истории” рассыпается на множество фрагментарных и противоречивых жизненных опытов» (Ассман 2019, с. 218). Ассман использует для описания этого явления термин «настоящее прошлое» Райнхарта Козеллека. В то же время, субъективность «голосов» с нарратологической точки зрения превращает их в ненадежных нарраторов, вопреки ожиданиям от жанра исторического романа.

Однако голос Клио-72 звучит как раз на том промежутке, когда все голоса современников умолкли, «через 80–100 лет», отмечающих границу между памятью коммуникативной и коллективной – «The Floating Gap» в терминологии Яна Ассмана (Ассман 2004, с. 50).

Можно сказать, цитируя Алейду Ассман, что здесь «горизонт поколенческой памяти сводит различные индивидуальные воспоминания в целостность коллективного опыта. Эксплицитные субъективные воспоминания встроены в имплицитную поколенческую память» (Ассман 2019, с. 218).

Клио-72, при первом своем появлении обозначившая себя как музу истории, в других главках приобретает скорее черты историка, разбирающего те документы и артефакты, которые ушли из сферы «активного памятования» (канона) и перешли в сферу «пассивной накопительной памяти» (архива) (Ассман 2019, с. 34). Таким образом, Клио-72 скорее может быть описана как персонализация культурной памяти и взаимодействующего с ней индивида:

«В одной из папок, сразу вслед за показаниями Гольденберга, во многом погубившими Сыщанко, имеется конверт с надписью “Вложение”. В конверте лежат образцы найденных в доме Сыщанко проволоки и спирали Румкорфа, завернутые в вату. Проволока основательная, хорошо изолированная. Нужен довольно сильный удар, чтобы разрубить ее острием лопаты. Это куски той проволоки, которые применял под Александровском Желябов. Телега, “жарь!”, проволока, чулан, вата, конверт, папка с толстыми тесемками, Пироговка, август, троллейбус в сторону Лужников...» (Трифонов 1988, с. 257).

Перед нами то, что видит современник автора романа, прикоснувшийся к этой спирали в реальном архиве, на мгновение перенесшийся в прошлое и услышавший голос Желябова, а потом опять упаковавший спираль в вату, сложивший в конверт, потом положивший в папку с тесемками, вышедший из архива на Пироговку (улицу Большую Пироговскую, где и по сей день находится Государственный архив Российской Федерации) и поехавший на троллейбусе в сторону Лужников. Таким образом, голос Клио-72 – это не только голос самой истории, но и свидетельство превращения «настоящего прошлого» ушедшего поколения революционеров в «настоящее прошлое» поколения советской интеллигенции (Ассман 2019, с. 222). В Клио сливается и история, и личные судьбы персонажей, и сознание автора.

Обращение к документу в романе – прерогатива не только Клио-72. В основном тексте романа, например, в начале главы 11, также приводится текст «краткой собственноручной записи», сделанной Желябовым 27 февраля 1881 года, а чуть ниже – текст его же заявления от 2 марта на имя прокурора судебной палаты. Эта же глава содержит цитаты из писем Л.Н. Толстого и К.П. Победоносцева к Александру III. Тем самым «голос Клио-72» как будто бы выходит за рамки отведенных ему главок, сливаясь с голосом автора.

Можно также заметить, что, рефлексировав о полузабытой истории «Народной воли» через образ Клио-72, Трифонов противостоит в своих оценках коллективной памяти этого поколения, выстраивающейся вокруг одного-единственного события, «которое становится памятно-значимой “иконой”, символизирующей собою весьма многогранный и сложный исторический эпизод» (Ассман 2019, с. 223). Для советской системы вообще, и для литературы соцреализма в частности, такое событие, безусловно – Великая Октябрьская Революция и предшествовавшая ей революционная борьба. В книге «Современная отечественная проза» Т.В. Казарина отмечает: «Всякая развитая мифологическая система включает в себя представления о сотворении мира – в советской мифологии их место занимала история Великой Октябрьской революции как момента рождения новой жизни. Разумеется, никто не отрицал того, что мир существовал и раньше, но все перипетии его развития оценивались скорее как предыстория, преддверие событий, обладающего для современного человека актуальным значением» (Казарина 2004, с. 19–21).

Однако вышедший в серии «Пламенные революционеры», мыслившейся как создание икон, легитимизирующих почитание Революции и ее предшественников, роман Трифонова коренным образом расходится с канонической версией событий. Писатель сознательно отказывается от изображения его в монументальном ключе. «За-

чем же делать из Желябова железобетонный монумент по китайскому образцу? Слава богу, такие фигуры создавались в другие времена, а нынче можно взглянуть в человека попристальней. Да если бы даже не был известен факт, сообщенный Корба, как романист, пытающийся создать образ живого человека, обязан был бы придумать нечто подобное! Ибо этого не могло не быть», – пишет Ю.В. Трифонов в письме к историку Н.А. Троицкому (Шитов 2011, с. 584).

Трифорова как автора «Нетерпения» интересует не миф, а полнота понимания полузабытого прошлого в контексте жизни его собственного поколения и поколения его отца: «Народовольчество привлекало его тем, что оно явилось ступенью в развитии русского революционного движения, непосредственно предшествовавшей организации рабочей коммунистической партии. Трифонов, чей отец и дядя были профессиональными революционерами, от своего времени, времени своей жизни шел ко времени революции, ища там истоки и первопричины того драматического опыта, который стал уже его собственным, а от революционеров 1917 года – к их идейным предшественникам, углубляясь исторически в первопричины, связывая развитие русского революционного движения в своем сознании с современной эпохой. “Разрывание могил” – это был и его метод, а не только метод героя последовавшей за “Нетерпением” повести “Другая жизнь”» (Иванова 1984, с. 169). Этот же метод наглядно зафиксирован в документальной повести «Отблеск костра» (1964) и тем более – в романе «Старик» (1978), когда документы и дневники «даль и простор» времени (Трифонов 1989, с. 43) превращают в искусство (Сундукова 2018, Суханов 2019), поскольку только эстетическая позиция вневходимости может примирить противоречащие друг другу голоса и мнения в рамках художественного целого.

Заключение

В поисках полноты понимания прошлого Ю.В. Трифонов в романе «Нетерпение» обращается к архиву, возвращает к жизни «забытые голоса», восстанавливает факты, не соответствующие канонам советской эпохи, а потому отвергаемые ее селективной памятью. Устами Клио–72 автор констатирует, что даже история не всевластна, и в конце концов все исчезает в ее потоке. Однако именно там, где забвение уже вступило в свои права, возможна творческая работа авторского воображения, обеспечивающая полноту восприятия и понимания истории на уровне художественного целого. Предельная усложненность художественной структуры романа является формой фикционализации исторического материала, превращения коммуникативной памяти в культурную.

Источники фактического материала

Трифонов Ю.В. Нетерпение. Москва: Политиздат, 1988. 511 с.

Трифонов Ю.В. Отблеск костра: Документальная повесть; Старик: роман. Москва: Библиотека советской прозы, 1989. 336 с.

Библиографический список

Frosh, S. (2019), Postmemory, *The American Journal of Psychoanalysis*, vol. 79, pp. 156–173, DOI: <http://doi.org/10.1057/s11231-019-09185-3>.

Hirsch, M. (2008), The generation of postmemory, *Poetics Today*, vol. 29 (1), pp. 103–128, DOI: <http://doi.org/10.1215/03335372-2007-019>.

Leksana, G. and Subekti, A. (2023), Remembering through fragmented narratives: Third generations and the intergenerational memory of the 1965 anti-leftist violence in Indonesia, *Memory Studies*, vol. 16 (2), pp. 465–480, DOI: <http://doi.org/10.1177/17506980221122175>.

Luarsabishvili, V. (2022), Reconstructing history: postmemory and ectopic literature, *Pensamiento*, vol. 78 (297), pp. 229–238, DOI: <http://doi.org/10.14422/pen.v78.i297.y2022.012>.

Pohn-Lauggas, M. (2021), Memory in the shadow of a family history of resistance: A case study of the significance of collective memories for intergenerational memory in Austrian families, *Memory Studies*, vol. 14 (2), pp. 180–196, DOI: <http://doi.org/10.1177/1750698019849698>.

Sy, O. (2021), Toni Morrison’s transgressive literary preaching and folk songs as postmemory, *International journal of linguistics, literature and culture*, vol. 20, pp. 35–54, DOI: <http://doi.org/10.21744/ijllc.v7n4.1720>.

Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. Москва: НЛЮ, 2019. 552 с.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Иванова Н.Б. Проза Юрия Трифонова. Москва: Советский писатель, 1984. 296 с.

Казарина Т.В. Современная отечественная проза: учебное пособие. Самара: Самар. гуманит. акад., 2004. 237 с.

Немзер А. Литературное сегодня. Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е. Москва: Новое литературное обозрение, 1998. 432 с.

Жукова В.А. Историческое «вольномыслие» Юрия Трифонова в романе «Нетерпение» (серия «Пламенные революционеры») // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2012. № 4. С. 84–94.

Сундукова К.А. «Отблеск костра» Ю.В. Трифонова и ненаписанный роман об отце Набоковского

Годунова-Чердынцева: невозможность документального // Кризисный двадцатый век: парадоксы революционного кода и судьбы литературы: сб. науч. ст. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2018. С. 118–123.

Суханов В.А. Романы Ю.В. Трифонова как художественное единство. Томск: Издательство Томского ун-та, 2001. 322 с.

Суханов В.А. Личный дневник в структуре документального и художественного повествования: «Отблеск костра» и «Старик» Ю. Трифонова // Текст. Книга. Книгоиздание. 2019. №20. С. 35–54. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnyy-dnevnik-v-strukture-dokumentalnogo-i-hudozhestvennogo-povestvovaniya-otblesk-kotra-i-starik-yu-trifonova> (дата обращения: 31.03.2024). DOI: <http://doi.org/10.17223/23062061/20/4>.

Шитов А.П. Время Юрия Трифонова: человек в истории и история в человеке (1925–1981). Москва: Новый хронограф, 2011. 960 с.

References

Frosh, S. (2019), Postmemory, *The American Journal of Psychoanalysis*, vol. 79, pp. 156–173, DOI: <http://doi.org/10.1057/s11231-019-09185-3>.

Hirsch, M. (2008), The generation of postmemory, *Poetics Today*, vol. 29 (1), pp. 103–128, DOI: <http://doi.org/10.1215/03335372-2007-019>.

Leksana, G. and Subekti, A. (2023), Remembering through fragmented narratives: Third generations and the intergenerational memory of the 1965 anti-leftist violence in Indonesia, *Memory Studies*, vol. 16 (2), pp. 465–480, DOI: <http://doi.org/10.1177/17506980221122175>.

Luarsabishvili, V. (2022), Reconstructing history: postmemory and ectopic literature, *Pensamiento*, vol. 78 (297), pp. 229–238, DOI: <http://doi.org/10.14422/pen.v78.i297.y2022.012>.

Pohn-Lauggas, M. (2021), Memory in the shadow of a family history of resistance: A case study of the significance of collective memories for intergenerational memory in Austrian families, *Mem-*

ory Studies, vol. 14(2), pp. 180–196, DOI: <http://doi.org/10.1177/1750698019849698>.

Sy, O. (2021), Toni Morrison's transgressive literary preaching and folk songs as postmemory, *International journal of linguistics, literature and culture*, vol. 20, pp. 35–54, DOI: <http://doi.org/10.21744/ijllc.v7n4.1720>.

Assman, A. (2019), *Forgetting history is an obsession with history*, Moscow, Russia.

Assman, Y. (2004), *Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*, Moscow, Russia.

Ivanova, N.B. (1984), *Prose by Yuri Trifonov*, Moscow, Russia.

Kazarina, T.V. (2004), *Modern Russian prose: a textbook*, Samara, Russia.

Nemzer, A. (1998), *Literary today. Literary today. About Russian prose. 90s. New Literary Review*, Moscow, Russia.

Shitov, A.P. (2011), *The time of Yuri Trifonov: human in history and history in human (1925–1981)*, Moscow, Russia.

Sukhanov, V. (2004), *Novels by Yu.V. Trifonov as an artistic unity*, Tomsk, Russia.

Sukhanov, V. (2019), A personal diary in the structure of documentary and literary narration: Otblesk kostra and Starik by Yu. Trifonov, *Tekst, Kniga, Knigoizdaniye*, vol. 20, pp. 35–54, DOI: <http://doi.org/10.17223/23062061/20/4>.

Sundukova, K.A. (2018), “Reflection of the fire” by Yu.V. Trifonov and the unwritten novel about Nabokovsky's father by Godunov-Cherdyntsev: the impossibility of documentary, *Crisis twentieth century: paradoxes of the revolutionary code and the fate of literature: collection. scientific Art*, pp. 118–123, Samara, Russia.

Zhukova, V.A. (2012), Historical “Freethinking” by Yuri Trifonov in the novel “Impatience” (series “Fiery Revolutionaries”), *Ural Philological Bulletin. Series: Project: young science*, no. 4, pp. 84–94.

Submitted: 25.12.2024

Revised: 20.01.2025

Accepted: 03.03.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1.06

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-46-54

Дата поступления: 12.12.2024
рецензирования: 02.02.2025
принятия: 01.03.2025

В.Е. Симакова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация,
E-mail: simakowa.valeriya@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0360-8279>

Культурная идентичность Б.Ю. Поплавского: между символизмом и сюрреализмом

Аннотация: настоящая статья посвящена проблеме культурной идентификации Б.Ю. Поплавского. Необходимость постановки и решения этой проблемы обусловлена тем, что в научной среде до сих пор не сформировался единый взгляд на его творчество, отличающееся эклектичностью. Одним из самых полемичных вопросов, касающихся изучения Б.Ю. Поплавского, остается вопрос актуальности причисления поэта к сюрреалистам. Целью статьи является определение и обоснование культурной идентичности Б.Ю. Поплавского с учетом различных точек зрения на поставленную проблему – от современников поэта до наших дней. Методом компаративного анализа автор статьи исследует эстетические установки Б.Ю. Поплавского, опираясь на дневники поэта и его критические статьи, где он излагает свои взгляды на творчество, а также на воспоминания современников о нем и его взглядах. Реализация эстетических установок Б.Ю. Поплавского демонстрируется преимущественно на материале поэтического сборника «Автоматические стихи», представляющего сложность для анализа и прежде в таком ракурсе и объеме не исследовавшегося. Рассматривая этот сборник как сложное эстетическое целое, автор исследования приходит к выводу о том, что Б.Ю. Поплавский, благодаря отказу от детализации лирического сюжета и лирического героя, достигает эффекта дереализации, к которому стремились сюрреалисты, но христианское содержание образов выдает в поэте преемника русских символистов.

Ключевые слова: Б.Ю. Поплавский; сюрреализм; символизм; автоматическое письмо; поток сознания; эстетические основания; культурная идентичность.

Цитирование: Симакова В.Е. Культурная идентичность Б.Ю. Поплавского: между символизмом и сюрреализмом // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 46–54. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-46-54>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Симакова В.Е., 2025

Валерия Евгеньевна Симакова – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

V.E. Simakova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: simakowa.valeriya@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0360-8279>

Cultural identity B.Yu. Poplavsky: between symbolism and surrealism

Abstract: this article is devoted to the problem of cultural identification of B.Yu. Poplavsky. The need to create and solve this scientific problem is due to the fact that the community has not yet formed a unified view of his work, which is distinguished by its eclecticism. One of the most controversial issues related to the study of B.Yu. Poplavsky is the following remaining question: the relevance of classifying the poet as a surrealist. The purpose of the article is to define and substantiate the cultural identity of B.Yu. Poplavsky, taking into account different points of view on the problem posed - from the poet's contemporaries to the present day. Using the method of comparative analysis, the author of the article examines the aesthetic attitudes of B.Yu. Poplavsky, relying on the

poet's diaries and his critical articles, where he sets out his views on creativity, as well as on the memories of his contemporaries about him and his views. Implementation of aesthetic goals of B.Yu. Poplavsky is demonstrated on the material of the poetry collection "Automatic Poems", which is difficult to analyze and has not been studied from such a perspective and volume before. Considering this collection as a complex aesthetic whole, the author of the study comes to the conclusion that B.Yu. Poplavsky, thanks to the refusal to detail the lyrical plot and the lyrical hero, achieves the effect of derealization that the surrealists strived for, while the Christian content of the images reveals the poet as a successor of the Russian symbolists.

Key words: B.Yu. Poplavsky; surrealism; symbolism; main letter; stream of consciousness; aesthetic basis; cultural identity.

Citation: Simakova, V.E. (2025), Cultural identity B.Yu. Poplavsky: between symbolism and surrealism, *Semioticheskie issledovani ja. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 46–54, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-46-54>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Simakova V.E., 2025

Valeriya E. Simakova – postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Борис Юлианович Поплавский (1903–1935) – поэт, автор оригинальных романов, дневников и критических статей об искусстве. Современники оставили отрывочные, иногда даже противоречащие друг другу свидетельства о жизни Б.Ю. Поплавского. Поэт представлялся им человеком, то ли постоянно дорабатывающим свой образ, то ли не имеющим устойчивой системы взглядов. Любопытные сведения о духовном пути Б.Ю. Поплавского можно найти в заметке его отца о нем: так, например, он связывает увлечение поэта мистикой с периодом пребывания в Константинополе, во время которого поэт общался с низами русской эмиграции. Из этого же источника можно получить подробные сведения об образовании и увлечениях поэта: он посещал художественную академию Гранд Шомьер, учился на историко-филологическом факультете Сорбонны, увлекался философией, теологией, поэзией, литературой, экономикой, социологией, историей, политикой, авиацией, занимался спортом (Поплавский 1996, с. 424). Г.В. Адамович характеризует Б.Ю. Поплавского как человека непостоянного: «Никогда нельзя было заранее знать, с чем пришел сегодня Поплавский, кто он сегодня такой: монархист, коммунист, мистик, рационалист, ницшеанец, марксист, христианин, буддист или даже просто спортивный молодой человек, презирующий всякие отвлеченные мудрости и считающий, что нужно только есть, пить, спать и делать гимнастику для развития мускулов? В каждую отдельную минуту он был абсолютно искренен, – но остановиться ни на чем не мог» (Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников 1993, с. 20).

Постановка проблемы

Творчество Б.Ю. Поплавского отличается особой эстетической эклектичностью – при внима-

тельном прочтении его произведений может возникнуть впечатление, что поэт привносил в свои литературные творения все образы и идеи художников слова, которые казались ему интересными: манеру письма поэтов-символистов, имена героев произведений Э.А. По, революционные техники письма Дж. Джойса и М. Пруста Б.Ю. Поплавский по-своему интерпретировал и умело использовал в собственном творчестве.

Литературный талант Б.Ю. Поплавского проявился в эмиграции. Находясь в Париже, он имел возможность участвовать не только в творческой жизни эмигрантского сообщества, но и следить за мировым художественным процессом. Покинув родину, как и многие его современники, поэт оказался между двух культур – он тесно общался с эмигрантами, в частности с придерживающимися линии сохранения достижений русской культуры, и следил за творчеством современных европейских авторов-новаторов. Б.Ю. Поплавский посещал заседания литературных объединений, основанных представителями разных поколений (Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников 1993).

Представители младшего поколения русской эмигрантской литературной среды были более открыты к культурному обмену (Шевченко, Герченкова 2023, с. 40–41). В.С. Варшавский отмечал, что Б.Ю. Поплавский, вероятно, читал дадаистов, сюрреалистов, Г. Аполлинера (Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников 1993, с. 32). Г.В. Адамович подчеркивал связь поэта не только с русской, но и с западноевропейской литературой (Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников 1993, с. 21).

В своих стихотворениях Б.Ю. Поплавский часто описывал состояние сна, окрашивал предметы в необыкновенные цвета и помещал лирических героев в невероятные ситуации. Все это позволяло

современникам и исследователям причислять поэта к сюрреалистам. Но справедливо ли это причисление или сюрреалистичность являлась лишь одной из отличительных особенностей уникальной творческой манеры Б.Ю. Поплавского?

Ход исследования

Несмотря на интерес к личности Б.Ю. Поплавского, в научной среде в настоящий момент не сформировался единый взгляд на творчество поэта – скорее, каждый из исследователей демонстрирует собственный подход к интерпретации его текстов. Одним из самых полемичных вопросов, касающихся изучения творчества Б.Ю. Поплавского, остается вопрос актуальности причисления поэта к сюрреалистам. Причисление исследователями поэта к тому или иному направлению определяет призму, через которую читатели смотрят на творчество поэта, таким образом, причисление поэта к определенному направлению имеет принципиальное значение.

Влияние поэтики сюрреализма на творчество Б.Ю. Поплавского заметили уже критики-современники поэта. Так, М. Слоним называл его «фантастическим поэтом, склонным к неясному сюрреализму». В словаре указано, что «в основе многих фантастических картин, возникающих в стихотворениях П., лежит последовательно осуществляемый сюрреалистический принцип «ошеломляющего образа», сближающего предметы, предельно далекие друг от друга» (Энциклопедический словарь сюрреализма 2007, с. 385). Однако в том же «Энциклопедическом словаре сюрреализма» подчеркивается, что «в целом ряде своих стихотворений П. отходил от принципов сюрреализма, возвращаясь в пределы классической традиции, к простоте и ясности поэтического слова» (Энциклопедический словарь сюрреализма 2007, с. 386).

Е.Л. Менегальдо в своем исследовании рассматривает поэтическое творчество Б.Ю. Поплавского в контексте сюрреалистического искусства, например, стихотворения, вошедшие в поэтический сборник «Флаги», исследовательница характеризует как «более близкие по духу к стихам французских сюрреалистов, чем русских символистов» (Менегальдо 2007, с. 21). Творческий метод Б.Ю. Поплавского Е.Л. Менегальдо характеризует как логичное развитие творческого метода автоматического письма, изобретенного сюрреалистами (Менегальдо 2007, с. 18).

Однако Д.В. Токарев, подчеркивая влияние на поэта символистов и находя в дневниковых записях поэта некоторые неточности в представлении Б.Ю. Поплавского о современных методах письма (смешение техник «автоматического письма», принципиально не предполагающего редакторской доработки, и «потока сознания», построен-

ного на точном подборе средств выражения, в единый прием (Токарев 2011, с. 78)), настаивает на невозможности признания Б.Ю. Поплавского поэтом-сюрреалистом. Исследователь находит идейные противоречия в установках Б.Ю. Поплавского и сюрреалистов: считает несовместимым идеалистическое понимание Б.Ю. Поплавским музыки и сюрреалистическое «акцентирование материального звукового субстрата» (Токарев 2011, с. 41).

А.И. Чагин в книге «Пути и лица. О русской литературе XX века» характеризует лирический сюжет стихотворений Б.Ю. Поплавского как «сюрреалистическое «действие»». По мнению исследователя, Б.Ю. Поплавского и французских сюрреалистов сближает общее стремление к описанию мира снов и кошмаров. С этим стремлением исследователь связывает характерную черту многих стихотворений поэта – «предметность фантастического, реальность ирреального, бытовая вещественность и зримость идеального или потустороннего» (Чагин 2011).

Л. Ливак в статье «Сюрреалистический компромисс Бориса Поплавского» признает, что на раннее творчество поэта значительное влияние оказывали символисты и футуристы, но настаивает на том, что культурная среда (круг чтения и личного общения) подготовили поэта к сюрреалистическим экспериментам и наследованию одной из основных установок сюрреализма – стремлению к психологической достоверности (Ливак 2012).

Анализ взглядов исследователей на творчество Б.Ю. Поплавского показывает, что вопрос актуальности причисления поэта к сюрреалистам в современном литературоведении остается полемичным и требует дальнейшего обсуждения.

Б.Ю. Поплавский оставил дневниковые записи и теоретические статьи, в которых подробно обозначено, что он читал, видел и какое впечатление произвели на него описываемые произведения искусства.

Дневники и критические статьи Б.Ю. Поплавского представляют собой уникальный исторический и художественный документ, поскольку в них содержатся как любопытные сведения о жизни русских эмигрантов в Париже и других городах, так и оригинальные рассуждения поэта о религии и искусстве. В этих записях Б.Ю. Поплавского можно обнаружить его размышления как о символизме и сюрреализме, так и о собственном творчестве, что позволяет провести компаративистский анализ с целью выявить значительность влияния различных течений на творчество поэта.

В дневниках нашли отражение такие общеизвестные качества поэта, как склонность увлекаться различными идеями и стремление к получению религиозного опыта, но мысли поэта были зафиксированы в необычной для дневников форме – некоторые записи больше походили на философские

и теософские эссе и художественные зарисовки. «Литературность» дневников, в которых темы религиозного поиска и творческих исканий встречаются чаще, чем описание событий жизни поэта, вызвала у читателей сомнения в подлинности этого документа. «Дневники» были восприняты некоторыми современниками как наброски литературных произведений. Н.А. Бердяева дневник Б.Ю. Поплавского поразил «отсутствием простоты и прямоты». Необычная форма дневников, адресованных будто не себе, а потенциальному читателю, показавшаяся другим читателям доказательством неискренности Б.Ю. Поплавского, даже побудила Н. Бердяева к рассуждению о двух формах искренности (Бердяев 1993).

Нас же дневники Б.Ю. Поплавского интересуют не как пример сложного нарративного построения, а как документ, в котором отражены взгляды поэта на его творчество и современное ему искусство, т.к. дневники содержат саморефлексию автора по поводу его творческого метода, участия в литературных вечерах и т.д. В частности, нас интересует мнение Б.Ю. Поплавского о манере письма сюрреалистов и о важных для сюрреалистов понятиях.

В дневниках Б.Ю. Поплавский сформулировал свою задачу как художника: «Задача просто в том, чтобы как можно честнее, пассивнее и объективнее передать тот причудливо-особенный излом, в котором в данной жизни присутствует вечный свет жизни, любви, погибания, религиозности. Следует как бы быть лишь наблюдателем неожиданных аспектов и трогательно-комических вариаций, в которых в индивидуальной жизни присутствуют общие вечные вещи. <...> Следует не активно создавать индивидуализм и потом его описывать, а пассивно и объективно описывать уже имеющуюся на лицо собственную субъективность и горестно-комическую заостренность и выделенность (Поплавский 1996, с. 94)».

В дневниках поэт описывал свой творческий процесс: «Молчание белой бумаги. Белый лист наводит на меня какое-то оцепенение. Как студеное поле, перед которым кажется неважным все – цветы и звуки» (Поплавский 1996, с. 163). Он отмечал, что тщательно редактирует свои тексты, читает и переписывает по несколько раз (Поплавский 1996, с. 117).

Б.Ю. Поплавский ставит себе в пример В.В. Розанова и М. Пруста как авторов, добившихся, по его мнению, успеха в выражении своих идей именно благодаря преодолению диктата общепринятой формы. В дневниках, как и в критических статьях, поэт рассуждает о методе М. Пруста, стремится разгадать механизм создания прустовских произведений: «Интересно знать, писал ли М. Пруст от обилия или от скудости. Оттого, что ему не из чего было выбирать, что он писал – все.

Или это из-за ясного чувства масштаба и выбора того, об чем стоит, и того, об чем не стоит. Поиск чувства масштаба обозначен в позднем дневнике как первоочередная творческая задача автора: «Больше всего научиться ценить – это чувство масштаба. Зданевич погибает из-за отсутствия его. Что важно и что не важно делать и любить» (Поплавский 1996, с. 163).

Любопытно отметить, за что поэт критиковал свои произведения. Он стремился к предельной искренности, и «неряшливость» для него обозначала скорее не неправильность некоторых выражений, которую отмечали критики, а конечное несоответствие того, что выражено, тому, что поэт стремился выразить. Он критиковал себя за недостаточную творческую раскрепощенность и зависимость от мнения критиков и коллег по цеху:

«Неряшливость того, что я пишу, меня убивает, брезгливость духа, не достаивающего отчитываться, и отсюда графомания, ибо легче написать десять плохих сравнений, чем докопаться до одного хорошего (Поплавский 1996, с. 112)».

«Я пишу так скучно, так нравоучительно, монотонно, так словесно, не потому ли, что не смею писать непонятно, я не свободен от страха публики и даже от страха критики... (Поплавский 1996, с. 202)».

В статье о творчестве Дж. Джойса Б.Ю. Поплавский описал свое видение «автоматического письма»: «Способ написания «Улисса» Джойсом, этой огромной книги в почти девятьсот огромных страниц мелкой печати, описывающих всего один день некоего Леопольда Блюма, сборщика объявлений в Дублине, и его знакомых, есть так называемое «автоматическое письмо», впервые примененное Изидором Дюкасом – графом Лотреамоном (а много ранее, вероятно, составителями всевозможных Апокалипсисов), который в 70-х годах написал им, совершенно независимо от Рембо, гениальную книгу *Les Chants de Maldoror* (песни предрасветной боли?) и затем бесследно исчез в возрасте 26 лет. Этим способом искони пользовались медиумы и визионеры (в том числе столь замечательный Уильям Блейк), а в настоящее время широко пользуется школа Фрейда для своих изысканий и французские сюрреалисты. Он состоит как бы в возможно точной записи внутреннего монолога, или, вернее, всех чувств, всех ощущений и всех сопутствующих им мыслей, с возможно полным отказом от выбора и регулирования их, в чистой их алогичной сложности, в которой они проносятся. Так, подробное описание множества мелких событий долгого июльского дня 1904 [года] сплошь перемежается стенографической записью просящихся в сознание героев беспорядочных ассоциаций, что создает сугубую оригинальность письма и абсолютно нарушает фальшивую литературную стройность обычных разговоров в романах, ибо

даже у Пруста так часто внутренняя нераздельно-слитная ткань мысли заменена фальшивыми дедукциями и рассуждениями, так что... иногда кажется, что между Джойсом и Прустом такая же разница, как между болью от ожога и рассказом о ней. Все вместе создает совершенно ошеломляющий документ (Поплавский 1996, с. 273)».

Из данной цитаты следует, что сюрреалисты и Б.Ю. Поплавский понимали «автоматическое письмо» не идентично: Б.Ю. Поплавский не видел особой разницы между способами работы Дж. Джойса, М. Пруста и сюрреалистов, акцентировал свое внимание на эффекте искренности.

Дневники Б.Ю. Поплавского свидетельствуют о готовности поэта к творческой эволюции, начало которой нашло отражение в поэтическом сборнике «Автоматические стихи» и романах «Аполлон Безобразов» и «Домой с небес». Критические статьи Б.Ю. Поплавского, в которых он также рассуждает о литературном процессе, содержат ценные сведения о его теоретической осведомленности в области современной литературы, выражают публичную позицию автора. Дневники же содержат более личные рассуждения на тему творчества, позволяют больше узнать об источниках вдохновения поэта и его творческих планах, которые ему не суждено было реализовать.

Сюрреализм изначально позиционировался его создателями и идеологами как беспрецедентный культурный продукт, представляющий собой не только воплощение новаторских эстетических принципов в искусстве, но и новый способ мышления, современный образ жизни.

В книге «Бесцеремонная история сюрреализма» Р. Ванейгем рассматривает сюрреализм в том числе и как общественно-политическое движение, в основе которого лежит идеология свободы. Он отмечает, что в разное время сюрреалисты, пытаясь реализовать стремление к свободе, присоединялись к различным политическим движениям, восхваляли большевизм, троцкизм, геваризм, анархизм (Ванейгем 2014).

Л.Г. Андреев подчеркивал двойную природу этого течения: сюрреализм, с одной стороны, должен был сохранять свою «надреалистическую» сущность, а с другой стороны, выполнять общественно-политические задачи – двигать людей к осознанию необходимости революции. Идеологи сюрреализма пытались найти теоретические обоснования для выполнения этих сложно совместимых задач, обращаясь не только к различным политическим течениям, но и к «автоматизму» и оккультизму (Андреев 1972, с. 48).

В современном общественном сознании сюрреализм скорее ассоциируется с такими абстракциями, как сон и мечта, а не со сводом строгих определений и предписаний. Например, некоторые современные художники используют в своем

творчестве сюрреалистические техники для работы с бессознательным, хотя и далеки от политических идей, которые разделяли сюрреалисты (Giuliodori L., Boldyreva A., Bobunova 1993).

По мнению главного теоретика сюрреализма А. Бретона, течение начинается в 1919 году с публикации в журнале «Литература» «Магнитных полей» – совместного произведения А. Бретона и Ф. Супо, в котором впервые использовался автоматизм как метод письма (Андреев 1972, с. 18). Также в 1919 году тексты в технике автоматического письма создает Л. Арагон (Андреев 1972, с. 29).

Литературные произведения сюрреалистов были воплощением их теоретических установок в художественной форме. Так, в повести «Надя» А. Бретон воспекает необычный взгляд девушки Нади на реальность, восхищается ее свободой и творческим воображением, но в конце повести выясняется, что Надя была просто психически больной (Бретон). После попадания Нади в лечебницу главный герой повести отказывается от общения с ней, потому что думает, что попавшему в руки психиатров человеку уже ничего не поможет. Таким образом, в рамках художественного произведения А. Бретон пытается ответить на вопросы, где проходит граница между свободным воображением и безумием и несут ли сюрреалисты, воспевающие оба состояния, ответственность за ухудшение психического здоровья своей целевой аудитории.

В рамках сюрреалистической поэзии сюрреалисты также предпринимали попытки расширения рамок дозволенного: поэзия П. Элюара была наполнена откровенными эротическими образами (Элюар 1971), а в «Магнитных полях» А. Бретон и Ф. Супо отказались от привычной субъектной организации (например, в качестве лирического героя они использовали нечто неопределенное – пыль или бактерии) (Антология французского сюрреализма 1994).

Современники называли Б.Ю. Поплавского «единственным русским сюрреалистом» (Токарев 2011), подчеркивая таким образом влияние на поэта идей нового течения. Безусловно, религиозные и политические взгляды Б.Ю. Поплавского не совпадали со взглядами А. Бретона. Для сюрреалистов искусство являлось не целью, а средством совершения сюрреалистической революции, Б.Ю. Поплавский же признавал две сферы самыми важными в своей жизни – искусство и религиозный поиск.

Самое решительное расхождение Б.Ю. Поплавского и сюрреалистов наблюдается именно в религиозном вопросе. Б.Ю. Поплавский признавался в своих дневниках, что никогда не сомневался в существовании Бога, а «сомневался только в его благодати» (Поплавский 1996, с. 173). Именно в Боге Б.Ю. Поплавский видел единственную опору (Поплавский 1996, с. 105).

Ради своего религиозного поиска поэт был готов даже отказаться от личной жизни и думал об отказе от литературной деятельности, когда она, по его наблюдениям, препятствовала его стремлению к святости: «Никто из них не знает, как тяжела святость. Это страшное безбытие – пустыня отказавшейся от всего жизни. Я, у которого столько сил для зла, так слаб, так мал, так, как бабочка, еле жив в добре» (Поплавский 1996, с. 106).

Действительно, взгляды Б.Ю. Поплавского ближе к взглядам русских символистов. Для творчества поэта в той или иной форме характерны все черты новой русской литературы (т.е. символизма), выделенные Д.С. Мережковским: изменение содержания, которое связано со стремлением уйти из этого мира в мир потусторонний, применение символов, расширение художественной впечатлительности (Львов-Рогачевский, 1925). А.А. Блок в своем докладе также отмечал стремление символистов к сближению искусства и жизни, превращению жизни в театральное представление (Блок 2013). Для Б.Ю. Поплавского смешение жизни и искусства было настолько характерно, что у некоторых современников складывалось впечатление, что поэт постоянно играет «роль».

Все творчество Б.Ю. Поплавского отличается особой эклектичностью: его поздняя поэзия отражает влияние на него как новаторских литературных течений и современных ему авторов (сюрреалисты, Дж. Джойс, М. Пруст), так и символистов, творчество которых поэт высоко ценил. Поэтический сборник Б.Ю. Поплавского «Автоматические стихи» представляет собой сложное эстетическое явление на стыке сюрреализма и символизма, что обусловлено особенностями формирования эстетического мировоззрения поэта.

В поэтическом сборнике «Автоматические стихи» прослеживается последовательный отказ Б.Ю. Поплавского как от развернутого лирического сюжета, так и от прописанного лирического героя.

В поэтическом сборнике «Флаги» содержалось множество стихотворений с развернутым лирическим сюжетом, а также Б.Ю. Поплавский использовал персонажей известных историй – шекспировских Гамлета и Офелию, Мореллу Э.А. По, бальзаковскую Серафиту и даже персонажей детективов – Мориарти А. Конан Дойла и популярного персонажа из десятипенсовых «романов с продолжением» Ника Картера – и дополнял эти истории собственными сюжетами в стихотворениях дебютного сборника.

Если в поэтическом сборнике «Автоматические стихи» упоминается какой-либо персонаж, то чаще всего он отождествляется с единственной функцией. Персонаж может отождествляться с его профессией, работоспособностью или даже рабочим графиком («В черном море пели водолазы» (Поплавский 1931, с. 62), «Больные вставали с по-

стели / Вечерняя смена на низких бульварах / Ела мороженое» (Поплавский 1931, с. 164)).

Уместно вспомнить отрывок из «Нади» А. Бретона, в котором главный герой рассуждает о том, что работа препятствует творческому образу жизни: «И пусть мне после этого не говорят о работе, то есть о моральной ценности работы. Я вынужден принять идею работы как материальной необходимости, в этом отношении я всецело за ее лучшее, наиболее правильное распределение. Пусть мрачные обязательства жизни навязывают мне ее – это так, но заставить меня верить в нее, уважать мою работу или чью-нибудь еще – никогда (Бретон 2010)».

В отличие от А. Бретона, Б.Ю. Поплавский не осуждает идею работы, он скорее рисует картину городской отчужденности. Поэт констатирует, что незнакомые люди интересны друг другу лишь в функциональном плане. Также Б.Ю. Поплавский использует фрагментарное описание внешности персонажей («худые и старые люди в цилиндрах» (Поплавский 1999, с. 38), «страшные черные лица детей» (Поплавский 1999, с. 46), акцентируя внимание на невозможности проникнуть в глубь душевной жизни этих людей и нагнетая ощущение отчуждения.

Персонажи иногда описаны как каменные или железные, что, с одной стороны, подчеркивает их неподвижность и/или безэмоциональность, а с другой – сближает их со статуями («Каменная девушка на воздушном шаре / Поднимается в небо не переставая улыбаться» (Поплавский 1999, с. 58), «Бледнолицые книги склонялись к железным рукам» (Поплавский 1999, с. 90)). Статуи же, напротив, описываются двойственно – они показаны со сторон, характерных и для статуй, и для людей («В беседе состарилась статуя» (Поплавский 1999, с. 71), «Статуя читает книгу» (Поплавский 1999, с. 141)). Иногда личность персонажа совершенно не важна, описывается только его действие, которое отражает состояние мира:

И кто-то говорил во сне
Странно приподымая руку
О самом страшном –
О измене (Поплавский 1999, с. 40).

Однако упоминание некоторых персонажей в нехарактерных для них ситуациях создает эффект дереализации. Так, например, в тридцатом стихотворении сборника упоминаются короли, которые едут в трамвае («Далеко внизу трамвай шли / В них читали книги короли» (Поплавский 1931, с. 62)). Картина эта, с одной стороны, напоминает о пронизанной мистицизмом поэме А.А. Блока «Ночная фиалка» (Блок 1988, с. 128), герой которой не замечет, как погружается в сон – картина пригорода постепенно сменяется картиной заседания сказочных королей. С другой стороны, многие окружающие Б.Ю. Поплавского люди,

как и он сам, потеряли свой социальный статус и материальное состояние и были вынуждены вести в эмиграции крайне бедный образ жизни – допустимо прямое толкование этой сцены, лишенное мистицизма. Возможность двойного толкования – обыденного и мистического – пронизывает весь сборник «Автоматические стихи».

Однако особое место в ряду «однофункциональных» персонажей Б.Ю. Поплавского занимают бродяги и отшельники, посвящающие себя поискам Бога. Во втором стихотворении сборника бродяга, который «разгадал / Крестословицу о славе креста» (Поплавский 1999, с. 34), достигает свободы, а в сорок четвертом стихотворении отшельник, проникший в суть мистических книг, перемещается в иной мир:

Только бедный отшельник ослеп
Он покинул свой черный склеп
Он живет на звезде зари
Безутешно плачет о нас
Потому что там высоко
И до земли далеко
И нигде нельзя встретить тех
Кого убивает смех (Поплавский 1999, с. 76).

На смену «мы-возлюбленным» («Превращение в камень», «В борьбе со снегом») и «мы-друзьям» («Армейские стансы», «Дождь»), часто встречавшимся на страницах «Флагов», в «Автоматических стихах» приходит «коллективное мы», в котором невозможно разглядеть конкретных личностей. Эти люди чаще всего не заняты ничем особенным («Мы пили яркие лимонады и над нами флаги кричали» (Поплавский 1999, с. 37)), но для них возможен и коллективный духовный путь («Мы идем с Евангелием в кармане / Мы идем вперед» (Поплавский 1999, с. 126)).

Ряд стихотворений в «Автоматических стихах», характеризующихся повелительной интонацией, – это стихотворения-инструкции для лирического героя «как правильно жить в мире», созданным Б.Ю. Поплавским. Лирический герой в них призывается к приближению к иному миру, к спокойствию, к молитвам и принятию неизбежности гибели. Он будто должен приблизиться к состоянию объекта в мире людей, чтобы стать субъектом в ином мире:

Вечный воздух ночной говорит о тебе
Будь спокоен как ночь, будь покорен судьбе
В совершенном согласье с полетом камней
С золотым погасаньем дней
Будь спокоен в своей мольбе (Поплавский 1999, с. 68).

Иногда реальность существования лирического героя в материальном мире вовсе отрицается:

Тише, мой друг.
Сны распадутся
Но ведь и Ты сон (Поплавский 1999, с. 167).
Молитва и смерть представляются как возмож-

ные пути достижения иного мира, а поиск свидетельств существования иных миров в обыденной жизни (так можно трактовать сбор «лоскутьев и обрезков» в контексте метафоры «нити») представлен как ложный путь. Однако сбор «лоскутьев и обрезков», сопровождаемый плачем, может быть истолкован и как свидетельство крайней бедности собирающего их персонажа. Именно за счет двойственности образов поэт на страницах «Автоматических стихов» создает атмосферу сна и мистицизма.

Достигший просветления лирический герой представлен как пограничный персонаж, способный прислушиваться к жизни объектов окружающего его мира:

Я живу на границе твоей
О душа, о море победы
Меж тобою и мною ночь – высоко до рассвета
Далеко до лучезарного дня
Я живу на границе твоей
Камень тихо со мной говорит (Поплавский 1999, с. 69).

Одним из часто встречающихся в сборнике персонажей является Христос, представленный Б.Ю. Поплавским на средневековый лад, – он крайне беден. Христос уже среди людей, но благодаря своей бедности он не отличим от бедняков («Христос в ботинках едет в трамвае»).

Появление мотива прощания со временем («Время стекает к садам антарктических птиц / Время, прощай» (Поплавский 1999, с. 86)) в тех стихотворениях, где говорится о Христе, и упоминание золотой трубы («Лежит золотая труба / Христос сидит на стуле / Он спит / С золотой трубой в руках / Христос проснется» (Поплавский 1999, с. 125)) свидетельствуют о приближении Апокалипсиса.

Благодаря отказу от детализации лирического сюжета и лирического героя, а также за счет двойственности описываемых сцен и явлений, Б.Ю. Поплавский в поэтическом сборнике «Автоматические стихи» достигает эффекта дереализации, к которому стремились поэты-сюрреалисты, но христианское содержание образов выдает в Б.Ю. Поплавском преемника русских символистов.

Выводы

Творчество Б.Ю. Поплавского эклектично. На формирование этой эклектичности оказал влияние культурный опыт поэта: находясь в Париже, он перенимал установку на «консервацию сокровищ русской культуры» от эмигрантов старшего поколения и стремление к экзистенциальному поиску от эмигрантов младшего поколения, а также интересовался новейшими течениями западного искусства. Такие личностные качества Б.Ю. Поплавского, как стремление к постоянному духовному поиску и переменчивость взглядов, также нашли свое отражение в творчестве поэта.

Возможно ли однозначно отнести Б.Ю. Поплавского к представителям сюрреализма? С сюрреалистами Б.Ю. Поплавского сближало стремление передать в литературе внутренний мир человеческой души и подлинно изобразить состояние сна, но религиозность Б.Ю. Поплавского и особенно его понимания целей литературы не позволяют отождествлять его с представителями сюрреалистического движения. Однако особое внимание к описанию состояния сна сближает Б.Ю. Поплавского и сюрреалистов и позволяет поэту альтернативным путем приблизиться в своем творчестве к тем же эстетическим установкам, которые проповедовали французские сюрреалисты.

Б.Ю. Поплавский пришел к тому, что он сам понимал как метод «автоматического письма», в отличие от сюрреалистов, не через дадаистское отрицание смысла, а через символистский поиск смысла, скрытого за обыденным и раскрывающегося при умении расшифровывать символы.

Источники фактического материала

Блок А.А. Избранные сочинения. Москва: Худож. лит., 1988. 687 с., ил.

Поплавский Б.Ю. Флаги: стихи. Париж: Числа, 1931. 92 с.

Библиографический список

Андреев Л.Г. Сюрреализм. Москва: Высшая школа, 1972.

Антология французского сюрреализма, 20-е гг. / сост. С.А. Исаева и др. Москва: ГИТИС, 1994. 390 с.

Бердяев Н. По поводу «Дневников» Б. Поплавского. Опубликовано. Воспроизводится по изданию 1993 г. Человек. 1993. №3. С. 172–175 // krotov.info. 1997. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1939popl.html (дата обращения: 01.06.2023).

Блок А.А. О современном состоянии русского символизма. culture.ru: гуманитарный просветительский проект, посвященный культуре России. 2013–2023. URL: <https://www.culture.ru/books/621/o-sovremennom-sostoyanii-russkogo-simvolizma> (дата обращения: 01.06.2023).

Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников / сост. Л. Аллен, О. Гриз. Санкт-Петербург: «Logos»; Дюссельдорф: «Голубой всадник», 1993. 184 с.

Бретон А. Надя // royallib.com: электронная библиотека. 2010–2023. URL: https://royallib.com/read/breton_andre/manifest_syurrealizma.html (дата обращения: 01.06.2023).

Ванейгем Р. Бесцеремонная история сюрреализма. Москва: Гилея, 2014. 185 с.

Львов-Рогачевский В. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. /

под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. Москва; Ленинград: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. 579 с.

Ливак Л. Сюрреалистический компромисс Бориса Поплавского // cyberleninka.ru: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». 2012–2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2002-03-032-tablivak-l-surrealisticheskiy-kompromiss-borisa-poplavskogo-livak-l-the-surrealist-compromise-of-boris-poplavsky-russ-rev> (дата обращения: 01.06.2023).

Менегальдо Е. Поэтическая Вселенная Бориса Поплавского. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 268 с.

Поплавский Б.Ю. Автоматические стихи. Москва: Согласие, 1999. 228 с.

Поплавский Б.Ю. Неизданное: Дневники, статьи, стихи, письма / сост. и коммент. А. Богословского, Е. Менегальдо. Москва: Христианское издательство, 1996. 512 с.

Токарев Д. «Между Индией и Гегелем»: Творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе. Москва: 2011. 352 с.

Шевченко Е.С., Герченкова Д.В. Семиотика художественного языка В. Набокова в свете теории символизации Н. Гудмена // Семиотические исследования. 2023. Т. 3. № 4. С. 40–47. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-40-47>.

Чагин А.И. Пути и лица. О русской литературе XX века // www.rulit.me 2011–2023. URL: <https://www.rulit.me/books/puti-i-lica-o-russkoj-literature-xx-veka-read-218188-1.html> (дата обращения: 01.06.2023).

Элюар П. Стихи / пер. с франц. Москва: «Наука», 1971. 422 с.

Энциклопедический словарь сюрреализма / сост., отв. ред.: Т.В. Балашова, Е.Д. Гальцова, Москва: ИМЛИ РАН, 2007. 584 с.

Giuliodori, L., Boldyreva, A., Bobunova, A., Boranenkova, V., Notina, E. The article surrealism between psychological investigation and artistic commitment // cyberleninka.ru: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». 2012–2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/surrealism-between-psychological-investigation-and-artistic-commitment> (дата обращения: 01.06.2023).

References

Andreev, L.G. (1972), *Surrealism*, Higher School, Moscow, USSR.

Anthology of French surrealism, the 20s., (1994), comp. S.A. Isaeva et al., GITIS, Moscow, Russia.

Berdyayev, N. (1993), *About the "Diaries" of B. Poplavsky*, Published. Reproduced from the 1993 edition of *The Man*, no. 3, pp. 172–175, krotov.info, 1997, [Online], available at: <http://krotov.info/>

library/02_b/berdyaev/1939popl.html (Accessed 06 Jan 2023).

Blok, A.A. (2013–2023), *On the modern state of Russian symbolism*, A humanitarian educational project dedicated to the culture of Russia, [Online], available at: <https://www.culture.ru/books/621/o-sovremennom-sostoyanii-russkogo-simvolizma> (Accessed 06 Jan 2023).

Boris Poplavsky in the assessments and memoirs of contemporaries (1993), comp. L. Allen, O. Griz, Logos, St. Petersburg, Russia, The Blue Horseman, Dusseldorf, Germany.

Breton, A. (2010–2023), *Nagy*, [Online], available at: https://royallib.com/read/breton_andre/manifest-syurrealizma.html (Accessed 06 Jan 2023).

Vaneigem, R. (2014), *The unceremonious history of surrealism*, Gilead, Moscow, Russia.

Lviv-Rogachevsky, V. (1925), *Literary Encyclopedia: Dictionary of literary terms: In 2 volumes*, (N. Brodsky, A. Lavretsky, E. Lunin, V. Lvov-Rogachevsky, M. Rozanov, V. Cheshikhin-Vetrinsky eds.), Publishing house L.D. Frenkel, Moscow, Leningrad.

Livak, L. (2012–2023), *The surreal compromise of Boris Poplavsky*, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/2002-03-032-tablivak-l-syurrealisticheskiy-kompromiss-borisa-poplavskogo-livak-l-the-surrealist-compromise-of-boris-poplavsky-russ-rev> (Accessed 06 Jan 2023).

Menegaldo, E. (2007), *The Poetic Universe of Boris Poplavsky*, Aletya, St. Petersburg, Russia.

Poplavsky, B.Y. (1999), *Automatic poems*, Consent, Moscow, Russia.

Poplavsky, B.Y. (1996), *Unpublished: Diaries, articles, poems, letters*, comp. and comments by A.

Bogoslovsky, E. Menegaldo, Christian Publishing House, Moscow, Russia.

Tokarev, D. (2011), *"Between India and Hegel": The work of Boris Poplavsky in a comparative perspective*, Moscow, Russia.

Shevchenko, E. and Gerchenova, D. (2023), Semiotics of V. Nabokov's artistic language in the light of N. Goodman's theory of symbolization, *Semioticheskiye issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 4, pp. 40–47, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-40-47>.

Chagin, A.I. (2011–2023), *Ways and faces. About Russian literature of the XX century*, [Online], available at: <https://www.rulit.me/books/puti-i-lica-orusskoj-literature-xx-veka-read-218188-1.html> (Accessed 06 Jan 2023).

Eluard, P. (1971), *Poems*, Translated from French, Science, Moscow, Russia.

Encyclopedic dictionary of surrealism, comp. (2007), ed. Balashova, T.V., Galtsova, E.D., IMLI RAS, Moscow, Russia.

Giuliodori, L., Boldyreva, A., Bobunova, A., Boranenkova, V., Notina, E. (2012–2023), *The article surrealism between psychological investigation and artistic commitment*, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/surrealism-between-psychological-investigation-and-artistic-commitment> (Accessed 06 Jan 2023).

Submitted: 12.12.2024

Revised: 02.02.2025

Accepted: 01.03.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1.06-31

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-55-62

Дата поступления: 12.12.2024
рецензирования: 05.02.2025
принятия: 03.03.2025

Н.Н. Кислова

Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kislova_nn@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6227-5654>

«Если век стремится в бездну, лучше отстать от него» – библейский текст в романе Б.А. Садовского «Шестой час»

Аннотация: материалы статьи дополняют тему «христианства и русской литературы» на примере романа Б.А. Садовского «Шестой час». Б.А. Садовской (1881–1952) известен как автор исторических романов, посвященных исследованию причин падения монархического строя в России в XX веке. Историю России со времен Петра I до Николая II он рассматривает с точки зрения православной историософии. Автор статьи описывает роль и значение библейского текста в создании апокалиптической художественной картины мира в романе Б.А. Садовского «Шестой час». Библейский текст введен писателем в заголовочный комплекс, представлен цитатами из Нового Завета, присутствует на уровне ассоциативной символики в образах (именах) персонажей. Новизна исследования определена не только недостаточной изученностью литературного наследия писателя и отсутствием полноценных работ о его романном творчестве, но и попыткой представить роман «Шестой час» Б.А. Садовского как роман-предупреждение, что Россия должна вернуться к монархии и православию как единственным источникам ее цивилизационного существования.

Автор приходит к выводам, что библейский текст в романе Б.А. Садовского «Шестой час» определяет его стилевое единство и формирует представление об авторской историософской концепции, в которой предреволюционная и предвоенная Россия изображается как место битвы добра и зла, подчеркивается неотвратимость ее жертвенного пути как условия ее будущего возрождения.

Ключевые слова: библейский текст; заголовочный комплекс; «Шестой час»; православная историософия.

Цитирование: Кислова Н.Н. «Если век стремится в бездну, лучше отстать от него» – библейский текст в романе Б.А. Садовского «Шестой час» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 55–62. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-55-62>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кислова Н.Н., 2025

Наталья Николаевна Кислова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы, журналистики и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.N. Kislova

Samara State University
of Social Sciences and Education,
Samara, Russian Federation
E-mail: kislova_nn@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6227-5654>

"If the age aspires to the abyss, it is better to get behind it" – the biblical text in the novel by B.A. Sadovsky "The Sixth Hour"

Abstract: the article's materials complement the topic "Christianity and Russian literature" based on the example of B.A. Sadovsky's novel "The Sixth Hour". B.A. Sadovskaya (1881–1952) is known as the author of historical novels devoted to the study of the causes of the fall of the monarchical system in Russia in the twentieth century. He examines the history of Russia from the time of Peter I to Nicholas II from the point of view of Orthodox historiography. The author of the article describes the role and significance of the biblical text in creating an apocalyptic artistic picture of the world in B.A. Sadovsky's novel "The Sixth Hour". The

biblical text was introduced by the writer into the titles (the title complex), represented by quotations from the New Testament, and is present at the level of associative symbolism in the images (names) of the characters. The novelty of the research is determined not only by the insufficient study of the writer's literary heritage and the lack of full-fledged works on his novel work, but also by the attempt to present the novel "The Sixth Hour" by B.A.Sadovsky as a warning novel that Russia must return to monarchy and Orthodoxy as the only sources of its civilizational existence.

The author concludes that the biblical text in B.A.Sadovsky's novel "The Sixth Hour" defines its stylistic unity and forms an idea of the author's historiosophical concept, in which pre-revolutionary and pre-war Russia is depicted as a place of battle between good and evil, emphasizing the inevitability of its sacrificial path as a condition for its future revival.

Key words: biblical text; heading complex; "The Sixth Hour"; Orthodox historiosophy.

Citation: Kislova, N.N. (2025), "If the age aspires to the abyss, it is better to get behind it" – the biblical text in the novel by B.A. Sadovsky "The Sixth Hour", *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 55–62, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-55-62>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Kislova N.N., 2025

Natalya N. Kislova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Literature, Journalism and Teaching Methods, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky Str., Samara, 443099, Russian Federation.

Введение

Тема «Христианство и русская литература» плодотворно разрабатывается российскими учеными уже на протяжении более чем двух столетий, что подтверждается и библиографическим указателем 2002 года «Христианство и новая русская литература XIX–XX вв.», составленным А.П. Дмитриевым и Л.В. Дмитриевой (Христианство и новая русская литература XIX–XX вв. 2002), и современными публикациями.

Христианский характер русской литературы особо подчеркивали в своих трудах религиозные философы XX века И.А. Ильин (Ильин 1991), Н.А. Бердяев (Бердяев 1993), Г.В. Флоровский, Г.П. Федотов, В.В. Зеньковский (О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья 1990), К.В. Мочульский (Мочульский 2000). В советское время по идеологическим причинам изучение этой проблемы не представлялось возможным, зато с конца 80-х – начала 90-х годов XX века начался процесс разработки новой концепции русской литературы в ее тесной взаимосвязи с христианством.

Одним из первых, кто открыто коснулся этой темы, был академик А.М. Панченко. В статье «Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема» (Панченко 1991, с. 11–25) он указал, что, несмотря на попытки обособления культуры от веры в XVII в., новая русская культура и новая русская литература все-таки имеют связь с православным мировоззрением, и в этом их главное отличие от западной культуры и литературы.

В начале 1990-х годов к проблеме христианских традиций русской литературы обращается Ю.М. Лотман. Он публикует статью «Русская литература послепетровской эпохи и христианская

традиция» (Лотман 1993, с. 127–137), в которой обосновывает генетическую связь русской литературы с христианством. К основным христианским литературным традициям Ю.М. Лотман относит и традицию видеть в авторах литературных произведений духовных учителей, и предъявление особых требований к личности писателя.

Среди ученых, внесших значительный вклад в научную разработку темы, следует назвать В.А. Котельникова (Котельников 1994), И.А. Есаулова (Есаулов 1995, 2004), П.Е. Бухаркина (Бухаркин 1996), М.М. Дунаева (Дунаев 2001–2004), А.М. Любомудрова (Любомудров 2002). И.А. Есаулов в монографии «Категория соборности в русской литературе» (Есаулов 1995) обосновал, что для русского типа культуры и русского типа ментальности характерна ведущая категория русского православного христианства – категория соборности, а в работе «Пасхальность русской словесности» ученый ввел понятие «пасхального архетипа» как доминантное для русской литературы и доказал наличие этого архетипа в подтексте многих классических произведений (Есаулов 2004). М.М. Дунаев в монографии «Православие и русская литература» показал, что литература на Руси возникла как духовная, религиозная, а новая литература создавалась на традициях предшествующих веков, и поэтому главная особенность великой русской литературы в том, что она православная (Дунаев 2002).

Особый вклад в изучение проблемы «Христианства и русской литературы» внес А.М. Любомудров, автор ряда работ, посвященных методологическим проблемам православного литературоведения (статья «Церковность как критерий культуры»; монография «Духовный реализм в литературе русского зарубежья»). Ученый вводит категорию церковности с целью отличать дей-

ствительно православные произведения от произведений, несущих идеи гуманизма, и выделяет в русской классике особый тип реализма, отображающий реальность церкви в мире – духовный реализм (Любомудров 2002).

Знакомство с исследованиями по теме «Христианство и русская литература» позволяет присоединиться к выводам ученых о генетической связи русской литературы с христианством. Такие христианские традиции, как «внимание к духовным проблемам, нравственности, совести, поиск жизненной правды; учительство, дидактичность русской литературы, восприятие писателей как определенных духовников; пристальное внимание к личности писателей, к их нравственному облику; идея соборности» (Есаулов 2004, с. 560) во многом определяют содержательное и поэтическое богатство русской литературы.

Среди литературоведческих и междисциплинарных исследований на эту тему мы оттолкнулись от работы О.Ю. Золотухиной «Христианство и русская литература» – основные научные подходы к проблеме» (Золотухина 2008). Она выделяет три основных подхода к изучению христианского аспекта творчества автора: выявление христианских традиций в произведениях писателя; исследование отношений писателя с церковью как на уровне произведений, так и на уровне биографии; изучение христианских образов, мотивов, реминисценций и т.п. на текстовом уровне, определение их функций (Золотухина 2008).

Сочетание этих подходов и легло в основу интерпретации романа Б.А. Садовского «Шестой час».

Ход исследования

Борис Александрович Садовской как писатель, поэт, драматург, критик был хорошо известен в петербургских и московских литературных кругах рубежа XIX–XX вв. Революция 1917 года и окончательно настигшая его тяжелая болезнь полностью изменили жизнь писателя. Прикованный к инвалидной коляске, он постепенно сознательно изолировал себя от советского мира, не признав его и оставшись монархистом, а позже став еще и убежденным православным христианином. В.Ф. Ходасевич так отзывался о нём: «Садовской был правдив. А быть правдивым поэту труднее, чем об этом принято думать» (Ходасевич 1996, с. 73). И свое литературное творчество он сохранил в границах поэтики золотого и серебряного века русской литературы, не принимая и никак не участвуя в современном ему литературном процессе. Б.А. Садовской в 1917 г. «дал зарок не печатать ни строчки, пока не сгинут большевики» (Ходасевич 1996, с. 462). Таким образом талантливый представитель своей эпохи оказался в забвении для советских (русских) читателей и до 1990-х годов для

исследователей. С другой стороны, прижизненное забвение его среди современников уберегло Б.А. Садовского от советской власти, которая «не размолота его в своих репрессивных жерновах» (Куликов 2006, с. 38).

Открыт Б.А. Садовской был благодаря публикациям С.В. Шумихина. Сегодня анализу творчества писателя посвящены работы Ю.А. Изумрудова (Изумрудов 2012, 2014, 2021), С.Н. Пяткина (Пяткин 2013), Г.Л. Гуменной (Гуменная 2016), Н.Н. Старыгиной (Старыгина 2008), Т.В. Анчуговой (Анчугова 2010) и др.

Роман «Шестой час» написан Б.А. Садовским в 1921 году и посвящен поиску истоков, первопринципов, приведших, как это понимал сам писатель, русский народ к общественному и мировоззренческому хаосу, который воспринимался им как апокалипсис. Роман пронизан аллюзиями к Ветхому и Новому Заветам и Откровению Иоанна Богослова. Историк и публицист С. Сергеев высказывался о «Шестом часе» так: «... та точка зрения, с которой Борис Александрович посмотрел на первую Смуту 20 века в России, в литературе до того мне известной – отсутствовала. Что же это за точка зрения? Мне представляется: точка зрения русского человека, глядящего на страшную революционную реальность сквозь призму православной историософии» (Сергеев 1997, с. 10–11).

Роман «Шестой час» небольшой по объему, состоит из трех частей, в нем достаточно много персонажей, несколько сюжетных линий, место действия – вымышленный провинциальный городок Малооконск, Москва, Урал (место гибели царской семьи), Петербург.

Библейский текст в романе представлен в названии и эпиграфе – цитате из Евангелия от Марка, цитатой из Евангелия от Луки, в именах персонажей, символах и деталях.

Библейский текст вводится в роман с первых строк – с заголовочного комплекса. Само название «Шестой час» и эпиграф («Бышу же часу шестому, тьма бысть по всей земли до часа девятого. От Марка, XV») отсылают к сцене распятия Иисуса Христа. По сказанию Евангелистов Матфея (27:45), Марка (15:33) и Луки (23:44), в шестом же часу, или около шестого часа дня, настала тьма по всей земле и продолжалась до часа девятого.

Заглавие и эпиграф как прямые цитаты Священного Писания формируют у читателя предположение авторского взгляда на исторический путь России: для Российской империи наступил период тьмы как следствие набирающих обороты беззакония, нечестия, беспечности, борьбы за власть ради самой власти и предательства. Важно в этом контексте соотнести слова Иисуса Христа об ощущении богооставленности на кресте («Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»

(Мк 15:34)) с сюжетом романа, который описывает, как герои погибают, теряя связь с православной верой, своим родом и родиной-монархией, с одной стороны, и как они обретают смысл в жизни, если возвращаются к истокам и верят в присутствие Бога.

Эпиграф о тьме во время распятия Иисуса Христа и финал романа с образом Распятого на лазурном кресте («А с лазурного креста в небесах склоняется к ним в терновом венце Распятый» (Садовской)) образуют своеобразную кольцевую композицию. Свет разрывает тьму. За смертью Христа на кресте последует его Воскресение. Б.А. Садовской дает понять, что России необходимы крестные муки, она должна пережить период тьмы и потрясений, чтобы обрести свет новой веры. Роман посвящен именно самому страшному времени: переживанию искушений, грехопадению и проверке на готовность к искупительной жертве.

Заглавие и эпиграф рассчитаны на определенный тип читателя: религиозного и монархически настроенного. Связь монархия–религия очень важна для Б.А. Садовского. Она вступает в оппозицию с другой связью – революция–атеизм – и вокруг этих антонимичных пар строится идеологическая концепция произведения как противостояние двух миров: консерваторов/революционеров, добра/зла, старого/нового, воскрешения/смерти.

Борьба между монархистами и большевиками является воплощением столкновения противоположных типов мировосприятия: материалистического и религиозного. Такое же четкое разделение наблюдается и в структуре произведения: три части романа – этапы жизни персонажей в три периода исторического развития России: предреволюционные (1904, 1911) и послереволюционные годы (1918).

Каждая из частей романа описывает либо грехопадение, либо сопротивление греху. В контексте содержания первой части романа «Спрут», в которой события разворачиваются в атмосфере предреволюционных настроений 1905 года, символично «окутывание», словно щупальцами, персонажей, настроенных монархически (членов семьи губернатора Ахматова, начальника гарнизона генерала фон Клодта, губернского предводителя дворянской опеки Зарницына). Их мир, в котором было много света, легкости, музыки, честные дружеские отношения, хорошие книги, уютный дом, постепенно рушится. Губернатора Ахматова прельщают портфелем товарища министра и, когда он отказывается, убивают при выходе из собора после богослужения. Анну Петровну Зарницыну соблазняют деньгами, что позже обернется духовным рабством для ее детей. Первая часть заканчивается описанием ощущений Георгия Ахматова: «жизнь его превратилась в сплошную серую

мглу», «судорога стиснула горло», «смотрел <...> мертвыми глазами» (Садовской).

Вторая часть «Удав» описывает жизнь героев до 1911 года, передавая упоение предвоенной «вседозволенностью». Здесь встречаются персонажи декадентствующие и развращенные (Анастасия Сандвич, Жорж Розенталь, Вадим Зарницын и др.), действуют персонажи, занимающиеся политической агитацией и политической провокацией (Соломон Исакер, Зеленецкий и др.), присутствует и описание мистических практик (введение в гипноз, похороны живого человека). «Удав» отсылает читателя к библейскому сюжету о соблазнении Евы змеем вкушать плод от древа познания добра и зла, после чего произошло изменение человеческой природы, в ней стала проявляться греховность. Глава насыщена описаниями греховных страстей: блуд (просмотр Сандвич пикантных фотографий; готовность Лины Розенталь «на все», лишь бы Георгий Ахматов не выдвигал обвинений против ее брата), сребролюбие (дача взятки, игромания молодого фабриканта Кадыкова и Вадима Зарницына), чревоугодие (ротмистр Белинский признается: «с утра закушу, сперва колбаской, а потом Телом Христовым. И ничего»), тщеславие (стремление Кадыкова добиться признания и почестей у Розенталей, и его же донос в жандармерию на них) и т.д.

Единственный герой, сумевший противостоять искушениям, – Георгий Ахматов: «не пьет, не курит, в карты не играет», соблюдает «долг присяги», не берет взяток, отказывается от замужней Лины. В его кабинете «лампадка перед родовыми иконами, портреты царской семьи, родителей предков» (Садовской). Но и он все-таки не смог противостоять гипнозу Соломона и был погребен заживо.

Часть третья погружает в события 1918 года. Ее название «Дракон» – одно из имен сатаны в христианской культуре (Отк. 23). Именно в этой главе, одолеваемые греховными страстями, персонажи романа преступают христианские заповеди. Дракон-революция уничтожает практически всех персонажей романа или физически, или духовно. В третьей части происходит разоблачение одних и раскаяние других.

Библейский текст присутствует в тексте романа и в виде цитаты из Нового завета. В части первой «Спрут» указано, что Георгий Ахматов каждый вечер перед сном читал Евангелие. И далее приведен отрывок из главы 21 от Луки: «И так бодрствуйте на всякое время и молитесь да сподобитесь избежать всех будущих бедствий и предстать пред Сына Человеческого» (Лк 21:36). Это фрагмент из поучения Иисуса Христа в иерусалимском храме, когда он отвечает на вопрос, как определить, что придут последние времена. Характерно, что из всего поучения Б.А. Садовской

выбирает только последнюю фразу, предупреждающую о духовном бодрствовании, о том, что каждый человек должен быть внимательным к своему образу жизни, не быть беззаботным, беспечным, не предаваться безмерно удовольствиям, пребывать в молитвенном состоянии, чтобы спастись и оказаться в числе избранных, стоящих перед Богом, освобожденных от Его суда.

В подтверждении того, что прельщение возможно в любой момент и в любом образе, следует сцена объяснения Розы Исакер в любви Георгию Ахматову, звучит предложение бежать в Америку и предупреждение о смертельной опасности, если он не последует за ней. Роза безумна в своем влечении к Ахматову. Но он остается верен себе. Важен их диалог в конце сцены: «Ахматов, вы верите в Бога? – Конечно! – А я не верю. – Как же вы живете? – Я верю в чистый разум и в цианистый калий. Недаром я выросла в аптеке» (Садовской). Здесь противопоставление религиозного и материалистического сознания, веры и разума, вечной жизни и смерти, здесь же предсказание судьбы героев: Георгий Ахматов, став иеромонахом Глебом, в финале романа спасенный от расстрела Розой, отправляется странствовать по России, чтобы найти царя и с ним вернуться, а Роза принимает яд («белую пилюлю»). Автор романа утверждает, что без веры в Бога жизнь теряет смысл, она не может быть сконцентрирована только вокруг удовлетворения желаний, потребностей, страстей. Как писал блж. Феофилакт Болгарский к стиху 21 Евангелия от Луки, «ибо христианину должно не только избегать зол, но и стараться получить славу».

Важно, что впоследствии, когда иеромонаху Глебу удастся вернуть Лину к христианской православной вере, он «счастливый, как жених» (Садовской). Введение образа жениха имеет символическое значение. Жених – одно из образных имён Господа Иисуса Христа как Главы Церкви. Свт. Иннокентий Херсонский пишет: «Между многими знаменательными названиями, которые присваиваются Христу в слове Божиим, Он носит имя и нашего Жениха, потому что душа наша обречена Ему, как невеста жениху, на всегдашнее и совершенное соединение с Ним верой, любовью и блаженством». В Откровении Иоанна Богослова также дано описание Христа, восседающего на белом коне и готовящегося к брачному пиру: «(Откр. 19:7) пойди, я покажу тебе жену, невесту Агнца». Таким образом, Лина перед смертью возвращается в Русскую православную церковь, обручается с Женихом, обретает блаженство.

Б.А. Садовской намеренно подводит читателя к проведению параллели между Георгием Ахматовым (иеромонахом Глебом) и Иисусом Христом. Георгий откладывает мирские дела в угоду молитве (Мк. 1:44 «Но Он уходил в пустынные места и молился» – «... но Георгий захотел сперва отсто-

ять молебен»); как и Христос, Георгий был «искушаем диаволом» (Мк. 1:12): сначала ему предлагают деньги, затем пытается соблазнить Лина; во время допроса Соломоном Георгий ведёт себя кротко, спокойно, отвечает на вопросы без лукавства, как и поучал Христос: «(Лк. 12:11) не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите, ибо не вы будете говорить, но Дух Святый». Ахматов – единственный из всех персонажей, кто продолжает носить крест, что перекликается с «крестной ношей» Иисуса и эпитафией к части третьей романа («Христос уставший крест несет. Блок»).

В этом же ряду история со своеобразным воскрешением и «вторым пришествием» Георгия в качестве уже иеромонаха Глеба (имя Глеб – вариант древнескандинавского двухосновного имени *Guðleifr*, т.е. «бог» и «наследник»). Идеализация образа Ахматова демонстрируется и его внешним обликом гимназиста: «прямой под ранцем ... чернокудрый, в синем мундире (цвет неба, чистоты, Богородицы)», и его характеристикой офицера как «рыцаря без страха и упрека» (Садовской). Сама лексема «рыцарь» создаёт ассоциативную группу: воин, защитник, конь, оружие. В сочетании с именем персонажа у читателя подсознательно формируется связь Георгия с образом Георгия Победоносца. Затем этот образ укрепляется за счёт сопоставления фактов из сказаний о мученике Георгии и жизненного пути Ахматова. Оба они из состоятельных семей, оба образованны и имеют отношение к военной службе, оба распоряжаются своим богатством в благих целях, оба страдают за веру, оба побеждают змия-дракона, оба обращают в христианство женщину.

Важно, что в романе есть еще один Георгий, но называемый на западный манер – Жорж. В самом начале Б.А. Садовской задает оппозицию Георгия Ахматова и Жоржа Розенталя по происхождению, по истории рода, по внешнему виду: «Георгий Ахматов и Жорж Розенталь сидели в гимназии семь лет на одной скамье. У Георгия отец губернатор, у Жоржа аптекарь. Предки Ахматова из Золотой Орды, у Розенталя из западного края. Розенталь, сторбившись, нес ранец под мышкой и торопился домой <...> Ахматов, прямой под ранцем, медленно <...> подходил к белому губернаторскому дворцу» (Садовской). С другой стороны, оппозиция разрушается введением мотива ложного (неузнанного) героя. В темноте Лина как будто видит Ахматова, называет его Жоржем, и персонаж становится Розенталем. В другой сцене Ахматов говорит Лине: «Акилина Павловна, у вас другой Жорж, его вы и зовите этим именем» (Садовской), тем самым пытаясь разрушить подмену, в том числе обусловленную синонимичностью имен Георгий и Жорж. Лина достается Жоржу обманом, а к Ахматову уходит по доброй воле как духовнику

и Жениху. Жорж заканчивает медицинский факультет и изобретает пилюли для «Нео-Мальтус», или нет больше аборт», тогда как Георгий спасает души для вечной жизни. Постепенно в образе Жоржа Розенталя нарастают демонические черты: читает богохульные лекции, участвует в расхищении могил, поощряет пороки Вадима Зарницына и Кадыкова, даёт деньги пьющему Зеленецкому (причём сначала фальшивые). Духовное изменение Жоржа происходит после того, как он ночь провел в беседах с иеромонахом Глебом в монастыре. Он отпускает Ахматова и Брагина, возвращается к Соломону, чтобы сообщить, что «ставка проиграна» и уходит из жизни во сне. Жоржа можно отнести к типу раскаявшегося разбойника, который был рядом с Христом во время распятия на кресте. Порочность его не захватила полностью, раз он слышит Слово Божие, и таким персонажам писатель дает право на спасение.

К типу раскаявшегося разбойника принадлежит и Брагин. Необразованный, оскверняющий могилы, цареубийца и, вероятно, соучастник убийства своего отца, он после ночи в церкви у благоухающих мощей основателя монастыря – старца Бориса (в миру Георгия) и видения его живым становится набожным учеником иеромонаха Глеба и призывает всех: «Каяться надо, грех замаливать» (Садовской). Б.А. Садовской намеренно демонстрирует отталкивающее поведение персонажа для того, чтобы ярче обозначить перемены, случившиеся после явления «благоухающего старца» («Третью неделю не пью. А теперича старцу Борису зарок дал ... Опять же у причастия не бываю»).

В этом контексте уместно будет провести параллель с сюжетом об одном из учеников Иисуса Христа, Фоме Неверующем, который отрицал воскресение Христа, пока не увидел его собственными глазами. Брагин, желавший продать обручальное кольцо царя, затем говорит, что «отдаст его наследнику». Примечательно, что круглая форма кольца традиционно считается символом бесконечности, т.е. Брагин хочет передать этот знак для вечного продолжения монархической власти.

Цитата из Евангелия от Луки таким образом дает надежду на спасение заблудшим, преданным, плененным грехом, если они найдут в себе силы молиться и перейти в состояние бодрствования.

Система персонажей романа благодаря библейскому контексту укладывается в тричную структуру: персонажи – представители монархических взглядов, религиозных убеждений, верящие в Царствие небесное (Георгий Ахматов, Николай Аркадьевич Ахматов, семья фон Клодт, Анна Петровна Зарницына, кучер Василий Брагин, старец Серафим и монахи Борисоглебского монастыря) – персонажи, привязанные к земной жизни, совершающие грех, но верящие в силу искупления (Лина Розенталь (Зарницына), Роза

Исакер, Брагин (сын кучера)) – персонажи, всеми своими поступками готовящие себя к аду (геенне огненной) (Соломон Исакер, Жорж Розенталь, Вадим Зарницын, Анастасия Сандвич и др.).

Роман «Шестой час» от эпиграфа («Бышу же часу шестому, тьма бысть по всей земли до часа девятого. От Марка, XV») до последней фразы («под свинцовой гладью Мойки») погружает читателя с нарастающей в геометрической прогрессии скоростью в густую и мрачную атмосферу общественного и личного хаоса, похожего на приближение апокалипсиса, последних времен. Кульминацией этой фантазмагорической картины становится видение в небе, открывшееся Вадиму Зарницыну перед смертью: царская семья, изуродованная, но счастливая, и на лазурном кресте в терновом венце Распятый Иисус Христос.

Полученные результаты и выводы

Библейский текст заголовочного комплекса, прямая цитата из Нового завета и система персонажей определяют в романе мотивы искупительной жертвы, крестной ноши, грехопадения, сквозные образы Христа и креста.

Образ России рассматривается сквозь призму библейской истории распятия Христа, тьмы, которая окутала землю, страшного ощущения богооставленности и одновременно невероятной веры в необходимость и целесообразность жертвы. Россия изображается как своеобразное лобное место, Армагеддон, где идет битва добра и зла.

Источники фактического материала

Садовской Б.А. Шестой час. URL: http://az.lib.ru/s/sadowskoj_b_a/text_1921_shestoy_chas.shtml (дата обращения: 03.12.2024).

Библиографический список

Анчугова Т.В. Из серебряного века – в «обитель смерти» // Морозные узоры: стихотворения и письма / Б.А. Садовской. Москва, 2010. С. 474–501.

Бондарева М.Ю. Поэтика заголовочного комплекса в романе «Шестой час» Б.А. Садовского // Результаты научных исследований в современных условиях: сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса / под ред. Р.Д. Иванова. Санкт-Петербург: ЕНМЦ «Мультидисциплинарные исследования», 2020. С. 29–33.

Бердяев Н.А. О русских классиках / вступ. ст. К.Г. Исупов; сост. и авт. коммент. А.С. Гришин. Москва: Высш. шк., 1993. 366 с.

Бухаркин П.Е. Православная церковь и русская литература в XVIII–XIX веках: Проблемы культур. Диалога. С.-Петерб. гос. ун-т. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 168 с.

Гуменная Г.Л. Пушкинское присутствие в сборнике Б.А. Садовского «Позднее утро» // Парадигма: философско-культурологический альманах, 2016. С. 71–82.

Дунаев М.М. Православие и русская литература: [в 6-ти ч.]. Моск. духов. акад. Изд. 2-е, испр., доп. Москва: Христиан. лит., 2001–2004.

Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр = The gospel text in Russian literature of 18-20 centuries : quotation, reminiscence, motif, plot, genre, Петрозаводск, 1994. Вып. 8, 2013. 458 с.

Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозавод. гос. ун-т. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. 287 с.

Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности: [монография]; М-во образования Рос. Федерации, Гос. акад. славян. культуры, Центр литературовед. исслед. Москва: Круг, 2004 (ППП Тип. Наука). 559 с.

Жених // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/zhenuh> (дата обращения: 2.12.2024).

Золотухина О.Ю. Христианство и русская литература» – основные научные подходы к проблеме. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianstvo-i-russkaya-literatura-osnovnye-nauchnye-podhody-k-probleme> (дата обращения: 03.12.2024).

Изумрудов Ю.А. Апокалипсис Б. Садовского // Филология. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4 (1). С. 393–397.

Изумрудов Ю.А. О литературной мистификации Б. Садовского «Солдатская сказка» // Русская литературы XX–XXI вв. как единый процесс (Проблемы теории и методологии изучения). Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. С. 113–116.

Изумрудов Ю.А. «Полеты в запредельное»: неизвестная повесть Бориса Садовского «Черный перстень» // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2021. № 4 (12). С. 137–160.

Ильин И.А. О тьме и просветлении: Кн. художеств. критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. Мюнхен, 1959. 196 с.

Котельников В.А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. Москва: Прогресс-пеледа, 2002. 382 с.

Котельников В.А. Православие в творчестве русских писателей XIX века // Христианское чтение. 1994. № 9. С. 7–42.

Куликов Ю. Чтоб плод сотворить...: [О писателе «серебряного века» Борисе Садовском (1881–1952)] // Культурно-просветительная работа. Встреча. 2006. № 5. С. 38–45.

Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 томах. Т. 3: Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки. Таллин, 1993. 494 с.

Любомудров А.М. Церковность как критерий культуры // Христианство и русская литература. Сб. 4. Санкт-Петербург: Наука, 2002. С. 87–109.

Мочульский К.В. Великие русские писатели XIX в. / предисл. Луиджи Магаротто. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 158 с.

О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья: Сборник / АН СССР, Науч. совет по пробл. рус. культуры; сост. М.А. Маслин; вступ. ст. М.А. Маслина, А.Л. Андреева. Москва: Наука, 1990. 528 с.

Панченко А.М. Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема // Новый журнал. 1991. № 1. С. 11–25.

Пяткин С.Н. Роман Б.А. Садовского «Пшеница и плевелы» как мифологическая биография Лермонтова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2013. № 2 (117). С. 18–29.

Сергеев С.М. К первой публикации романа // Волшебная гора. 1997. № 6. С. 10–11.

Старыгина Н.Н. Христианская символика в романе Б.А. Садовского «Шестой час» // Христианское просвещение и русская культура: Доклады и сообщения XI научно-богословской конференции (26-27 мая 2008 г.). Йошкар-Ола, 2008. С. 160–168.

Ходасевич В.Ф. Некрополь: Воспоминания; Литература и власть; Письма Б.А. Садовскому / предисл. и коммент. Н. Богомолова; примеч. к письмам и заключ. ст. И. Андреевой. Москва: СС, 1996. 461 с.

Христианство и новая русская литература XVIII–XX веков: Библиогр. указ., 1800–2000 / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); сост. А.П. Дмитриев, Л.В. Дмитриева; под ред. В.А. Котельникова. Санкт-Петербург: Наука, 2002. 891 с.

References

Anchugova, T.V. (2010), From the Silver Age to the "abode of death", *Frosty patterns: poems and letters*, pp. 474–501, Moscow, Russia.

Bondareva, M.Y. (2020), The poetics of the title complex in the novel "The Sixth Hour" by B.A. Sadovsky, *The results of scientific research in modern conditions: collection of articles of the International Scientific Research Competition*, R.D. Ivanov ed., pp. 29–33, St. Petersburg, ENMC "Multidisciplinary Research".

Berdyaev, N.A. (1993), *On Russian classics*, Author. introductory article by K.G. Isupov, Comp. and author's comment by A.S. Grishin, Higher School, Moscow, Russia.

Bukharkin, P.E. (1996), *The Orthodox Church and Russian Literature in the XVIII-XIX centuries: Problems of cultural dialogue*, Publishing House of St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia.

- Gumennaya, G.L. (2016), Pushkin's presence in B.A. Sadovsky's collection "Late Morning", *Paradigm: philosophical and cultural almanac*, pp. 71–82.
- Dunaev, M.M. (2001–2004), *Orthodoxy and Russian literature: in 6 hours*, Moscow spirits. Academic, Ed. 2nd, ispr., add. Christian lit., Moscow, Russia.
- The gospel text in Russian literature of 18-20 centuries: quotation, reminiscence, motif, plot, genre* (1994), Issue 8, Petrozavodsk, Russia.
- Esaulov, I.A. (1995), *The category of conciliarity in Russian literature*, Petrozavodsk University Publishing House, Petrozavodsk, Russia.
- Esaulov, I.A. (2004), *Paschality of Russian literature: monograph*, Ministry of Education of the Russian Federation, State Academy the Slavs. culture, Literary Criticism Center. Research, Krug Publ., Moscow, Russia.
- Groom (2005), *The Orthodox encyclopedia "ABC of Faith"*, [Online], available at: <https://azbyka.ru/zhenih> (Accessed 2 Dec 2024).
- Zolotukhina, O.Y. (2008), *Christianity and Russian literature" – the main scientific approaches to the problem*, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianstvo-i-russkaya-literatura-osnovnye-nauchnye-podhody-k-probleme> (Accessed 3 Dec 2024).
- Izumrudov, Yu.A. (2012), Apocalypse B.Sadovsky, *Philology. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, no. 4 (1), pp. 393–397.
- Izumrudov, Yu.A. (2014), On the literary hoax of B.Sadovsky's "Soldier's Tale", *Russian literature of the XX-XXI centuries. as a single process (Problems of theory and methodology of study)*, pp. 113–116, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Izumrudov, Yu.A. (2021), "Flights into the Beyond": Boris Sadovsky's unknown novel "The Black Ring", *Palimpsest. Literary journal*, no. 4 (12), pp. 137–160.
- Ilyin I.A. (1959), *On Darkness and enlightenment: A Book of Arts. Critics: Bunin, Remizov, Shmelev*, Munich, Germany.
- Kotelnikov, V.A. (2002), *Orthodox Ascetics and Russian Literature. On the way to Optina*, Progress-Pleiada, Moscow, Russia.
- Kotelnikov, V.A. (1994), Orthodoxy in the works of Russian writers of the 19th century, *Christian reading*, no. 9, pp. 7–42.
- Kulikov, Yu. (2006), To create fruit ...: About the writer of the "silver Age" Boris Sadovsky (1881–1952), *Cultural and educational work. Meeting*, no. 5, pp. 38–45.
- Lotman, Yu.M. (1993), *Selected articles: in 3 vol., Vol. 3, Articles on the history of Russian literature. Theory and semiotics of other arts. Mechanisms of culture. Small notes*, Tallinn.
- Lyubomudrov, A.M. (2002), Churchworthiness as a criterion of culture, *Christianity and Russian Literature*, Sat. 4, pp. 87–109, Nauka Publ., St. Petersburg, Russia.
- Mochulsky, K.V. (2001), *Great Russian writers of the 19th century*, Aletaya, St. Petersburg, Russia.
- Russian Philosophical culture: Philosophers of the Russian Post-October Abroad (1990), *Collection, USSR Academy of Sciences, Scientific Journal. council on probation of Russian culture*, pp. 5–42, Nauka, Moscow, USSR.
- Panchenko, A.M. (1991), The Russian Poet, or Worldly Sanctity as a religious and cultural problem, *New Journal*, no. 1, pp. 11–25.
- Pyatkin, S.N. (2013), Sadovsky's novel "Wheat and Tares" as a mythological biography of Lermontov, *Proceedings of the Ural Federal University. Series 2, Humanities*, no. 2 (117), pp. 18–29.
- Sergeev, S.M. (1997), Towards the first publication of the novel, *Magic Mountain*, no. 6, pp. 10–11.
- Starygina, N.N. (2008), Christian symbolism in B.A. Sadovsky's novel "The Sixth Hour", *Christian Enlightenment and Russian culture: Reports and communications of the XI Scientific and Theological Conference (May 26-27, 2008)*, Yoshkar-Ola, pp. 160–168.
- Khodasevich, V.F. (1996), *Necropolis: Memoirs; Literature and Power; Letters to B. A. Sadovsky*, SS, Moscow, Russia.
- Christianity and New Russian Literature of the XVIII–XX centuries: Bibliographic Decree, 1800–2000* (2002), Nauka, St. Petersburg, Russia.

Submitted: 12.12.2024

Revised: 05.02.2025

Accepted: 03.03.2025

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-63-70

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1.06-1

Дата поступления: 10.01.2025

рецензирования: 02.02.2025

принятия: 03.03.2025

К.Э. Разухина

Московский государственный университет

имени М. В. Ломоносова,

г. Москва, Российская Федерация

E-mail: karina.razuhina1301@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3512-6538>

Становление женской идентичности в стихотворной практике М. Шкапской (на материале сборника «Mater Dolorosa»)

Аннотация: данная статья посвящена прояснению поэтики стихотворений М.М. Шкапской в сборнике «Mater Dolorosa» с точки зрения формирования в них гендерно маркированной идентичности. Одной из задач, которую поставил себе автор данной статьи, является рассмотрение творчества Шкапской в связи с эстетическим дискурсом эпохи Серебряного века. Для этого в статье описываются характерные для переходного периода идеи и конструкты женской идентичности, которые обсуждаются такими авторами, как М.Л. Моравская и М. Шагинян. Под второй задачей данной статьи следует понимать рассмотрение индивидуального лирического субъекта в сборнике «Mater Dolorosa» Шкапской в соотношении со становящимися образами женского авторства, среди которых фигурируют: «дева-воительница», «андрогин», «Амазонка», представление о «вечной женственности». Несмотря на то, что в поэтике ее произведений появляются образы, связанные с табуированными темами и «гинекологической» образностью, идентичность поэтессы восходит к консервативному представлению о роли женщины в миропорядке. Экспериментальность ее поэтики, таким образом, проявляется на формальном и содержательном уровнях стихотворений, тогда как мировоззренческая модель мать-жена остается традиционной и не подвергается рефлексии.

Ключевые слова: лирический субъект; гендерная идентичность; Серебряный век; М. Шкапская.

Цитирование: Разухина К.Э. Становление женской идентичности в стихотворной практике М. Шкапской (на материале сборника «Mater Dolorosa») // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 63–70. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-63-70>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Разухина К.Э., 2025

Карина Эдуардовна Разухина – аспирант кафедры общей теории словесности (дискурса и коммуникации) Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

K.E. Razukhina

Moscow State University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: karina.razuhina1301@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3512-6538>

Formation of female identity in M. Shkapskaya's poetic practice (based on the collection "Mater Dolorosa")

Abstract: this article is devoted to rethinking the poetics of the poems of M. Shkapskaya in the compilation "Mater Dolorosa" from the point of view of the formation of a gender-marked identity in it. One of the tasks set by the author of this article is to consider the work of Shkapskaya in connection with the aesthetics of the Silver Age era. For this purpose, the article describes the ideas and constructs of female identity characteristic of the transitional period. Such authors as M. Moravskaya, M. Shaginyan discussed these ideas. The second task of this article should be understood as the consideration of an individual lyrical subject in Shkapskaya's poetry in relation to the emerging images of female authorship, among which appear: "the Warrior Maiden", "androgynous", "Amazon", the idea of "eternal femininity". Despite the fact that images associated with taboo themes and the "gynecological" figurativeness appear in the poetics of her works, the identity of the poetess goes back to the conservative idea of the role of women in the world order. An experiment with form and content appears in her poetry, and the traditional mother-wife model itself is not yet subject to reflection.

Key words: lyrical subject; gender identity; Silver Age; M. Shkapskaya.

Citation: Razukhina, K. (2025), Formation of female identity in M. Shkapskaya's poetic practice (based on the collection "Mater Dolorosa"), *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 63–70, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-63-70>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Razukhina K.E., 2025

Karina E. Razukhina – Postgraduate student of the Department of General Theory of Literature (Discourse and Communication), Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Введение

Долгое время творчество М.М. Шкапской не попадало в поле зрения исследователей. Тем не менее в последние годы научный интерес по отношению к наследию поэтессы резко возрос: анализируется в основном эпистолярная линия ее творчества, сопровождаемая публикацией архивных данных (статьи Н.Ю. Грякаловой, А.Г. Грачевой и др.); выявляются некоторые особенности ее поэтики (статьи Я.Д. Чечнева, О.Н. Литвиновой, а также Н.Ю. Грякаловой). Однако до настоящего момента целостного представления о творчестве Шкапской так и не сложилось, а биография поэтессы не была реконструирована. В связи с чем имя Шкапской все еще находится на «периферии», в основном упоминается комплементарно с другими авторами (например, Е. Гуро, Б. Пильняком, И. Эренбургом и др.).

В данной статье предпринимается попытка переосмысления идентичности лирической героини в первом сборнике стихотворений Шкапской – «Mater Dolorosa», что, с одной стороны, продолжает вектор рассмотрения особенностей ее поэтики, а с другой – направлено на определение места и роли ее авторской стратегии письма в русской литературе конца XIX – начала XX вв. Под принципиальной новизной данного исследования следует понимать гендерный подход, с помощью которого изучаются способы конструирования авторской идентичности в сборнике Шкапской в соотношении с «вечными» образами, укрепившимися в континууме Серебряного века (Грякалова 2004, с. 15). К. Эконен отмечает, что творчество многих авторов-женщин (З. Гиппиус, Л. Вилькиной, П. Соловьевой и др.) изучалось историей литературы в рамках «символистского самопонимания» (Эконен 2014, с. 7) – отсюда выходили характерные роли музы, супруги и любовницы (Эконен 2014, с. 9), которые обуславливали способы говорения об их творчестве. В связи с чем перед нами возникает исследовательский вопрос: как при наличии в культурном контексте Серебряного века ведущего эстетического дискурса Шкапская проявляла себя в качестве субъекта литературного творчества?

Ход исследования

Одним из первых ученых, акцентировавших внимание на своеобразии поэзии Шкапской, был

М.Л. Гаспаров, отнесший творческую тему в ее стихотворениях к подлинно «женской поэзии»: «Есть выражение, не притязающее на научность, – “женская поэзия”. Каждый прилагает его по вкусу к тем стихам, которые ему нравятся – или, наоборот, не нравятся. Я не умею пользоваться такими терминами, но, если бы меня спросили, я бы смог назвать только одно имя, к которому подходят эти слова. И боюсь, что большинство женщин, читательниц и писательниц, с этим не согласятся. Это имя – Мария Шкапская» (Гаспаров 2012, с. 661). Проблематика этой атрибуции ясно высвечена уже самим исследователем и касается, прежде всего, маргинальности особого корпуса тем и мотивов, поднимаемых в творчестве поэтессы XX в.: «...отчетливо выраженная поэтессой тема крови, с которой так или иначе связаны мотивы дефлорации, родов, аборт; образы матерей, любовниц, жен, считалась непозитичной» (Чечнев 2022, с. 141). Между тем, окружая это понятие предполагаемой читательской и социальной оценкой, исследователь затрагивает еще один проблемный уровень: гендерная идентичность и ее отражение в творчестве. Однако кажется, что под словосочетанием «женская поэзия», употребленным в отношении Шкапской, М. Гаспаров подразумевает не столько стихи, написанные женщиной о женщине, сколько особое конструирование субъектности в ее стихотворениях.

Впервые мы встречаем ее имя на страницах антологии «Русская поэзия XX века», изданной в 1925 г. Эта дата стала своеобразным рубежом для творческого становления поэтессы. В своей «Второй автобиографии» Шкапская пишет, что отказывается от стихосложения из-за того, что ей не удастся отыскать подходящую форму, которая соответствовала бы новому содержанию, «созревающему» в самой поэтессе (Шкапская 2000, с. 179). Впрочем, существуют и другие гипотезы, как правило базирующиеся не на текстах, оставленных Шкапской как автором, а скорее на биографических событиях, которые могли психологически повлиять на ее отношение к письму. Н.Ю. Грякалова считает, что к «переоценке ценностей» ее побудило самоубийство близкого человека, И.М. Басса (в качестве предполагаемого доказательства исследовательница приводит записку, оставленную Шкапской А. Белому) (Грякалова

2004, с. 45). Эта записка пронизана несколькими мотивами: один из них можно обозначить как мотив «нехватки воздуха» в связи с утратой любви; в третьем же абзаце отчетливо прослеживается мотив «поиска», тесно сопряженный с ощущением «плоти жизни» (Грякалова 2004, с. 45). Можно предположить, что импульсом перехода к новой форме послужил кризис авторской идентичности, который спровоцировал дальнейшие поиски писательских стратегий: «... перейдя к жанру путевого журналистского очерка, Шкапская настолько радикально меняет свою творческую идентификацию, что избирает для внешнего самовыражения, в то же время внутренне дистанцируясь от такового, фигуру Автора, задающую определенную грамматическую дискурсивность, а именно парадигму мужского рода» (Грякалова 2004, с. 48). Потерю поэтического языка и дальнейшее молчание, на наш взгляд, стоит соотносить с ее писательской саморефлексией, опорные точки которой можно отыскать в эго-документальных записях.

Шкапская дебютирует в 1921 г., когда «женская поэзия» переживает взлет и начинает занимать неотъемлемое место в литературном процессе XX в. С одной стороны, ее стихотворения являются частью этого феномена, направленного на переосмысление авторской позиции женщины-литератора, с другой – сильно выбиваются из общего течения за счет «гинекологической» и подчас откровенной поэтики. Исследователи не раз обращали внимание, что в поэзии А. Ахматовой и З. Гиппиус, наблюдается переприсвоение гендерно-социальных ролей (Грякалова 2004, с. 46), что является частью общего модернистского проекта с пересмотром метафизики пола. Уже в комментариях М. Гаспарова, которые встраиваются в общий дискурс говорения о женском творчестве, откровенность (сознательное изображение беременности, родов) приравнивается к чему-то непозитичному, к тому, что не принято репрезентировать в поэзии. То женское и интимное, появляющееся в стихотворениях у А. Ахматовой, в понимании пишущих внутри Серебряного века, доводилось Шкапской до гиперболы: внутри ее поэзии, сокрытые от мужского взгляда (и предполагаемого читателя) образы оказывались откровенно «высвеченными» и эпатирующими.

С началом XX века в России появляется все больше женских организаций («Лига равноправия женщин», «Женская прогрессивная партия»), служащих комфортной платформой для дискуссий, развертываемых вокруг «женщины переходного периода». Образуется множество издательств, таких как «Женский вестник», «Женский мир», «Женское богатство» и др. На страницах журнала «Современная женщина» печатается и рецензируется множество статей, «...авторы которых спорили о том, какими путями следует идти женщине

XX в. к независимости» (Кушлина, Никольская 2000, с. 5). Поэтесса М.Л. Моравская выступает на одном собрании с неоднозначным, но свойственным веку замечанием: «Пусть женщина выскажет все свое интимное [...] – Это важно для женщины, это несет ей освобождение. Через свои исповедальные стихи женщина перейдет от женщины к человеку» (Кушлина, Никольская 2000, с. 6). В момент «безвременья» (выражение М. Шагинян), вмещающего в себя понимание всех процессов как совокупности неопределенности, женская идентичность понимается как состояние кризисное, уже не связанное с патриархальными ценностями, но и не нашедшее свою специфику. Поэтому призыв Моравской двигаться в сторону человека «вообще» – ничто иное, как зарождение нового взгляда на личностный мир женщины, не объективируемый мужским взглядом. В связи с этим высказывание предельно интимного в творчестве писательниц соизмеримо с искренностью, которая позволяет освободить лирическую речь от господствующего логоса и запустить процесс перерождения творческого сознания.

Под искренностью в данной статье понимается такая личностная установка авторов-женщин, которая позволяет им «осмелиться» выстраивать свою идентичность через выражение образов интимного, нередко сопряженных с телесностью, но не входящих в кругозор мужского взгляда. В данном случае «откровенное» и предельно внутреннее соотносится с механизмом поиска собственного женского (или, например, андрогинного) авторского «я», встающего в оппозицию к пониманию категории «откровенности» как чего-то «неприличного» и «непоэтичного»: «Шкапскую подчас упрекали в желании шокировать читателя, в дерзком обращении к темам, которые в глазах пуритански настроенного обывателя прочно находились в зоне табу» (Гачева 2018, с. 264).

Впрочем, поиском женской идентичности занимались не только сами поэтессы, но и авторы-мужчины: в поэтических текстах начинают фигурировать образы «Софии» или «Вечной женственности» (Вл. Соловьев), «Прекрасной дамы» (А. Блок), которые, с одной стороны, сводят женщину к некоторой трансцендентальной идее, а с другой – полностью редуцируют ее до объекта (Эконен 2014, с. 5), некоторой скульптуры Пигмалиона, обретающей жизнь под взглядом Творца (архетипическими прообразами таких ролевых отношений можно считать Данте и Беатриче) (Зусева-Озкан 2021, с. 17). Иным способом репрезентации женской идентичности в литературе Серебряного века стал образ девы-воительницы, появляющийся в текстах В. Брюсова, Д. Мережковского, Н. Гумилева, А. Белого: «...не будем забывать, что традиционной маскулинной ролью патриархальной культуры является роль

воина, и претендующая на нее женщина неизбежно воспринимается как существо особой, странной, непонятной, промежуточной (андрогинной) природы» (Зусева-Озкан 2021, с. 17), что свидетельствовало о смещении и переоценке традиционной оппозиции маскулинного и фемининного.

Не случайно Н.А. Ксенофонтова начинает свой очерк о «Женской телесности, эмансипации чувств и свободе» с постановки вопроса о безумии и его осмыслении обществом в разные исторические периоды развития мысли: исследовательница выводит образ некоторого вечного «девианта», не вписывающегося в социальные и культурные нормы, порождающие границы и позволяющие свести межличностные отношения к простейшей формуле «мы» и «они» (Ксенофонтова 2011, с. 213) (под эту очевидную стигматизацию попадали и представительницы женского пола). Эпоха Серебряного века становится своеобразным пиком «гендерного беспокойства» (Ксенофонтова 2011, с. 164) авторов-женщин, а их творчество стремится избавиться от заранее предвзятой оценки со стороны маскулинной критики и стать самооценным. В связи с этим искусство воспринимается ими как одна из «форм социальной деятельности» (Ксенофонтова 2011, с. 232), проявляющейся через борьбу за равноправие в литературной среде: «Недаром творческие женщины Серебряного века для выражения своих антипатриархальных взглядов и проявления своего свободомыслия и самодостаточности выбрали в качестве литературной модели образ Амазонки» (Ксенофонтова 2011, с. 302).

Авторская субъектность женщин-литераторов, выражаемая через самоидентификацию с образом Амазонки, входит в общее представление о «деве-воительнице», построенное на архаических и мифологических истоках (представлению о «деве-воительнице» соответствуют образы девы-валькирии, Пенфесилеи, Царь-девицы и др.). По наблюдениям В.Б. Зусевой-Озкан, изображение таких героинь в корпусе модернистских текстов, написанных как авторами-женщинами, так и авторами-мужчинами, «характеризуется нарушением гендерных стереотипов» и «гендерной инверсией»: «...героиня получает ряд нормативно маскулинных качеств и совершает ряд традиционно маскулинных действий, причем, как правило, это сопровождается определенной феминизацией противостоящего ей героя» (Зусева-Озкан 2021, с. 27).

Несмотря на то, что тенденция «гендерной инверсии» получила широкое распространение в творчестве модернистских авторов, равно как и «гендерная метафорика» (Эконен 2014, с. 15), бинарное противопоставление полов (аналогично оппозиции «мы» и «они») продолжало сохраняться: К. Эконен отмечает, что как таковая категория

фемининности, которая не репрезентирует реальную женщину, но переприсваивается разными деятелями творчества, продолжает быть гендерно маркированной, в то время как в патриархальном порядке маскулинность остается «нейтральной» (Эконен 2021, с. 15). Именно в матрице этого противопоставления, авторы-женщины эпохи Серебряного века искали стратегии своей субъектности.

Женщина в стихотворениях Шкапской далека от эстетически выстроенного амплуа музы, в основе которого концепт «Вечной женственности»; не представлена и через гендерно мерцающие черты «андрогинной» девы-воительницы. Поэтесса умело переводит акценты с утонченности и возвышенности в пользу приземленности, а именно в сторону натуралистически сконструированного образа, чьим парадоксальным преимуществом становятся «недостатки». Ее поэзия наделяет эстетическим содержанием несовершенное и болящее тело женщины-матери, женщины-любовницы. Между тем вопрос о «литературности» ее стихотворений, при условии бытования в них клинических, медицинских деталей, не сводится к односложному ответу. Границы эстетического и «не эстетического» (страшного, неприятного и физиологического) требуют отдельного рассмотрения.

Сборник «Mater dolorosa» вышел осенью 1921 г. и содержал в себе двадцать два стихотворения. Т.Л. Никольская обращает внимание на то, что в стихотворениях Шкапской этого периода происходит «заземление» образов (Никольская 2002, с. 177): помимо вопроса о несостоявшемся материнстве, поэтесса оперирует хтоническими мотивами, вводящими в поэтический оборот концепт матери-земли. Часто «неизменным фоном» ее стихотворений становится «Россия, рождающая в муках» (Бахрах 1980, с. 68). В свою очередь, Б.А. Пильняк был одним из первых авторов, кто написал рецензию на сборник, и, как отмечает Н.Ю. Грякалова, перенес мифопоэтику «природно-репродуктивного начала» на образ самой Шкапской, что послужило репрезентацией идеи абсолютной женственности (Грякалова 2004, с. 44).

Табуированные темы (беременность, аборт, зачатие), вводимые Шкапской в литературный обиход, сопровождались необычной для поэзии Серебряного века формой: нарративно организованные предложения со своим внутренним ритмом (Гаспаров называл подобную запись «мнимой прозой») по визуальному соположению похожи, скорее, на дневниковые записи. Эту особенность поэтики, сочетающую в себе «дневниковость» и лирическое переживание, отмечали многие рецензенты Шкапской. Несмотря на то, что поэтесса конструировала свою идентичность в стихотворениях, прибегая к образу матери («...у Шкапской женщина и ее чрево являются вместилищем и

проводником жизни» (Гачева 2018, с. 265)), творящей ребенка, биографических предпосылок для личного переживания этой трагедии у нее не было. Само «дневниковое» начало в ее стихотворных опытах подразумевает некоторую установку на искренность в изображении лирических сюжетов, которые могли быть знакомы каждой женщине. Такая заведомо интимная форма могла служить хорошим коммуникативным подспорьем для сокращения лирической дистанции между автором и имплицитным читателем, как бы чувствующим близость взгляда лирической героини. С другой стороны, реципиент берет на себя роль «подглядывающего» за частной жизнью автора, что свидетельствует о преодолении интимности тем, которые переставали быть скрытыми, а вместе с тем и табуированными.

Между тем необходимо заметить, что на протяжении всего сборника, выстроенного фактически как монолог, Шкапская обращается к Богу как к потенциальному адресату. Его образ в стихотворениях тактильно приближен к лирической героине, является своего рода личным для каждой отдельной женщины. Такой экзистенциальный монолог, не требующий ответа от божественных сил, всячески указывает на одиночество как на неизбежную часть существования личности в мире. На уникальность этого адресата в творчестве Шкапской указывали многие исследователи. Б. Хелдт, чью цитату в собственном переводе использует в статье, посвященной рассмотрению «библейских образов», О.Н. Литвинова, писала: «Возможно, [именно] тревожная молитвенность ее поэзии, обращенная к Богу как единственному адресату мужского рода, – является отличительной чертой поэзии Марии Шкапской» (Литвинова 2021, с. 200).

В силу перечисленных особенностей сборник «Mater dolorosa» прочитывается как единое высказывание, раздробленное на строфы. Каждое последующее стихотворение продолжает тему предыдущего – тему скорбящей матери, которая задается стихотворением «Неживое мое дитя». Первая строфа по принципу кольцевого скрепления повторяет последнюю и становится как бы «ритуальным» и обрамляющим словом, в котором лирическая героиня с помощью высказывания и творческой переработки изживает свою трагедию: «Неживое мое дитя, / В колыбель мы тебя не клали, / Не ласкали ночью крестя, / Губы груди моей не знали» (Шкапская 2000, с. 37). С другой стороны, в приведенном фрагменте последовательно формируется некоторый общий миропорядок, ритуалы которого обеспечивают ребенку его физическое бытие в мире. Аналогичным образом функционирует и вторая строфа, в которой лирическая героиня описывает неизменные погребальные действия, необходимые людям для переживания

горя: их «живые слезы» противопоставляются непричастившемуся жизнью «неживому» ребенку (Шкапская 2000, с. 37). Таким образом, дополнительным горем для скорбящей матери становится сам факт того, что ее ребенок не был рожден и не стал частью физического мира, а оставил только в сердце «тихий след»: «Под сердцем тепло и несмело / Оно шевелилось и жило» (Шкапская 2000, с. 38). Подобная ориентация на необходимость пребывания в жизни с последующей тактильной возможностью земного плача метафорически коррелирует с эпиграфом сборника – цитатой из Р. Тагора: «Дорогая тетушка придет с подарками в день Пуджа и спросит: Где же наш малютка, сестра? – “Моя мама”, ты ответишь ей нежно, чуть слышно: “Он в зрачках моих глаз, в моем теле и в моей душе”» (Шкапская 2000, с. 37).

Несмотря на то, что ребенок так и не становится частью реального мира, он все равно остается непосредственной частью «другого» (своей матери), чья идентичность складывается из взаимодополняющего «со-бытия» с ним, стремления к целостности и нераздельности внешнего и внутреннего: «И быть как зверь, как дикая волчица, неутоляемой в своей тоске лесной, когда придет пора отвоплотиться и стать опять отдельной и одной» (Шкапская 2000, с. 43). В связи с этим ребенок не предстает как субъект (об этом свидетельствует местоимение «оно») – он, скорее, подобен некоторой животворящей энергии, которую тело матери содержит в себе.

В стихотворении «Так время светло протекало» наблюдается характерный параллелизм тела женщины как сосуда, наполненного зарождающейся жизнью, и земли, в чьем лоне весной назревает новая жизнь. Тело, будучи средством, доставляющим в мир нового человека, может не вынести «родной тяготы» и отторгнуть в порыве безумства плод. На этом фоне земля предстает как вечный двигатель, чей цикл порождения всего живого заведомо определен. Здесь телесный код лирической героини в значительной степени уступает плодородным свойствам почвы, являет внешнему свою хрупкость, поэтому субъект высказывания хоть и не отрицает своего параллелизма с ней, но чувствует ее заведомое первенство: «Мне травы на крик отвечали / И плакали росы со мною / И узы священной печали / Меня сочetaли с землею. / С тех пор ее зову покорна, / Все слушаю каждой весною, / Как в ней наливаются зерна / Моею печалью и – мною» (Шкапская 2000, с. 38).

Тем не менее данный образ олицетворяет идею материнства, а внешняя действительность, играющая ключевую роль для лирической героини, способна выслушать «чужой» плач и соразмерно разделить тяготы переживаемого события. Лирическая героиня сборника «Mater dolorosa» не раз противопоставляет свое пустое сердце, чей груз

«брошен в море» (Шкапская 2000, с. 39), плодотворной утробе земли. В стихотворении «Так время светло протекало» встречается параллелизм с силами природы, который служит основной вехой для партиципации. Между тем соотношение фольклорных и христианских мотивов в творчестве Шкапской представляет достаточно продуктивную линию для будущих исследований, так как ритуальность, выходящая из ритма ее поэзии, имеет место быть во многих текстах (например, подобную особенность мы встречаем в стихотворении «В землю сын ушел – и мать от земли не может встать»). Идентичность героини складывается не только из роли матери, производящей жизнь в реальный мир, но и из неразрывной связи с природой, рождающей в муках. Очень удачно этот вид «женственности» сформулировал в своей книге «Русская религиозность» Г.П. Федотов: «Земля – это русская “Вечная Женственность”, не небесный ее образ: мать, а не дева; рождающая, а не девственная» (Федоров). Таким образом, референт непорочного зачатия, вводимый заглавием сборника и отсылающий к христианской традиции изображения Девы Марии, движется в сторону фольклорного представления о предельно тактильном и физическом материнстве земли.

Апогея идея симбиоза матери и ребенка достигает в стихотворении «О, тяготы блаженной искушение...». Лирическая героиня принимает себя в мире исключительно благодаря «соблазну» называться матерью; ее личная судьба отходит на второй план, высвечивая необходимость «двойного бытия»: «Беременность-вынашивание – это особый опыт переживания бытия в его нерасчлененности, когда нет жестких границ между “я” и “другим”, опять настолько глубинного сопереживания “другому”, столь тесного их взаимопроникновения, что трудно различить, где кончается “я” и начинается “другой” (Габриэлян). Более того, наличие ребенка в «слепом чреве» (Шкапская 2000, с. 43) понимается героиней как своего рода избранничество, уготованное женщине Богом так, что в момент своей беременности она становится неприкосновенной для «меча Господня» (Шкапская 2000, с. 43). Образ волчицы, свидетельствующий о последующей отделенности матери от ребенка, обнажает потерю целостности не только души, но и тела, что в поэтике Шкапской функционирует как необходимое условие существования в мире. Без этой животворящей энергии в утробе лирическая героиня всячески теряет свою идентичность, становится «одинокой» и «заброшенной»: «И знать, что взыскано твое слепое чрево и быть ему владыкой и рабой, и твердо знать, что меч Господня гнева в ночи не встанет над тобой. И быть как зверь, как дикая волчица, неутоляемой в своей тоске лесной, когда придет пора отвоплотиться и стать опять отдельной и одной» (Шкапская 2000, с. 43).

Пиком переживания хрупкости тела в сборнике «Mater dolorosa» является стихотворение об искусственном прерывании беременности: «Да, говорят, что это нужно было... И был для хищных гарпий страшный корм, и тело медленно теряло силы, и укачал, смиряя, хлороформ» (Шкапская 2000, с. 46). С одной стороны, здесь проявляется смирение лирической героини перед необходимостью сделать аборт, с другой – фигурирующий мифологический образ гарпий-хищниц напоминает о душевной трагедии, так как ее тело не может противостоять внешнему вмешательству (его отражает запах хлороформа). Результатом этого инородного, противоестественного прерывания становится «потеря крови», противопоставляемая другому периоду, связанному со счастливым деторождением. Ситуация медицинского разрешения от бремени в данном стихотворении предстает как языческое жертвоприношение или кровопролитие, метафорически представляющее загубленную жизнь, которую героиня вынуждена принести в жертву во имя «других».

Выводы

В своей книге «Страшное совершенство. Женщины и русская литература» (Heldt 1987) (пер. Литвиновой) Б. Хелдт рассматривает четырех наиболее значимых для нее поэтесс: М. Шкапскую, С. Парнок, А. Ахматову и М. Цветаеву. Исследовательница считает, что «Шкапская писала то, что следовало бы считать поэзией Революции» (Литвинова). Действительно, женская идентичность, раскрывающаяся в ее стихотворениях, в значительной степени отличается от многих созданных Серебряным веком моделей бытования женского «я» в творчестве: она далека от «Вечной Женственности», от репрезентаций и саморепрезентаций «девы-воительницы» в литературе (В.Б. Зусева-Озкан), андрогинной концепции авторства З. Гиппиус (Лыкова 2009, с. 265). В своих немногочисленных сборниках лирическая героиня избирает для себя амплуа матери, любовницы, блудницы, мумии (все три появляются в сборнике «Час вечерний»), а также «родственницы человечества» («Кровь-руда») (Чечнев 2022, с. 149).

Однако уже на примере конструирования авторской идентичности в «Mater Dolorosa», мы можем видеть парадоксальность авторской позиции Шкапской. Ее идентичность, представленная в рамках этого сборника, выбивается из модернистского (и символистского) дискурса не за счет авангардного построения женской субъектности (о выходе за границы писала и Н.Ю. Грыкалова), а за счет возврата к традиционному, патриархальному представлению о женщине (отсюда две ведущие ролевые установки: матери и жены). В этом контексте архаически сложившаяся репрезентация женщины в культуре и литературе (вме-

сте с мотивом рождающей в муках Матери-земли) становится наиболее современной практикой манифестации своего женского «я», поскольку стремится к самоописанию и эссенциалистскому постижению сути женщины в рамках логоцентризма. Между тем мы можем говорить о некотором «переприсвоении» этого традиционного дискурса автором-женщиной, но не о субверсивности как таковой. В «Mater Dolorosa» Шкапская не производит деконструкцию, а сознательно вписывает себя в патриархальную вертикаль, где каждая роль гендерно маркирована.

Учитывая все выше сказанное, гипотеза Хелд кажется достаточно правомерной по отношению к Шкапской, поскольку ее лирическая идентичность одновременно вписывалась и не вписывалась в постреволюционную действительность: «Лучезарная «мать-героиня», крепость против угнетения и опора своего мужчины-народа, всегда сохранявшая в женской своей природе нечто загадочное, в последующей советской литературе становится, в основе своей, одним из образов мужского мира» (Литвинова 2021, с. 99). Намеченный Шкапской образ женской идентичности своеобразно предугадывает будущее изображение женщины в соцреализме (например, «Родина-мать»), а личная искренность, проходя путь означивания в поэтическом творчестве через обнажение табуированных тем, становится «всеобщей».

Перед читателем предстает протейное письмо, балансирующее между откровенным показом женской телесности и традиционно позиционируемом образом женщины-матери. Сама лирическая героиня также протейна, но всегда выступает от лица женщины, чьи страдания и горести обретают свою значительность через поэтически искреннее слово: она является матерью, скорбящей о потере ребенка; женой, чьи мечты о семейной жизни разбиваются о быт; женщиной, которая гордится тем, что может произвести на свет дитя; матерью-землей, вмещающей в свое лоно все человечество (в том числе и Россию). Внутри этой стратегии построение идентичности, равно как и сама концепция творческого «я» Шкапской, стремятся к физической трансгрессивности: стремление выйти из своего тела и стать «телом» земли; желание не только материального, но и духовного единения с «другим» (например, с ребенком). В связи с этим мы наблюдаем изменчивость субъекта как на уровне художественной образности в стихотворениях (нередко в области тела), так и в ее парадоксальной авторской позиции: варьирование патриархальных ценностей в стихотворениях через искреннюю манифестацию женского опыта оборачивается авангардным способом конструирования собственного авторства.

Источники фактического материала

Русская поэзия XX века: Антология русской лирики от символизма до наших дней / вступ. ст. Е.И. Шамурина. Москва: Новая Москва, 1925. 480 с.

Сто одна поэтесса Серебряного века: Антология / сост. и биограф. М.Л. Гаспаров. Санкт-Петербург: ДЕАН, 2000. 238 с.

Шкапская М. Час вечерний. Стихи / сост. и вст. статья М. Синельникова. Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 2000. 192 с.

Библиографический список

Бахрах А. По памяти, по записям: Литературные портреты. Париж: La presse libre, 1980. 206 с.

Габриэлян Н.М. Телесные коды в творчестве Марии Шкапской. URL: https://a-z.ru/women_cd1/html/gabriel.htm (дата обращения: 18.11.2021).

Гаспаров М.Л. Мария Шкапская – Забытая поэтесса // Избранные труды. Москва: Языки славянской культуры, 2012. Том IV: Лингвистика стиха. Анализ и интерпретации. 430 с.

Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. Москва: Фортуна лимитед, 2001. 288 с.

Гачева А.Г. Философ в диалоге с поэтом: письма А.К. Горского М.М. Шкапской // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Книга 3. Письма и дневники в русском литературном наследии XX века / под. ред. Н.В. Корниенко. Москва: ИМЛИ РАН, 2018. С. 260–274.

Грякалова Н.Ю. Диалог Марии Шкапской и Бориса Пильняка начала 1920-х годов // Русская литература. 2004. № 4. С. 40–53.

Зусева-Озкан В.Б. Дева-воительница в литературе русского модернизма: образ, мотивы, сюжеты. Москва: Индрик, 2021. 712 с.

Ксенофонтова Н.А. Женская телесность, эманипация чувств и свобода // Мужчина и женщина. Книга 3. Поиск идентичности / А.А. Казаков, Н.А. Ксенофонтова. Москва: Институт Африки РАН, 2011. 576 с.

Кушлина О.Б., Никольская Т.Л. Предисловие // Сто одна поэтесса Серебряного века: Антология, сост. и библиограф. М.Л. Гаспаров. Санкт-Петербург: ДЕАН, 2000. С. 4–25.

Литвинова О.Н. Библейские цитаты и образы в поэзии Марии Шкапской // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 92–101. DOI: <http://doi.org/10.15393/j9.art.2021.9462>.

Литвинова О.Н. Мария Шкапская на суде Соломона: американская Славистка о русской поэтессе. URL: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2021/05/92-103.pdf> (дата обращения: 18.11.2021).

Лыкова Ю.В. Жизнетворческий код З. Гиппиус с ориентиром на андрогинность // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznetvorcheskiy-kod-z-gippius-s-orientirom-na-androginnost> (дата обращения: 28.11.2022).

Никольская Т.Л. О рецепции творчества Елены Гуро в русской поэзии 1910-1920 гг. // Авангард и окрестности. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 160–183.

Федоров Г.П. Русская религиозность. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/russkaja-religioznost/1 (дата обращения: 18.11.2021).

Чечнёв Я.Д. Ампула лирической героини в поэзии М.М. Шкапской: к постановке проблемы // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 140–152.

Шагинян М. Женская поэзия // Марина Цветаева в критике современников. Т.1. Родство и чуждость; сост. Л.А. Мнухин. Москва: Аграф, 2003. С. 66–70.

Эконен К. Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 400 с.

Heldt, B. (1987), *Terrible perfection. Women and russian literature*, Indiana University Press, Bloomington and Indianapolis.

References

Bakhrakh, A. (1980), *From memory, from notes: Literary portraits*, La presse libre Publ., Paris, France.

Gabrielian, N.M. *Body codes in the works of Maria Shkapskaya*, [Online], available at: https://a-z.ru/women_cd1/html/gabriel.htm (Accessed 18 Nov 2021).

Gasparov, M.L. (2012), *Maria Shkapskaya - The forgotten poetess. Selected works*, vol. 4, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ, Moscow, Russia. (In Russ.)

Gasparov, M.L (2001), *Russian verse of the early twentieth century in the comments*, Fortuna limited Publ., Moscow, Russia.

Gacheva, A.G (2018), *The philosopher in dialogue with the poet: letters of A.K. Gorsky M.M. Shkapskaya. Textual timeline. Russian literature of the twentieth century: Issues of textual and source studies. Book 3. Letters and diaries in the Russian literary heritage of the twentieth century*, IMLI Publ., Moscow, Russia.

Griakalova, N.Iu. (2004), Dialogue between Maria Shkapskaya and Boris Pilnyak in the early 1920, *Russkaia literature*, no. 4, pp. 40–53.

Zuseva-Ozkan, V.B (2021), *The warrior maiden in the literature of russian modernism: image, motives, plot*, Indric Publ., Moscow, Russia.

Ksenofontova, N.A (2011), *Female physicality, emancipation of feelings and freedom. A Man and a Woman: Book 3. The search for Identity*, Institut Afriki RAN Publ., Moscow, Russia.

Kushlina, O.B., Nikol'skaia T.L. (2000), *One hundred and one poetesses of the Silver Age: An Anthology*, DEAN Publ., St. Petersburg, Russia.

Litvinova, O.N. (2021), Biblical quotes and images in the poetry of Maria Shkapskaya, *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 19, no. 2, pp. 92–101.

Litvinova, O.N. *Maria Shkapskaya at the trial of Solomon: An american slavist about a russian poetess*, [Online], available at: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2021/05/92-103.pdf> (Accessed 18 Nov 2021).

Lykova, Y.V (2009), *The life - creating code of Z. Hippus with a focus on androgyny*, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznetvorcheskiy-kod-z-gippius-s-orientirom-na-androginnost> (Accessed 18 Nov 2021).

Nikol'skaia, T.L. (2002), About the reception of Elena Guro 's creativity in Russian poetry of 1910-1920s, *Vanguard and surroundings*, Ivana Limbakha Publ., St. Petersburg, Russia, pp. 160–183.

Fedorov, G.P. *Russian religiosity*, [Online], available at: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/russkaja-religioznost/1 (Accessed 18 Nov 2021).

Chechnyov, Y.D. (2022), *The role of the lyrical heroine in the poetry of M. M. Shkapskaya: towards the formulation of the problem*, Sibirskii filologicheskii zhurnal, no. 4, pp. 140–152.

Shaginyan, M. (2003), *Women's poetry. Marina Tsvetaeva in the criticism of contemporaries. Vol. 1. Kinship and alienness*, Agraf Publ., Moscow, Russia, pp. 66–70.

Ekonen, K (2014), *Creator, subject, woman: Strategies of female writing in russian symbolism*, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., Moscow, Russia.

Heldt, B. (1987), *Terrible perfection. Women and russian literature*, Indiana University Press, Bloomington and Indianapolis.

Submitted: 10.01.2025

Revised: 02.02.2025

Accepted: 03.03.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1.09-3

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-71-76

Дата поступления: 12.01.2025
рецензирования: 11.02.2025
принятия: 12.03.2025

И.В. Некрасова

Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: nekrasova-iv@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-002-3121-9772>

Музыкальная парадигма современной русской прозы

Аннотация: в статье рассматриваются современные прозаические тексты, в которых музыка и связанные с этим видом искусства понятия, жанры, формы становятся важным атрибутом в развитии сюжетов произведений, в создании образов персонажей, в заголовочном комплексе. Этот момент подтверждает актуальность данной статьи, в которой использован комплексный подход к анализу художественных текстов, включающий интерпретационный, аналитический, интертекстуальный и иные методы.

В качестве эмпирической базы исследования привлечены современные прозаические тексты Тимура Кибирова, Евгения Водолазкина, Максима Замшева, Елены Холмогоровой. В итоге сделан вывод, что интермедийность в современном литературном процессе и его своеобразная «музыкализация» являются заметной и перспективной тенденцией.

Ключевые слова: музыкальная парадигма; интермедийность; концепты; полифоническая структура; музыковедческая реплика; рефрен; симфонизм.

Цитирование: Некрасова И.В. Музыкальная парадигма современной русской прозы // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2025. Т. 5, № 1. С. 71–76. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-71-76>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Некрасова И.В., 2025

Ирина Владимировна Некрасова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы, журналистики и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67.

SCIENTIFIC ARTICLE

I.V. Nekrasova

Samara State University
of Social Sciences and Education,
Samara, Russian Federation
E-mail: nekrasova-iv@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-002-3121-9772>

The musical paradigm of contemporary Russian prose

Abstract: the article examines modern prose texts in which music and related art concepts, genres, and forms become an important attribute in the development of the plots of works, in the creation of images of characters, and in the title complex. This point confirms the relevance of this article, which uses an integrated approach to the analysis of literary texts, including interpretative, analytical, intertextual and other methods.

As an empirical basis attracted Modern prose texts by Timur Kibirov, Evgeny Vodolazkin, Maxim Zamshchev, and Elena Kholmogorova. As a result, it is concluded that intermediality in the modern literary process and its peculiar “musicalization” are a noticeable and promising trend.

Key words: musical paradigm; intermediality; concepts; polyphonic structure; musicological replica; refrain; symphonism.

Citation: Nekrasova, I.V. (2025), The musical paradigm of contemporary Russian prose, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 71–76, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-71-76>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Nekrasova I.V., 2025

Irina V. Nekrasova – Candidate of Philological Sciences. Associate Professor, Associate Professor of the Department of Literature, Journalism and Teaching Methods, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67 Maxim Gorky Str., Samara, 443099, Russian Federation.

Введение

Отечественный литературный процесс уже не первое десятилетие демонстрирует смену системы координат. Вместо укоренившегося в культурном сознании прошлых десятилетий литературоцентризма теперь можно говорить о своеобразном «искусствоцентризме» или – что привычнее – об интермедиальности. Действительно они стали важной отличительной чертой русской литературы XXI века. Но и в прошлые эпохи взаимосвязь, взаимовлияние художественного текста и музыкальной составляющей также были достаточно активными.

Хрестоматийные примеры конгломерации словесности и музыки уже на уровне заголовочного комплекса – «Крейцера соната» Л.Н. Толстого, «Слепой музыкант» В.Г. Короленко, «Музыка» В.В. Набокова, «Шопен. Соната № 2» Е. Носова, одноименные рассказы А.П. Чехова и И. Грековой «Скрипка Ротшильда», «Альтист Данилов» В. Орлова и др.

Многочисленны классические литературные персонажи, чьим важным свойством личности становится музыкальность в различных проявлениях. Например, Марфинька («Обрыв» И.А. Гончарова), Ольга Ильинская («Обломов» И.А. Гончарова); Лариса Огудалова («Бесприданница» А.Н. Островского) и пр.

Нынешние исследователи – в первую очередь лингвисты и психологи – заявляют о присутствии в современном культурном процессе синестезии как явления восприятия, когда соединяются ощущения разных органов чувств в произведениях нескольких видов искусства. Применительно к литературе говорят о «слуховой синестезии», которую считают «особым» тропом, интересной формой метафоры, «межчувственным переносом».

Вторая половина XX века подарила нам чуткого к музыке, к гармонии поэта Варлама Тихоновича Шаламова и предельно музыкального писателя Виктора Петровича Астафьева.

Основная часть

В XXI веке «музыкальные ключи» очевидно обнаружены в текстах современных авторов, таких как Виктория Токаревой, Дина Рубина. Филолог Т.Н. Маркова, в частности, полагает, что поэма Людмилы Петрушевской «Карамзин. Деревенский дневник» – это пятичастное «симфоническое произведение» (Маркова 2009, с. 209). Поэтому, видимо, можно говорить об очевидности слуховой синестезии в произведениях последних лет.

Роман Тимура Кибирова «Генерал и его семья» (Кибиров 2017; Кибиров 2020) нельзя назвать «музыкальным» в смысле важности и активности собственно музыкального контекста. Весь мир романа сосредотачивается вокруг двух главных героев: генерала Бочажка, пропускающего все жизненные перипетии через музыкальную канву своих любимых композиций, и его дочери Ани, буквально выросшей на запрещенном тогда творчестве Анны Ахматовой.

Музыка является главной отдушиной в жизни Бочажка. Он обращается к ней в трудные моменты своей жизни. Не сумев найти общего языка с дочерью, «генерал сел за стол, на котором стоял гипсовый бюстик Чайковского, <...> надел наушники и поставил одну из своих самых любимых и ценных пластинок – "Зимний путь" в исполнении Дитриха Фишер-Дискау» (Кибиров 2017, с. 57). В романе музыка и поэзия становятся противопоставленными друг другу, представляют вариант (модель) активного и пассивного восприятия мира. «Титульный персонаж» советский генерал Бочажок необычен своей страстью к классической музыке. «А в остальном вроде генерал как генерал. В конце концов, сам нарком Луначарский в трудный час, в суровой мгле, на заре советской власти сказал: „Я знаю многих людей, до умопомрачения любящих "Аиду" и при этом принадлежащих нашей партии"» (Кибиров 2017, с. 28).

Здесь безусловно проявлена ирония автора – представителя соц-арта Тимура Кибирова. Лишь однажды оба контекста – литературный и музыкальный – переплетаются в повествовании. В одном из стихотворений Ахматовой дочь Бочажка Аня находит строки: «Мы с тобой в Адажио Вивальди встретимся опять» (Ахматова, с. 233). Она просит отца найти музыкальную запись и вместе прослушать это произведение. Но и после этого сближения генерала с дочерью так и не произошло.

«Брисбен» Евгения Водолазкина (Водолазкин) представляет читателю виртуоза-гитариста, утратившего из-за тяжелой болезни возможность играть. Музыкальный код становится доминантой в движении сюжета.

Н.А. Николина и З.Ю. Петрова считают, что в этом произведении музыка становится «ключевым образным полем»: «В образное поле "музыка" в романе "Брисбен" входят само слово музыка и его производные, названия музыкальных инструментов, наименования музыкальных жанров, наименования музыкальных темпов, интервалов, способов извлечения звука, приемов игры, назва-

ния музыкальных произведений и другие музыкальные термины» (Николина, Петрова, с. 111).

«Брисбен» – это роман о жизни музыканта, построенный как полифоническое музыкальное произведение. В нем слышны два голоса – нижний и верхний, каждый ведет свою партию, и они постепенно сближаются. Нижний голос – это рассказанная от третьего лица история жизни талантливого музыканта, гитариста-виртуоза Глеба Яновского. Верхний голос – написанный от первого лица дневник Глеба Яновского. Создается впечатление, будто оба голоса звучат одновременно.

Музыка как ключевой мотив произведения соединяет в художественной ткани романа концепты «жизнь» и «смерть». Предположим, что Е. Водолазкин передаёт в своем произведении мысль о том, что судьба, жизненный текст могут быть соотношены с текстом музыкальным.

Особого внимания в границах сегодняшней проблемы, на наш взгляд, заслуживает роман Максима Замшева «Концертмейстер» (Замшев). Образное поле «музыка» проявлено уже на уровне заглавия. Ясно, что в центре повествования будут герои-музыканты. Это композитор Лев Семенович Норштейн, «автор девяти симфоний, двух балетов и множества произведений для фортепиано» (Замшев 2020, с. 7), его внук – пианист Арсений Храповицкий, композитор Александр Лапшин (прототип персонажа – Александр Лазаревич Локшин – советский композитор с очень сложной судьбой), их друзья и знакомые. Кроме того, мощный музыкальный фон создают реальные персонажи истории музыки XX века: Дмитрий Шостакович, Рудольф Барщай (советский альтист и дирижер), Тихон Хренников, Святослав Рихтер, Генрих Нейгауз, Эдисон Денисов. В романе сказано: Дмитрий Дмитриевич Шостакович заметил и оценил талант пианиста Арсения. Всё это придаёт тексту почти документальную достоверность.

Книга просто наполнена звуками – и бытовыми, и собственно звуками музыки, и природными («флейты весеннего ветра», «взволнованные всхлипы виолончели» и пр.). На страницах романа постоянно звучит музыка. Приведем примеры.

«Их любовь началась, когда Шуринька под звучащую в голове собственную музыку для кларнета и струнных боролся со смертью» (Замшев 2020, с. 108).

«Видя привлекательную женщину, он искал в памяти какую-нибудь музыкальную тему, которая подходила бы ей больше всего <...> От предложения услышать свой музыкальный портрет мало кто отказывался» (Замшев 2020, с. 97–98).

«Пространству вокруг него потребовалось некоторое время, чтобы вобрать в себя его крик, а потом, будто из небытия, вернуть его негромкими фортепианными звуками "Мимолетности" Сергея Прокофьева» (Замшев 2020, с. 187). Отметим по-

путно, что сам композитор считал так: «Общими чертами почти всех «Мимолетностей» являются их внутренняя насыщенность, конденсированная и лаконично-сжатая форма высказывания, интонационно-гармоническая свежесть, непосредственность. В качестве основных выразительных средств здесь использованы короткие мотивы, нередко даже без тематического развития, простейшие приемы гаммообразного движения, характерные ритмические фигуры, подчас сами по себе весьма элементарные. Афористичность образов вызывает интенсификацию выразительного приема, характерного штриха, семантическая нагрузка на который предельно усилена. Так достигается пластическая, осязаемая выразительность, столь ценная в форме миниатюры» (Прокофьев).

«Искренность их прежних отношений определялась существованием в одной стихии, где все события не происходят, а звучат» (Замшев 2020, с. 197).

Музыкальный инструмент очеловечивается: «И инструмент его тут, насупившийся, будто сгорбленный, глядящий на все исподлобья» (Замшев 2020, с. 324).

Более того, даже впечатление композитора Лапшина от общества женщин, в котором он оказался, тоже музыкально: «Основой компании, ее необходимостью, ее сутью являлись дамы. И каждую можно было изучать, как партитуру, не такую уж прихотливую, но все же с неким изыском» (Замшев 2020, с. 53). Мысли, эмоции, восприятие мира героями романа выражаются через музыку.

Темпоральная структура романа полифонична. Перед нами по меньшей мере четыре временных пласта, перемешанных по модели слоеного пирога. Прием размытия линейной последовательности временных границ способствует развитию детективной фабулы и движению сюжета. Каждая достаточно самостоятельная сюжетная линия строится в определенной тональности. Первая тональность – это семейная сага о трех поколениях Норштейнов-Храповицких. Другая тональность, явно минорная, связана с Александром Лапшиным. Страдая после перенесенной операции, композитор продолжает творить: «Но мелодия для кларнета, длинная, полнокровная, сочиненная как будто не им, не отпускала, проясняясь все больше. Она, как веревочная лестница, по которой он поднимался в спасительные небеса» (Замшев 2020, с. 88). В финале обе тональности соединяются и возникает поистине симфоническое звучание.

Литературное творчество Елены Холмогоровой очень музыкально. В одном из интервью она призналась: «Я неудавшийся музыкант, я выросла в музыкальной семье, меж двух роялей, но у меня была рука, совершенно непригодная для занятий музыкой, так что приходится пропускать музыку через литературу» (Холмогорова, интервью 2017).

Действительно, ее тексты – в первую очередь «Картинки с выставки. Сюита» (Холмогорова 2002), «Трио для квартета. Маленький роман» (Холмогорова 2004), «Чтение с листа. Роман-партитура» (Холмогорова 2017) уже на уровне заголовочного комплекса настраивают на возможность применения музыковедческих подходов к анализу текста. Чтение с листа, чтение партитуры – это базовая, обязательная техника и для начинающих музыкантов, и для профессионалов (Шендерович). Суть музыкального понятия «чтение с листа» можно определить так: умение быстро понять (схватить) музыкальный текст и эскизно передать образно-эмоциональный смысл музыки. При этом воспроизведение нотной записи может быть неточным, приблизительным, как бы репетиционным (Брянская).

В структуре одноименного романа Е. Холмогоровой эти «репетиции» жизненных впечатлений предусмотрены. Архитектоника романа «Чтение с листа» – это хронология событий пяти десятилетий. «Увертюра» 2012 года, как и положено музыкальному произведению, начинает движение сюжета. Основное содержание распределено между «Репетициями» с 1963 по 2013 год. Наконец, «Кода». Приблизительность, «черновое» течение судьбы главной героини – основная содержательная мысль романа. Этому способствуют и многочисленные «репетиции» Елизаветы Николаевны, Веты: репетиция любви, репетиция веры, репетиция свадьбы, репетиция материнства, репетиция вдовства... Все будто черновик, жизнь как «чтение с листа».

Обратимся ещё к одному произведению Е. Холмогоровой «Картинки с выставки. Сюита». В рамках сегодняшних задач этот текст оптимально репрезентативный.

Как известно, «Картинки с выставки» писались М.П. Мусоргским как цикл фортепианных произведений. Но многочисленные оркестровки этого шедевра позволяют считать его уникальной сюитой, сотканной из самостоятельных миниатюр. В свою очередь композитор создал этот программный цикл под впечатлением картин своего друга Виктора Петровича Гартмана. То есть перед нами в современном тексте Елены Холмогоровой представлено сращение трех вида искусства: изобразительного, музыкального и словесного.

В этой оригинальной интермедийальной попытке современная писательница не была первой. Приведем иные примеры взаимодействия визуального и аудиального кодов, связанных с музыкой Мусоргского. Василий Кандинский на ее основе создал одноименную сценическую композицию – «Картинки с выставки». В ней он использовал подвижные живописные декорации, разнообразные цветовые оттенки. Кроме этого, в постановке были задействованы танцоры (Театр Фридриха в немецком городе Дессау, 1928 г.)

В шестидесятые годы XX века был поставлен одноактный балет в одиннадцати эпизодах на музыку «Картинок с выставки» Мусоргского. Постановка Фёдора Васильевича Лопухова, инструментовка М. Равеля, балет Музыкального театра им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко.

Вернемся к современному тексту. Как и у Мусоргского, в «сюите» Елены Холмогоровой «Картинки с выставки» 11 частей. Все они начинаются с музыковедческой реплики о цикле композитора или с цитаты из программки концерта в Большом зале Московской консерватории.

Первая новелла (позволим себе именно такое жанровое определение главок «сюиты») называется «Бабье царство» и воспринимается как пролог, интермедия. У М. Мусоргского первая пьеса «Прогулка» объединяет весь цикл, потому что музыкальные цитаты из нее становятся своеобразным рефреном всей сюиты. Так и у Е. Холмогоровой. Персонажи первой новеллы – музыкант Нина и ее дочь Даша, посетившие концерт в Большом зале Московской консерватории. Именно они, точнее, преимущественно Даша, своими репликами и комментариями сопровождают все последующие части литературных «Картинок с выставки». Таким образом, и в музыкальном, и в словесном текстах не связанные содержательно, предельно самостоятельные части (пьесы, новеллы) скрепляются в цикл мотивами/темами/репликами из первого произведения.

Интересно проследить, насколько пьесы Мусоргского проявлены в новеллах Холмогоровой. Восприняв и повторив архитектуру всего цикла композитора, писательница в разной степени сопоставляет «программу» (имеем в виду музыкальную фабулу) пьес со своими главками.

У Мусоргского № 2 – «Гном», у Холмогоровой № 2 – «Вербная неделя». Но герой ее новеллы – «малорослый горбун», гном, который везде ходил пешком, так как не может «взгромоздиться на высокую подножку ненавистных автобусов».

Певучее, скорбное звучание пьесы № 3 «Старый замок» Мусоргского вполне сопоставимо с тишиной пролетающих самолетов и гнетущей тоской героини третьей новеллы «Поездка». Параллели можно продолжить. Они находимы в каждой части.

Наибольшее соответствие и сюжету, и смыслу музыкальной и литературной пьес находим в частях № 7. У Мусоргского – «Самуэль Гольденберг и Шмуйле или Два еврея – богатый и бедный», у Холмогоровой – «Четвертая урология». В обоих произведениях сюжет продвигается диалогом, сочетанием двух голосов.

В традиционном музыковедческом комментарии перед текстом читаем: «Мы ясно слышим два голоса: твердый, уверенный и тревожно-щемя-

щий». Больные из палаты четвертой урологии также ведут диалог, также обнаруживают два взгляда на мир, две культуры... Но в новеллу введен и голос медсотрудников отделения урологии. Эта третья партия, принадлежащая разным проходным персонажам, органично вплетается в диалог центральных героев.

В финале небольшого текста о двух пожилых евреях в новелле Холмогоровой «один сразу провалится в сон, а другой будет ворочаться с боку на бок, но в недрах ночи под казенными одеялами они будут уравнены старостью, вдовством и болезнями – богатый и бедный» (Холмогорова 2002, с. 81). В этой заключительной фразе – явственное расхождение с пьесой Мусоргского: в ней *богатый*, вопреки (или благодаря?) звуковой полифонии, не помог *бедному*, остался непреклонным.

Полученные результаты и выводы

Нами проведен анализ нескольких произведений современной русской прозы с позиции разнообразных проявлений в них музыкальности. Считаем, что в сегодняшнем литературном процессе тенденция «музыкализации» словесных текстов проявляется активно.

Филолог Е.Н. Азначеева в своей монографии о взаимодействии музыкальных и литературно-художественных приемов пишет, что на рубеже тысячелетий «был размыт недавно казавшийся неизблемым каркас сюжета, предполагавший, как правило, строго фабульное развитие и <...> единство временного потока. На место этого пришел симфонизм для романа и музыкальный строй для прозы вообще» (Азначеева 2004, с. 13).

Культуролог С. Лащенко уже в названии статьи «Алгебра музыкознания и гармония литературного текста» (Лащенко) сознательно противопоставляет два вида искусства. При этом подчеркивает их генетическое родство. С такой оппозицией сложно не согласиться. Фундаментальные приемы создания словесного и слухового текстов различны. Но их взаимовлияние в рамках интермедиального характера и шного культурного процесса сегодня неоспоримо. Тем интереснее интерпретировать отдельные художественные тексты с позиций проявленной в них музыкальной парадигмы.

Источники фактического материала

Кибилов Т.Ю. Генерал и его семья. Исторический роман. Москва: Individum, 2020. 624 с. (полный текст).

Библиографический список

Азначеева Е.Н. Музыкальные принципы организации литературно-художественного текста.

Пермь: Изд-во Перм. университета, 2004. Ч. III. 288 с.

Ахматова А.А. Ночное посещение // Музыка в зеркале поэзии: сост. Б.А. Кац. Вып. 3. Ленинград: Сов. композитор, Ленингр. отд., 1987. С. 233–234.

Брянская Ф.Д. Формирование и развитие навыка игры с листа в первые годы обучения пианиста. Москва: Издательский дом «Классика-21 век», 2008. 68 с.

Водолазкин Е. Брисбен. Москва: АСТ, 2019. 411 с.

Замшев М. Концертмейстер. Санкт-Петербург: АЗБУКА, 2020. 508 с.

Кибилов Т.Ю. Генерал и его семья. Исторический роман // Знамя. 2017. № 1. С. 9–98 (первая публикация).

Лащенко С. Алгебра музыкознания и гармония литературного текста // НЛЮ. 2010. №1. С. 328–341.

Маркова Т.Н. Современная проза: конструкция и смысл (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин). Москва: НГОО, 2009. 268 с.

Николина Н.А., Петрова З.Ю. Образное поле «музыка» в романе Е. Водолазкина «Брисбен» // Русская речь. 2021. № 4. С. 108–119.

Прокофьев С. Мимолетности. Visions fugitives, Op. 22. <https://www.belcanto.ru/> (дата обращения 11.12.2024).

Холмогорова Е. «Общее у музыки и литературы в том, что они создают настроение»: интервью. ММКВЯ-2017. День первый. <https://www.ast.ru/> (дата обращения 15.12.2024).

Холмогорова Е. Картинки с выставки. Сюита // Дружба народов. 2002. № 6. С. 72–88.

Холмогорова Е. Трио для квартета. Маленький роман. Москва: Время, 2004. 208 с.

Холмогорова Е. Чтение с листа. Роман-партитура. Москва: АСТ, 2017. 221 с.

Шендерович Е.М. В концертмейстерском классе: Размышления педагога. Москва: Музыка, 2020. 206 с.

References

Aznacheeva, E.N. (2004), *Musical principles of literary and artistic text organization*, Publishing House of Perm University, Part III, Perm, Russia.

Akhmatova, A.A. (1987), *Night visit*, Music in the mirror of poetry: comp. B.A. Katz, Issue 3, Soviet composer, Leningrad Publishing House, Leningrad, USSR.

Bryanskaya, F.D. (2008), *Formation and development of the skill of playing from a sheet in the first years of a pianist's training*, Publishing House "Classics-21st century", Moscow, Russia.

Vodolazkin, E. (2019), *Brisbane*, AST, Moscow, Russia.

Zamshev, M. (2020), *Concertmaster*, ABC, St. Petersburg, Russia.

Kibirov, T.Y. (2017), General and his family. A historical novel, *Banner*, no. 1, pp. 9–98, (first publication).

Kibirov, T.Y. (2020), *General and his family. Historical novel*, Individuum, Moscow, Russia.

Lashchenko, S. (2010), Algebra of musicology and harmony of literary text, *UFO*, no. 1, pp. 328–341.

Markova, T.N. (2009), *Modern prose: construction and meaning*, NGOU, Moscow, Russia.

Nikolina, N.A., Petrova, Z.Y. (2021), The figurative field "music" in the novel by E. Vodolazkina "Brisbane", *Russian speech*, no. 4, pp. 108–119.

Prokofiev S. *Fleeting. Visions fugitives*, Op. 22, [Online], available at: <https://www.belcanto.ru> (Accessed 11 Dec 2024).

Kholmogorova, E. "Music and literature have in common that they create a mood": interview, MIFF-2017. The first day, [Online], available at: <https://www.ast.ru> (Accessed 15 Dec 2024).

Kholmogorova, E. (2002), Pictures from the exhibition. Suite, *Friendship of peoples*, no. 6, pp. 72–88.

Kholmogorova, E. (2004), *A trio for a quartet. A small novel*, Vremya, Moscow, Russia.

Kholmogorova, E. (2017), *Reading from a sheet. Novel-score*, AST, Moscow, Russia.

Shenderovich, E.M. (2020), *In the concertmaster class: Reflections of a teacher*, Muzyka, Moscow, Russia.

Submitted: 12.01.2025

Revised: 11.02.2025

Accepted: 12.03.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.346.32-053.6

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-77-89

Дата поступления: 01.12.2024
рецензирования: 20.01.2025
принятия: 04.03.2025

В.А. Кузнецов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская федерация
E-mail: kuznetcov@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9181-391X>

С.Ю. Митрофанова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская федерация
E-mail: mit_s@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9571-9883>

Патриотическая самоидентификация современной российской молодежи

Аннотация: в статье обсуждается вопрос патриотической самоидентификации современной российской молодежи. Данная работа выполнена на основе анализа данных, полученных по итогам двух проектов, реализованных коллективом авторов социологического факультета Самарского университета: «Идентичности и практики консолидации современной молодежи Самарского региона» (2023 г.) и «Смыслы и виды патриотизма современной молодежи: региональный аспект» (2024 г.), а также вторичного анализа данных ФОМ и ВЦИОМ.

Особенности идентификации современной молодежью себя как патриотов определялись посредством исследования места патриотизма в системе традиционных духовно-нравственных ценностей, характеристики себя как патриотов, граждан, молодежи России и студентов Самарского университета, а также специфики идентификации себя как патриотов студентами Самарского университета в зависимости от некоторых признаков.

Выявлено, что патриотизм является одной из наиболее важных традиционных ценностей россиян (Семья и дети ... 2024). Вместе с тем полученные данные свидетельствуют о том, что среди молодежи меньше, чем по всей выборке, тех, кто считает себя безусловным патриотом. Причем среди студентов Самарского университета безусловных патриотов еще меньше, чем среди молодежи России. Утверждается, что необходимо усиливать работу субъектам, чья деятельность так или иначе связана с молодежью и патриотическим воспитанием, особенно среди студенчества.

Ключевые слова: патриотизм; традиционные духовно-нравственные ценности; молодежь; самоидентификация молодежи; социальная политика; молодежная политика; рекомендации ответственным за воспитательную работу.

Благодарности: статья выполнена при финансовой поддержке Губернских грантов в области науки и техники (Самарская область, 2023 г., Самарская область, 2024 г.).

Цитирование: Кузнецов В.А., Митрофанова С.Ю. Патриотическая самоидентификация современной российской молодежи // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 77–89. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-77-89>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Кузнецов В.А., 2025

Виктор Александрович Кузнецов – кандидат философских наук, и.о. зав. кафедрой социологии политических и региональных процессов, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© Митрофанова С.Ю., 2025

Светлана Юрьевна Митрофанова – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, доцент кафедры социологии политических и региональных процессов, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

V.A. Kuznetsov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: kuznetcov@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9181-391X>

S.Yu. Mitrofanova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: mit_s@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9571-9883>

Patriotic self-identification of modern Russian youth

Abstract: the article discusses the issue of self-identification of modern youth as patriots. This work is based on the analysis of data obtained from two projects implemented by a team of authors from the Faculty of Sociology of Samara University: "Identities and practices of consolidation of modern youth of the Samara region" (2023) and "Meanings and types of patriotism of modern youth: a regional aspect" (2024), as well as a secondary analysis of data of Public Opinion Foundation data and All-Russia Public Opinion Research Center. The peculiarities of self-identification by modern youth as patriots were determined by studying the place of patriotism in the system of traditional spiritual and moral values; characteristics of themselves as patriots of citizens, youth of Russia and students of Samara University; as well as the specifics of self-identification as patriots by students of Samara University, depending on some characteristics. It is revealed that patriotism is one of the most important traditional values of Russians. At the same time, the data obtained indicate that there are fewer young people than in the entire sample who consider themselves as an absolute patriots. Moreover, there are even fewer absolute patriots among the students of Samara University than among the youth of Russia. It is argued that it is necessary to strengthen the work of the agents whose activities are somehow related to youth and patriotic education especially among students.

Key words: patriotism; traditional spiritual and moral values; youth; youth self-identification; social policy; youth policy; recommendations to those responsible for educational work.

Citation: Kuznetsov, V.A., Mitrofanova, S.Y (2025), Patriotic self-identification of modern Russian youth, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 77–89, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-77-89>.

Acknowledgements: the article was carried out with the financial support of Provincial grants in the field of science and technology (Samara region, 2023, Samara region, 2024).

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Kuznetsov V.A., 2025

Viktor A. Kuznetsov – Candidate of Philosophical Sciences, Acting Head of the Department of Sociology of Political and Regional Processes, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

© Mitrofanova S.Yu., 2025

Svetlana Yu. Mitrofanova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Sociology of Political and Regional Processes, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Актуальность темы патриотизма обусловлена как общемировыми процессами, так и региональными. Со стороны западного общества есть стремление навязать соответствующие ценности российскому обществу, связанные с утверждением идей космополитизма, толерантности в отношении ценностей неоллиберализма, идентификации себя как космополитов и граждан мира, преследуя при этом достижение своих сугубо утилитарных целей и реализацию стратегических интересов,

связанных с расколом российского общества изнутри. Этот тезис подтверждает тот факт, что в начале 2023 года в здании Европарламента в Брюсселе на мероприятии с участием европарламентариев была представлена карта раздела России на 34 государства (Организация, представившая карту раздела России 31 января 2023 года в Брюсселе, признана в марте 2023 года нежелательной, а в ноябре 2024 года – террористической на территории России.). По сути, речь идет о планах по развалу и уничтожению России. Под ударом подобных

влияний «извне» оказываются, в первую очередь, подрастающие поколения и особенно молодежь, поскольку именно в период молодости происходит формирование и развитие мировоззренческих оснований личности, ее жизненных принципов.

Взросление юношей и девушек в современном обществе в отличие от предыдущих поколений происходит в условиях технологизации, цифровизации, роботизации, распространения искусственного интеллекта, что позволяет молодым людям черпать информацию из разных источников. Эти сведения отличаются рассогласованностью и неоднозначностью, что связано как с текущей геополитической ситуацией, так и с современными реалиями развития российского общества. В итоге, информация, поступающая из внешнего окружения, крайне противоречива, а системное и критическое мышление у юношей и девушек - находится еще в процессе формирования. Таким образом, в условиях борьбы разных представлений и происходит выбор вектора самоопределения российской молодежи.

В противовес попыткам разрушить российское общество извне внутри него активно развиваются и продвигаются процессы формирования цивилизационной идентичности молодых. Акцентируется внимание на принадлежности молодежи к российскому обществу как к государству-цивилизации, активной гражданской позиции молодых, чувстве патриотизма и других мировоззренческих принципах и ценностях, подчеркивающих их принадлежность к самобытной, уникальной российской цивилизации, имеющей длительную историю, основанную на глубоких национальных и культурных традициях. И потому особое внимание сегодня в нашей стране уделяется формированию и развитию традиционных духовно-нравственных ценностей, среди которых ценность патриотизма становится все более значимой. Речь идет о любви к Отечеству, идентификации себя со страной, гордости за свою страну, признании важности защиты ее целостности, суверенитета, собственного пути развития.

Традиционные духовно-нравственные ценности находятся в фокусе внимания отечественных ученых. Выделим подход А.Д. Харичева, А.Ю. Шутова, А.В. Полосина, Е.Н. Соколовой (Харичев и др. 2022), которые в рамках широкой научно-исследовательской и экспертной работы разработали и впервые представили в 2023 году системную модель российского мировоззрения на встрече представителей общественных организаций со студентами и преподавателями факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Представители общественных...). В дальнейшем эта модель стала центральным элементом курса «Основы россий-

ской государственности», введенного с 1 сентября 2023 года в образовательные программы бакалавриата и специалитета вузов страны. Все ее компоненты взаимосвязаны, и такой элемент модели, как страна, раскрывается через единство многообразия, что проявляется в чувствах гражданственности и патриотизма.

В 2022 году вышел Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в 5 пункте которого зафиксировано, какие ценности считаются традиционными духовно-нравственными ценностями в российском обществе. «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» (Указ ...).

Отметим, при более пристальном рассмотрении традиционные ценности относятся к общим нравственным ориентирам, а традиционные духовно-нравственные ценности – к конкретным духовно-нравственным аспектам, таким как семейные ценности, патриотизм, приоритет духовного над материальным и другие. Вместе с этим в эмпирической части данной работы считаем возможным использовать эти понятия как взаимозаменяемые, поскольку речь идет именно о традиционных духовно-нравственных ценностях, являющихся традиционными для российского общества.

Актуальность исследования темы патриотизма для Самарской области обосновывается не только тем, что это одна из традиционных духовно-нравственных ценностей в российском обществе, и тем, что молодежь в Самарской области (те, кому от 14 до 35 лет) составляет четверть (25,1 %) от общей численности населения (в стране – чуть более четверти населения – 27,1 %) (табл. 2), но и, что особенно важно, выбором самой активной молодежи нашего региона. Последняя выступила с инициативой разработки закона о патриотическом воспитании: молодыми парламентариями Самарской области эта инициатива была проработана совместно с активной молодежью Приволжского федерального округа на Молодежном форуме «iВолга-2023» в рамках образовательной смены «Голос молодежи». Эта инициатива была поддержана, и закон «О патриотическом воспитании в Самарской области» принят 23 мая 2024 года Самарской Губернской Думой и 10 июня 2024 г.

подписан врио губернатора Самарской области В.А. Федорищевым. В законе в том числе отражены направления патриотического воспитания, основные направления деятельности в сфере патриотизма, полномочия органов государственной власти и участие органов местного самоуправления в патриотическом воспитании и другие значимые положения (Закон...). Все это обеспечивает актуальность исследуемой проблематики как на уровне страны, так и на территории Самарской области.

Проблематика патриотизма в связи с началом специальной военной операции в нашей стране и складывающейся геополитической обстановкой в мире становится все более актуальной. Отметим, что за рубежом, в западных странах, определенный интерес к феномену патриотизма существовал ранее, сохраняется и сегодня (например, Gallaher 2000; Patriotism, Democracy... 2005; Roberge 2009; Perrin 2020; Between patriotism... 2022). Однако он не выходит за рамки типичности, то есть нет широко распространенного увлечения этой темой, а если этот вопрос и поднимается, то зачастую в негативных контекстах. Например, таких как символический характер патриотизма, его связь с партикуляризмом и усилением суверенитета на местном уровне (Gallaher 2000), с проблемами терроризма и их финансированием (Roberge 2009).

В отечественном научном сообществе сегодня наоборот наблюдается именно всплеск исследований, и в том числе междисциплинарных, где данный вопрос изучается с разных ракурсов. Приведем в качестве примеров работы, иллюстрирующие лишь некоторые аспекты в изучении патриотизма. Г.С. Широкалова анализирует отношение молодежи к патриотизму (Широкалова 2017), поднимает вопрос исторической памяти и патриотизма повседневности как условий формирования патриотизма (Широкалова 2018). Автор отмечает, что «Патриотическая самоидентификация россиян, фиксируемая в исследованиях, содержит в себе не столько установку на поступок, сколько вербальное выражение лояльности к общепринятому мнению» (Широкалова 2018, с. 171). М.В. Тарасов изучает взгляды на патриотизм у молодежи России и западноевропейских стран (Германии, Испании и Португалии). Ученый отмечает, что в них много общего, и вместе с тем указывает на различия в понимании того, в чем проявляется патриотизм и что служит предметом гордости и достоинства у граждан России и западноевропейских государств (Тарасов 2022). Патриотизм как символ и как сопричастность рассматривается в работе Т.А. Дроновой и А.А. Дронова (Дронова, Дронов 2023). Предметное поле понятия «патриотизм», вопросы культуры патриотизма и патриотизма в культуре, духовно-нравственных оснований патриотизма, патриотического воспи-

тания и сознания, отражения этой темы в СМИ и другие обсуждаются в коллективной монографии (Патриотизм как проект ... 2024). Сила и слабости патриотизма в историко-политическом ракурсе проанализированы Ю.Е. Белановской, А.В. Мироновой, Д.Е. Слизовским (Белановская, Миронова, Слизовский 2023). Социологическому осмыслению проблематики патриотизма была посвящена 11 сессия VI Всероссийского социологического конгресса (Социология и общество ... 2020).

В ряде социологических текстов феномен патриотизма обсуждается в региональном ключе. В.В. Загребин, И.Ю. Киселев, Н.В. Овчинникова, А.Г. Смирнова, Е.В. Ясюченя исследуют субъективное понимание патриотизма в сознании молодежи Ярославской области, вовлеченной в процесс патриотического воспитания (Загребин и др. 2021). Взаимосвязь структуры идентичностей и моделей патриотизма в сознании школьников, их представления о патриотизме рассматриваются на основе эмпирических исследований регионов Сибирского федерального округа (Асеева, Шашкова 2021; Шашкова, Асеев, Казанцев 2023; Шашкова, Асеев 2023а; Шашкова, Асеев 2023б). Г.А. Протопопова, И.В. Самсонова изучают роль школьного образования в формировании патриотизма у молодежи в Республике Саха (Якутия) (Протопопова, Самсонова 2023). А.Л. Маршак, Л.В. Рожкова и А.Ш. Дубина изучают вопрос политических ценностных ориентаций и патриотизма молодежи Пензенской области (Маршак, Рожкова, Дубина 2024). В исследовании Д. Чекменева, Е. Ефимовой, Е. Давыдовой изучались особенности проявления патриотических ценностей в среде студенческой молодежи, прежде всего, на основе анкет студентов первого курса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Пятигорский государственный университет» (Chekmenev, Efimova, & Davydova 2024).

Все эти исследования важны тем, что на их основе могут быть даны практические рекомендации по формированию в молодежной среде чувства и ценности патриотизма, патриотического сознания, а также выдвинуты предложения по усилению роли патриотического воспитания. Вместе с тем анализ литературы выявил, что семантическое поле понятия «патриотизм» неоднородно, формируется различными агентами, зависит от текущей повестки дня.

Нас интересовал в освещении темы патриотизма такой ракурс, как идентификация современной молодежью себя патриотами. В определении идентификации опираемся на подход В.А. Ядова (Ядов 1995) о разграничении понятий: социальной идентификации как «групповых идентификациях личности» и самоидентификации, под кото-

рой он понимает вслед за И.С. Коном (Кон 1984) «самооценку собственных личностных свойств и потенций в качестве деятельного субъекта». Рассматриваем патриотизм как составляющую «Я-идентификации» молодежи, т. е. элемент их самоидентификации по критерию патриотизма.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы определить специфику патриотической самоидентификации современной молодежью России. В рамках реализации заявленной цели поставлены следующие задачи:

- 1) рассмотреть патриотизм в системе традиционных духовно-нравственных ценностей;
- 2) определить, характеризуют ли себя патриотами граждане в целом, молодежь России, студенты Самарского университета;
- 3) выявить специфику патриотической самоидентификации студентов Самарского университета в зависимости от некоторых признаков (пол, курс обучения и другие).

Методы

Данная статья выполнена на основе анализа данных, полученных по итогам двух проектов, реализованных коллективом авторов социологического факультета Самарского университета при поддержке Губернского гранта в области науки и техники (Состав коллектива (2024 г.): исполнители: А.В. Богомолова, Л.В. Вандышева, Ю.В. Васькина, О.А. Малаканова, А.А. Пустарнакова и руководитель проекта С.Ю. Митрофанова. Состав коллектива (2023 г.): исполнители: Л.В. Вандышева, Ю.В. Васькина, О.А. Малаканова, А.А. Пустарнакова и руководитель проекта С.Ю. Митрофанова. См.: (Вандышева и др. ... 2023)): «Идентичности и практики консолидации современной молодежи Самарского региона» (2023 г.) и «Смыслы и виды патриотизма современной молодежи: региональный аспект» (2024 г.), а также вторичного анализа данных ФОМ исследования «Традиционные ценности в российском обществе» (Традиционные ценности ...) и социологических исследований ВЦИОМ «Патриотизм: мониторинг» (Патриотизм: мониторинг...), «Патриотизм. Молодежь. Будущее» («Патриотизм ...»). При этом применялся метод информативно-целевого анализа документов, при котором содержательные результаты, полученные ФОМ и ВЦИОМ, соотнесены с замыслом проводимого исследования.

В рамках количественного этапа авторских исследований в 2023 г. и 2024 г. проведены анкетные онлайн-опросы студентов Самарского университета (выборка 2023 г.: многоступенчатая: 1 степень – стратифицированный отбор, 2 степень – гнездовой отбор, N = 541; выборка 2024 г.: квотная (квотируемый признак – институт обучения), N = 922, сроки проведения: сентябрь–октябрь в 2023 и 2024 годах).

Также использованы данные качественного этапа авторского проекта 2024 г.:

1. Интервью с экспертами в области патриотического воспитания и молодежной политики в Самарском регионе (N = 10, июнь–октябрь, 2024). Опрошены три группы экспертов в области патриотического воспитания и молодежной политики в Самарском регионе: 1) руководство четырех вузов (Самарский университет, ПГУТИ, МИР, СФ МГПУ). В качестве экспертов выступили ответственные за воспитательную работу в вузе: проректора, руководители подразделений (6 человек), 2) руководители общественных объединений (2 человека), 3) чиновники, отвечающие за молодежную политику в Самарской области (2 человека).

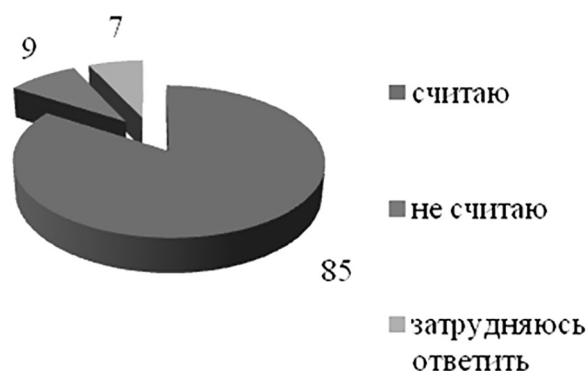
2. Интервью с типичными представителями Самарской молодежи (N = 11, июнь–октябрь, 2024), типичная молодежь Самарской области – типичный представитель Самарской молодежи, не принимающий активного участия в общественных мероприятиях или организациях, чаще всего в некоторых разовых событиях, которые в основном связаны с его личными интересами.

Результаты

В рамках реализации первой задачи рассматривали ценность патриотизма в системе традиционных ценностей в российском обществе на основе результатов опроса ФОМ (табл. 1).

Согласно данным ФОМ, ассоциации, связанные с патриотизмом, – на третьей позиции в системе традиционных ценностей (Традиционные ценности...).

В ходе опроса также выяснялось, считают ли себя респонденты приверженцами традиционных ценностей (рис. 1).

Источник: А себя Вы считаете или не считаете приверженцами традиционных ценностей?

URL: https://fom.ru/TSennosti/15068/?utm_source=telegram&utm_medium=fom

Рис.1. Считает или не считает респондент себя приверженцем традиционных ценностей
Fig.1. Does the respondent consider himself or herself a follower of traditional values

Как показали результаты опроса ФОМ, подавляющее большинство респондентов считают себя приверженцами традиционных ценностей. Однако молодежь (18–30 лет), в отличие от более старших возрастных групп, более критична: 79 % считают себя приверженцами традиционных ценностей, 17 % – не считают, и 4 % – затруднились ответить (А себя Вы считаете...).

На закрытый вопрос о том, как бы сами себя охарактеризовали, разные группы респондентов (население и молодежь (по данным ВЦИОМ (Как бы Вы сами себя...)), студенты Самарского университета (по данным авторских исследований)) – как патриота своей страны или нет, получены следующие результаты (табл. 3).

Таблица 1

Ассоциации, которые возникают, когда респондент слышит выражение «традиционные ценности»

Table 1

Associations that arise when a respondent hears the expression «traditional values»

Ассоциации	В %	Рейтинг
Семья, дом, дети, забота о близких	38	I
Культурное наследие, традиции, уклад	10	II
Патриотизм, любовь к Родине («Любовь к Родине» • «Родина, Россия» • «Отечество» • «патриотизм» • «Бережь Россию» • «верить в своё Отечество, патриотизм» • «всё, связанное с Россией и патриотизмом»)	7	III
Вера в Бога	5	IV
Воспитание, уважение к людям	3	V
Нравственные ценности, любовь	3	V
Историческая память, предки	2	VI
Положительные ассоциации в целом	1	VII
Здоровье	1	VII
Мир на земле	1	VII
Неприятие ЛГБТ	1	VII
Отрицательные ассоциации в целом	1	VII
Забота о людях, решение социальных проблем	1	VII
Образование, учёба	1	VII
Другое	2	
Традиционных ценностей не существует	1	VII
Затрудняюсь ответить, нет ответа	38	

* Сумма ответов больше 100 %, т.к. можно было выбрать несколько вариантов ответов

Тем, кто считает себя приверженцами традиционных ценностей (85 %), задавался вопрос о причинах отнесения себя к приверженцам традиционных ценностей (табл. 2).

В качестве обоснования отнесения себя к приверженцам традиционных ценностей на втором месте причины, так или иначе связанные с ценностью патриотизма, а именно: уважение, любовь к своей стране, гордость за свою страну.

Рассматривая вопрос самоидентификации граждан нашей страны как патриотов, отметим, что согласно данным ВЦИОМ «Большая часть россиян, девять из десяти, называют себя патриотами (91 %), безусловными патриотами называют себя 52 %, каждый второй» (Патриотизм: мониторинг...). Безусловные патриоты в интерпретации ВЦИОМ – это те респонденты, кто на вопрос о том, как бы Вы сами себя охарактеризовали – как патриота своей страны или нет, выбирают вариант ответа «да, безусловно». К патриотам причисляются не только те, кто выбирает этот вариант, но и те, кто отвечает «скорее да».

Таким образом, хотя молодежь, и в том числе студенты Самарского университета, в отличие от населения России в целом, несколько более критична в идентификации себя как безусловных патриотов, все же ценность патриотизма является одной из важных духовно-нравственных традиционных ценностей российского общества. Подавляющее большинство опрошенных во всех выделенных группах считают себя патриотами: это в сумме те, кто безусловно считает себя патриотом и скорее считает себя таковым. Представленные данные позволяют утверждать, что сегодня ценности патриотизма все больше уделяется внимания как на федеральном, так и на региональном уровнях.

В авторском исследовании 2023 г. использовалась методика оценки «Я-идентификации». Рассматривали самоидентификацию молодежи в отношении патриотизма как один из элементов их «Я-идентификации», как составляющую их «Я-концепции». Самоидентификация по критерию «Я-патриот» обсуждалась в системе других крите-

риев оценки респондентами степени выраженности собственных личностных свойств, причем как условно «объективных» (например, «Я-студент»), так и «субъективных» (например, «Я обладаю критическим мышлением»). Респондентам был предложен список личностных качеств, степень выраженности которых у себя респонденты должны были оценить по пятибалльной системе, где 1 балл означал отсутствие качества, а 5 баллов – его сильную выраженность (табл. 4).

Патриотизм у студентов Самарского университета находится в середине списка критериев самоидентификации. Отметим, что 1–3, 5 позиции представляют собой «объективные» критерии самоидентификации. Среди «субъективных» критериев патриотизм находится после желания помогать другим, наличия творческих способностей и критического мышления (табл. 5).

Таблица 2

Причины отнесения себя к приверженцам традиционных ценностей

Table 2

The reasons for classifying oneself as a follower of traditional values

Причины	В %	Рейтинг
Разделяю ценности семьи, брака	31	I
Уважаю, люблю свою страну, горжусь ею, я патриот	13	II
Почитаю старших, родителей, память предков	9	III
Верю в Бога, я религиозный человек	7	IV
Я воспитан(-а) на традиционных ценностях	6	V
Разделяю традиционные ценности в целом	6	V
Ценю уважение, взаимопомощь, взаимопонимание в обществе	4	VI
Стараюсь придерживаться высоких моральных принципов	4	VI
С уважением отношусь к истории своей страны	3	VII
Я приобщен(-а) к культуре, искусству своей страны	3	VII
С осуждением отношусь к ЛГБТ, сексуальным меньшинствам	3	VII
Доверяю нашему государству, властям	2	VIII
Считаю, что детей надо приучать к труду и дисциплине	2	VIII
Традиционные ценности – опора для понимания жизни, её стабильности	1	IX
Родину надо защищать, военная служба – долг мужчины	1	IX
Другое	1	
Затрудняюсь ответить, нет ответа	17	

* Сумма ответов больше 100 %, т.к. можно было выбрать несколько вариантов ответов

Таблица 3

Характеристика респондентами себя как патриота или не патриота по всей выборке, в группе молодежи, среди студентов Самарского университета

Table 3

The respondents' characterization of themselves as a patriot or not a patriot throughout the sample, in the youth group and among students of Samara University

Даты опроса и группы опрошенных	Варианты ответов				
	Да, безусловно	Скорее да	Трудно сказать	Скорее нет	Безусловно, нет
10.06.2018, по всей выборке, в %	47	45	3	3	1
10.06.2018, 18–24, в %	36	42	4	14	4
07.06.2020, по всей выборке, в %	46	43	3	6	2
07.06.2020, 18–24, в %	30	50	4	11	6
17.04.2022, по всей выборке, в %	54	38	3	4	1
17.04.2022, 18–24, в %	31	53	1	11	3
10.03.2024, по всей выборке, в %	62	32	3	2	1
10.03.2024, 18–24, в %	45	42	1	11	2
31.10.2024, студенты Самарского университета, в %	35	48	8	8	1

Среди студентов с 1 по 4 курс степень выраженности патриотизма выше, чем у студентов 5 курса. Самая высокая степень выраженности патриотизма в Самарском университете у обучающихся юридического института (4,21), а самая низкая – естествен-

нонаучного института (3,10). Среди юношей степень выраженности патриотизма несколько выше (3,99), чем у девушек (3,50). У более молодых студентов степень выраженности патриотизма выше, чем у старших обучающихся.

Таблица 4

«Я-идентификация» студентов Самарского университета по различным критериям

Table 4

«I - identification» of Samara University students according to various criteria

Критерии идентификации	Средний балл	Рейтинг
Я член семьи	4,44	I
Я студент	4,11	II
Я гражданин России	4,06	III
Мне нравится помогать другим	3,99	IV
Я представитель молодого поколения	3,96	V
У меня есть творческие способности	3,88	VI
Я обладаю критическим мышлением	3,80	VII
Я патриот	3,70	VIII
Я человек с активной жизненной позицией	3,64	IX
Я успешный человек	3,61	X
Я религиозный человек	2,60	XI
У меня есть лидерские качества	3,51	XII
Я занимаюсь спортом	3,34	XII
Я люблю проводить время один	3,31	XIV
Я люблю участвовать в разных мероприятиях	3,30	XV
Прежде чем принять какое-то решение, я обсуждаю его с другими	3,07	XVI
Я интересуюсь политическими событиями	3,01	XVII

Таблица 5

Самоидентификация студентов Самарского университета по критерию «Я-патриот» в зависимости от курса обучения, института, пола и возраста

Table 5

Self-identification of Samara University students according to the criterion «I am a patriot», depending on the course of study, institute, gender and age

Курс обучения	Средний балл
I	3,78
II	3,58
III	3,79
IV	3,66
V	2,83
Институт обучения	Средний балл
Юридический институт (ЮИ)	4,21
Институт двигателей и энергетических установок (ИДЭУ)	4,09
Институт авиационной и ракетно-космической техники (ИАРКТ)	3,92
Институт экономики и управления (ИЭУ)	3,54
Социально-гуманитарный институт (СГИ)	3,38
Институт информатики и кибернетики (ИИК)	3,27
Естественнонаучный институт (ЕНИ)	3,10
Пол	Средний балл
мужской	3,99
женский	3,50
Возраст	Средний балл
17 лет и моложе	3,84
18–20 лет	3,72
21 год и старше	3,57
ИТОГО	3,70

Таблица 6

**Патриотическая самоидентификация студентов Самарского университета
в зависимости от курса обучения и института**

Table 6

**Patriotic self-identification of Samara University students depending
on the course of study and the institute**

Курс обучения	Варианты ответов				
	Да, безусловно	Скорее да	Трудно сказать	Скорее нет	Безусловно, нет
I, в %	39,4	46,6	6,9	6,3	0,8
II, в %	34,6	51,0	9,2	3,9	1,3
старшие курсы, в %	31,4	47,4	9,5	9,9	1,8
Институт					
Юридический институт (ЮИ), в %	50,4	40,7	6,2	2,7	0,0
Институт авиационной и ракетно-космической техники (ИАРКТ), в %	49,2	38,3	7,5	4,2	0,8
Институт двигателей и энергетических установок (ИДЭУ), в %	38,5	50,5	6,6	4,4	0,0
Институт естественных и математических наук (ИЕиМН), в %	31,3	51,3	11,3	3,5	2,6
Институт экономики и управления (ИЭУ), в %	31,4	53,5	4,7	9,3	1,1
Социально-гуманитарный институт (СГИ), в %	28,4	45,5	10,8	13,5	1,8
Институт информатики и кибернетики (ИИК), в %	27,6	54,6	7,5	9,2	1,1
Пол					
мужской, в %	36,4	47,1	8,8	7,1	0,6
женский, в %	34,0	48,4	7,7	8,1	1,8
ИТОГО, в %	35,3	47,7	8,3	7,6	1,1

В ходе авторского исследования 2024 г. выяснялась характеристика студентами Самарского университета себя как патриота в зависимости от курса обучения, института и пола (табл. 6).

Безусловных патриотов больше на первом курсе, чем на старших курсах. Таковых больше среди студентов юридического института (50,4 %), а меньше – в социально-гуманитарном (28,4 %) и институте информатики и кибернетики (27,6 %). По полу существенных различий в ответах по данному вопросу не обнаружено.

Внесем некоторое уточнение относительно понимания самой идеи патриотизма в молодежной среде. Несмотря на то, что подавляющее большинство студентов считают себя скорее или безусловно патриотами, как и молодежь и граждане России, смыслы, которые вкладываются в понятие патриотизм, критерии его определения различные.

В рамках качественного этапа авторского исследования выяснено, что среди многообразия смыслов не только «любовь к Родине», но патриотизм – это «окружение, друзья, места, пейзажи» (м, 19 лет, студент Самарского университета), «это семья, это дом, это место, где ты живешь, это близкие люди, и это город, это, наверное, то окружение, которое всегда рядом с тобой, это твоя профессия, это то, чему ты посвящаешь свою жизнь и ради чего ты готов отстаивать свои жизненные позиции, ради чего ты готов, наверное, бороться»

(ж, 22 года, СамГМУ) и другие. Информанты также говорили о том, что отношение к СВО выступило своего рода такой «разделительной чертой» в определении патриотизма: патриот – это тот, кто «готов заступиться за страну, ... воевать, может» (ж, 17 лет, СГЭУ).

Эксперты в основном отмечали наличие сложностей в определении единых критериев патриотизма, отмечая, что они очень «обтекаемы», но вместе с тем обосновывали свое видение: «Я не рассматриваю патриотизм как некую «формальную» любовь к Родине ... В моем понимании патриот – это человек, который делает что-то хорошее для себя и для людей, которые его окружают, для общества и мира, вот по мере своих сил, если он приносит пользу ... он патриот. ... Если мы говорим в целом про патриотизм и патриотизм, связанный с идентификацией себя со своей страной, политикой, которую страна проводит, то я бы привел знаменитую фразу Кириенко: вот тот патриот, у кого ребенок патриот» (Эксперт 2).

Заключение

Таким образом, по результатам нашего анализа, хотя большинство опрошенных и считают себя патриотами, смыслы, которые вкладываются в это понятие, различны, т.е. полученные данные подтверждают тезис о том, что семантическое поле понятия патриотизм очень неоднородно.

Патриотизм, по итогам вторичного анализа данных ВЦИОМ и ФОМ, входит в число наиболее важных традиционных ценностей россиян. Полученные результаты о характеристике респондентами себя как патриота или не патриота по всей выборке, в группе молодежи и среди студентов Самарского университета свидетельствуют о том, что среди молодежи меньше, чем по всей выборке, тех, кто считает себя безусловным патриотом. Это позволяет говорить о том, что необходимо усиливать работу тем субъектам, чья деятельность так или иначе связана с молодежью и патриотическим воспитанием именно в этой возрастной группе. Причем среди студентов Самарского университета безусловных патриотов еще меньше, чем среди молодежи России, что, скорее всего, объясняется спецификой студенчества как более критичной группы молодежи в отличие от других групп, таких как работающая, безработная и служащая в армии молодежь. Соответственно, важно в выстраивании социальной, молодежной политики особое внимание уделять патриотическому воспитанию именно в отношении такой группы молодежи, как студенчество. Полученные в Самарском университете данные подтверждают этот тезис и позволяют выделить группы, которые заслуживают особого внимания со стороны ответственных за воспитательную работу в вузе в плане патриотического воспитания: это старшие курсы, студенты социально-гуманитарного института и института информатики и кибернетики.

Источники фактического материала

Представители общественных организаций провели беседу со студентами ФСН о системной модели мировоззрения 18 октября 2023. URL: <https://fsn.unn.ru/novosti/predstaviteli-obshhestvennyh-organizatsij-proveli-besedu-so-studentami-fsn-o-sistemnoj-modeli-mirovozzreniya/> (дата обращения: 16.01.2025).

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 16.01.2025).

Население по возрастным группам и полу по субъектам Российской Федерации. Итоги ВПН-2020. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 16.01.2025).

Закон Самарской области от 10.06.2024 № 46-ГД «О патриотическом воспитании в Самарской области». URL: <https://base.garant.ru/409178706/> (дата обращения: 16.01.2025).

Традиционные ценности в российском обществе (ФОМнибус – еженедельный всероссийский поквартирный опрос. 9–11 августа 2024 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6%). URL: https://fom.ru/TSennosti/15068/?utm_source=telegram&utm_medium=fom (дата обращения: 16.01.2025).

«Патриотизм. Молодежь. Будущее». URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/patriotizm-molodezh-budushchee> (дата обращения: 21.01.2025).

А себя Вы считаете или не считаете приверженцами традиционных ценностей? URL: https://fom.ru/TSennosti/15068/?utm_source=telegram&utm_medium=fom (дата обращения: 16.01.2025).

Патриотизм: мониторинг (11 апреля 2023г.). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (дата обращения: 16.01.2025).

Как бы Вы сами себя охарактеризовали – как патриота своей страны или нет? (закрытый вопрос, один ответ). URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/fdd18fa2-4604-4f59-abf4-47d1a3ca5895> (дата обращения: 16.01.2025).

Библиографический список

Between patriotism and nationalism. National identity in the education policy of Law and Justice. Comments on the 2017 education reform. Chapter 16. By E.M. Mach (2022), *The Right-Wing Critique of Europe*, Routledge, L. and N.Y., pp. 228–242, DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003226123>.

Chekmenev, D., Efimova, E., & Davydova, E. (2024), The structure of patriotism as a universal value in the system of value orientations of russian students and its practical projections, *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University*, vol. 15, no. 1(39), pp. 15–27, DOI: <https://doi.org/10.46991/BYSU:F/2024.15.1.015>.

Gallagher, C. (2000), Global change, local angst: class and the american patriot movement, *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 18, iss. 6, pp. 667–691, DOI: <https://doi.org/10.1068/d269>.

Patriotism, democracy, and common sense: restoring america's promise at home and abroad (2005), Rowman & Littlefield Publishers.

Perrin, A.J. (2020), Prophets and patriots: faith in democracy across the political divide, *Contemporary Sociology*, vol. 49, iss. 4, pp. 354–355, DOI: <https://doi.org/10.1177/0094306120930218g>.

Roberge, I. (2009), Changing course: policy reversals, terrorist financing and title III of the USA patriot act, *Public Policy and Administration*, vol. 24, iss. 3, pp. 265–279, DOI: <https://doi.org/10.1177/0952076709103811>.

- Асеева Т.А., Шашкова Я.Ю. Представления о патриотизме школьников Сибирского федерального округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 118–129. DOI: <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-118-129>.
- Белановская Ю.Е., Миронова А.В., Слизовский Д.Е. Патриотизм и патриоты в современной России: признаки силы и слабости (историко-политический аспект) // Вопросы политологии. 2023. № 6–2 (94–2). С. 2911–2919.
- Вандышева Л.В., Васькина Ю.В., Малаканова О.А., Митрофанова С.Ю., Пустарнакова А.А. Стратегия смешивания методов в исследовании идентичностей и практик консолидации современной молодежи // Семiotические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 4. С. 81–89. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-81-89>.
- Дронова Т.А., Дронов А.А. Патриотизм – символ сопричастности судьбе Отечества (еще раз о воспитании патриотизма в студенческой среде) // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. 2023. № 4. С. 41–45.
- Загребин В.В., Киселев И.Ю., Овчинникова Н.В., Смирнова А.Г., Ясюченя Е.В. Влияние патриотического воспитания на образ патриота среди молодежи (на примере Ярославской области) // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7. № 2. С. 182–193. DOI: <http://doi.org/10.18255/2412-6519-2021-2-182-193>.
- Кон И.С. В поисках себя (личность и ее самосознание). Москва, 1984.
- Маршак А.Л., Рожкова Л.В., Дубина А.Ш. Гражданственность и патриотизм во взглядах региональной молодежи // Власть. 2024. Т. 32. № 3. С. 239–245.
- Патриотизм как проект (методология и опыт эмпирического исследования): монография / Е.Ю. Алексейчева [и др.]; отв. ред. С.В. Черненко. Москва: МГПУ, 2024. 232 с.
- Протопопова Г.А., Самсонова И.В. Влияние школьного образования на формирование патриотических убеждений у молодежи в Республике Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия «Экономика. Социология. Культурология». 2023. № 4 (32). С. 159–166. DOI: <http://doi.org/10.25587/2587-8778-2023-4-159-166>.
- Семья и дети в России. Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации. Статистический сборник Росстата / ОПРФ; Росстат. Москва: ОП РФ, 2024. 100 с.
- Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / Сессия 11. Помним, гордимся: молодежь России о Великой Отечественной войне и патриотическое воспитание молодежи / Отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. Москва: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. 6003 с. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD-ROM). С. 1171–1323. DOI: <http://doi.org/10.19181/kongress.2020>.
- Тарасов М.В. Сравнительный анализ социальных представлений о патриотизме россиян и жителей западноевропейских стран // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2022. Т. 21. № 3 (164). С. 39–47. DOI: <http://doi.org/10.17922/2071-5323-2022-21-3-39-47>.
- Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022 Т. 6. № 3. С. 9–19. DOI: <http://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>.
- Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю., Казанцев Д.А. Эмиграционные установки и образ патриота в сознании школьников СФО // Южно-российский журнал социальных наук. 2023. Т. 24. № 1. С. 50–64.
- Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю. Динамика модели патриотизма в сознании старших школьников регионов Сибири в условиях изменения геополитической ситуации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 3. С. 435–449. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.305>.
- Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю. Соотношение структуры идентичности и моделей патриотизма у старших школьников сибирских регионов // ВЕСТНИК РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2. С. 49–60.
- Широкалова Г.С. Станет ли патриотизм гражданской религией? // Вопросы культурологии. 2017. № 2. С. 35–41.
- Широкалова Г.С. Историческая память и патриотизм повседневности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3–2. С. 161–174. DOI: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-3/2-161-174>.
- Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы социальной идентификации личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 158–181.

References

- Between patriotism and nationalism. National identity in the education policy of Law and Justice. Comments on the 2017 education reform. Chapter 16. By E.M. Mach (2022), *The Right-Wing Critique of Europe*, Routledge, L. and N.Y., pp. 228–242, DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003226123>.
- Chekmenov, D., Efimova, E., & Davydova, E. (2024), The structure of patriotism as a universal value in the system of value orientations of russian

students and its practical projections, *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University*, vol. 15, no. 1(39), pp. 15–27, DOI: <https://doi.org/10.46991/BY-SU:F/2024.15.1.015>.

Gallaher, C. (2000), Global change, local angst: class and the american patriot movement, *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 18, iss. 6, pp. 667–691, DOI: <https://doi.org/10.1068/d269>.

Patriotism, democracy, and common sense: restoring america's promise at home and abroad (2005), Rowman & Littlefield Publishers.

Perrin, A.J. (2020), Prophets and patriots: faith in democracy across the political divide, *Contemporary Sociology*, vol. 49, iss. 4, pp. 354–355, DOI: <https://doi.org/10.1177/0094306120930218g>.

Roberge, I. (2009), Changing course: policy reversals, terrorist financing and title III of the USA patriot act, *Public Policy and Administration*, vol. 24, iss. 3, pp. 265–279, DOI: <https://doi.org/10.1177/0952076709103811>.

Aseeva, T.A., Shashkova, Ja.Ju (2021), Ideas about the patriotism of schoolchildren of the Siberian Federal District, *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija*, vol. 2, no. 1, pp. 118–129, DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-118-129>, (In Russian).

Belanovskaja, Ju.E., Mironova, A.V., Slizovskij, D.E. (2023), Patriotism and patriots in modern Russia: signs of strength and weakness (historical and political aspect), *Voprosy politologii*, no. 6–2 (94–2), pp. 2911–2919, (In Russian).

Vandysheva, L.V., Vas'kina, Ju.V., Malakanova, O.A., Mitrofanova, S.Ju., Pustarnakova, A.A. (2023), Strategy of mixing methods in the study of identities and practices of consolidation of modern youth, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 4, pp. 81–89, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-81-89>, (In Russian).

Dronova, T.A., Dronov, A.A. (2023), Patriotism is a symbol of the involvement of the future Fatherland (once again about the education of patriotism among students), *Vestnik VSU. Serija: Problemy vysshego obrazovanija*, no. 4, pp. 41–45, (In Russian).

Harichev, A.D., Shutov, A.Ju., Polosin, A.V., Sokolova, E.N. (2022), Perception of basic values, factors and structures of socio-historical development of Russia (based on research and approbation), *Zhurnal politicheskikh issledovanij*, vol. 6, no. 3, pp. 9–19, DOI: <http://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>.

Jadov, V.A. Social and socio-psychological mechanisms of social identification of personality (1995), *Mir Rossii*, no. 3–4, pp. 158–181.

Kon, I.S. (1984), *V poiskah sebja (lichnost' i ee samosoznanie)*, In search of self (personality and self-awareness), Moscow, Russia, (In Russian).

Marshak, A.L., Rozhkova, L.V., Dubina, A.Sh. (2024), Citizenship and patriotism in the views of regional youth, *Vlast'*, vol. 32, no. 3, pp. 239–245.

Patriotizm kak proekt (metodologija i opyt jem-piricheskogo issledovanija): monografija (2024), Patriotism as a project (methodology and empirical research experience): monograph, E.Ju. Aleksejcheva i dr.; otv. red. S.V. Chernen'kaja, MCPU, Moscow, Russia.

Protopopova, G.A., Samsonova, I.V. (2023), The influence of school education on the formation of patriotic beliefs among young people in the Republic of Sakha (Yakutia), *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova. Serija «Jekonomika. Sociologija. Kul'turologija»*, no. 4 (32), pp. 159–166, DOI: <http://doi.org/10.25587/2587-8778-2023-4-159-166>.

Sem'ja i deti v Rossii. Special'nyj doklad Obshhestvennoj palaty Rossijskoj Federacii. Statisticheskij sbornik Rosstata (2024), Family and Children in Russia. Special report of the Civic Chamber of the Russian Federation. Statistical collection of Rosstat, PP RF; Rosstat, Moscow, Russia.

Sociologija i obshhestvo: tradicii i innovacii v social'nom razvitii regionov (2020), Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions, Collection of documents of the VI All-Russian Sociological Congress (Tyumen, October 14–16, 2020), Sessija 11. Pomnim, gordimsja: molodezh' Rossii o Velikoj Otechestvennoj vojne i patrioticheskoe vospitanie molodezhi, Otv. red. V. A. Mansurov; red. E. Ju. Ivanova. ROS; FNISC RAN, Moscow, 1 jelektron. opt. disk 12 sm. (CD-ROM), pp. 1171–1323, DOI: <http://doi.org/10.19181/kongress>.

Shashkova, Ja.Ju., Aseev, S.Ju., Kazancev, D.A. (2023), Migration attitudes and the image of a patriot in the minds of students of the Siberian Federal District. South Russian Journal of Social Sciences, *Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk*, vol. 24, no. 1, pp. 50–64.

Shashkova, Ja.Ju., Aseev, S.Ju. (2023a), The dynamics of the model of patriotism in the minds of senior schoolchildren in the regions of Siberia in the context of a changing geopolitical situation, *Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS*, vol. 19, no. 3, pp. 435–449, DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.305>.

Shashkova, Ja.Ju., Aseev, S.Ju. (2023b), The relationship between the structure of identity and the model of patriotism among senior schoolchildren in Siberian regions, *VESTNIK RFFI, Gumanitarnye i obshhestvennye nauki*, no. 2, pp. 49–60.

Shirokalova, G.S. (2017), Will patriotism become a civil religion?, *Voprosy kul'turologii*, no. 2, pp. 35–41.

Shirokalova, G.S. (2018), Historical memory and patriotism of everyday life, *Istoricheskaja i*

social'no-obrazovatel'naja mysl', vol. 10, no. 3–2, pp. 161–174, DOI: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-3/2-161-174>.

Tarasov, M.V. (2022), Comparative analysis of social ideas about patriotism of Russians and residents of Western European countries, *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta*, vol. 21, no. 3 (164), pp. 39–47, DOI: <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2022-21-3-39-47>.

Zagrebin, V.V., Kiselev, I.Ju., Ovchinnikova, N.V., Smirnova, A.G., Jasjuchenja, E.V. (2021),

The influence of patriotic education on the image of a patriot among young people (on the example of the Yaroslavl region), *Social'nye i humanitarnye znaniya*, no. 7 (2), pp. 182–193, DOI: <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2021-2-182-193>, (In Russian).

Submitted: 01.12.2024

Revised: 20.01.2025

Accepted: 04.03.2025

SCIENTIFIC ARTICLE

DOI: 10.18287/

Submitted: 02.12.2024

Revised: 15.01.2025

Accepted: 11.03.2025

Yunhui Zhao

Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: zhaoyunhui2020@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9118-7355>**Social governance mechanisms in China
under the impact of globalization**

Abstract: the article is devoted to the consideration of the evolution of social governance in China in the context of globalization, starting from the pre-reform period and ending with the modern stage. To achieve this goal, the tasks are solved, consisting in the analysis of scientific and educational literature on the transformation of social security mechanisms, the influence of globalization on social policy, as well as the role of socio-cultural factors in the formation of the social governance system. It is emphasized that the literature pays attention to both traditional aspects of Chinese society, such as collectivism, hierarchy and family ties, and modern trends related to the development of civil society, volunteerism and patriotism. The authors believe that the most promising direction of research is the study of the influence of the 20th National Congress of the Communist Party of China on the improvement of the social governance system, including the concept of unification of power and an emphasis on the rule of law. The article analyzes examples of specific social mechanisms, such as reforms in the field of health care, education, pensions and unemployment benefits. Particular attention is paid to the transition from the model of social control to social governance based on democracy, the rule of law and pluralistic cooperation between the state and society. The authors conclude that social governance in China in the context of globalization is aimed at creating a harmonious and prosperous society where every citizen can realize his or her potential, and the state ensures stability and development based on the principles of democracy and the rule of law. In conclusion, the importance of further studying socio-cultural factors and adapting the social governance system to new challenges and conditions of globalization is emphasized in order to ensure long-term stability and development of Chinese society.

Key words: social governance; China; globalization; reforms; social security; culture; traditions; modernization; democracy; rule of law.

Citation: Zhao, Yunhui (2025), Social governance mechanisms in China under the impact of globalization, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 90–103, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-90-103>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Zhao Yunhui, 2025

Yunhui Zhao – Intern at the Department of Social Technologies, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, 1/33, Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russian Federation.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 316.4(510)

Юньхуэй Чжао

МГУ имени М.В. Ломоносова,

г. Москва, Российская Федерация

E-mail: zhaoyunhui2020@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9118-7355>**Социальные механизмы управления в Китае
под воздействием глобализации**

Аннотация: статья посвящена рассмотрению эволюции социального управления в Китае в условиях глобализации, начиная с дореформенного периода и заканчивая современным этапом. Для достижения этой цели решаются задачи, состоящие в анализе научной и учебной литературы о трансформации механизмов социального обеспечения, влиянии глобализации на социальную политику, а также роли социокультурных факторов в формировании системы социального управления. Подчеркивается, что в литературе уделяется внимание как традиционным аспектам китайского общества, таким как кол-

лективизм, иерархичность и семейные связи, так и современным тенденциям, связанным с развитием гражданского общества, волонтерством и патриотизмом. Наиболее перспективным направлением исследования авторы считают изучение влияния 20-го Национального съезда Коммунистической партии Китая на совершенствование системы социального управления, концепцию объединения власти и акцент на верховенстве закона. В статье анализируются примеры конкретных социальных механизмов, таких как реформы в области здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения и пособий по безработице. Особое внимание уделяется переходу от модели социального контроля к социальному управлению, основанному на демократии, верховенстве закона и плюралистическом сотрудничестве между государством и обществом. Авторы приходят к выводу, что социальное управление в Китае в условиях глобализации направлено на создание гармоничного и процветающего общества, где каждый гражданин может реализовать свой потенциал, а государство обеспечивает стабильность и развитие на основе принципов демократии и верховенства закона. В заключение подчеркивается важность дальнейшего изучения социокультурных факторов и адаптации системы социального управления к новым вызовам и условиям глобализации для обеспечения долгосрочной стабильности и развития китайского общества.

Ключевые слова: социальное управление; Китай; глобализация; реформы; социальное обеспечение; культура; традиции; модернизация; демократия; верховенство закона.

Цитирование: Чжао Юньхуэй Социальные механизмы управления в Китае под воздействием глобализации // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 90–103. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-90-103>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Чжао Юньхуэй, 2025

Юньхуэй Чжао – стажер кафедры социальных технологий, социологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, 119234, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1. стр. 33.

Introduction

Since the late 1970s, China has undergone fundamental economic transformations, shifting from a socialist model to a market-oriented economy. This transition has profoundly impacted the country's social security system, which was previously an integral part of the socialist framework. As China integrated into the global economy, the forces of globalization increasingly influenced the reform of its social policies.

Prior to the reforms, the urban social security system was closely intertwined with the economic structure of state-owned enterprises (SOEs). SOEs served as the foundation of China's socialist economy, engaging in economic production while simultaneously providing social protection. The government exercised centralized control over economic activities and distributed social benefits through these state-owned enterprises.

In contrast, rural areas relied on collective organizations, where farmers jointly owned agricultural land, which served as the basis for both economic production and social security. These collective structures played a vital role in ensuring the welfare of rural communities.

The shift toward a market economy and the growing influence of globalization necessitated significant adjustments in China's social governance mechanisms. The dismantling of the traditional SOE system and the transition to individual responsibility for economic well-being introduced new challenges in social security provision. Furthermore, the influx of global capital, technology, and ideas further complicated China's social governance landscape.

The mechanisms China employs to address these challenges include reforms in healthcare, education, pension systems, and unemployment benefits. An important observation is that despite China's relatively low level of economic development prior to the reforms, the pre-reform social security system evidently provided essential protection for the population. Specifically, measures ensuring basic subsistence effectively prevented mass starvation and promoted primary education, laying the foundation for future human capital development.

Following the initiation of economic reforms in the late 1970s, the Chinese government implemented targeted reform policies tailored to the distinct conditions of urban and rural areas, acknowledging the structural differences inherent in these societal domains.

Methods and criteria for selecting literature sources

The pre-reform social governance system in China evolved within a unique political and socio-economic context shaped by several key factors.

First, its ideological orientation was firmly rooted in the socialist agenda, emphasizing equality and social justice while promoting a collective approach to both economic and social life. Socialist ideology required the government to assume primary, if not total, responsibility for citizens' social protection, shielding them from adverse social consequences such as hunger and poverty. The government's commitment extended to various forms of social security and as-

stance for vulnerable individuals, reflecting a comprehensive dedication to welfare provision. As noted by X. Guan, China's social policy during this period aimed to establish a "developmental welfare state," where the state played a central role in delivering social services (Guan, 2005).

Second, this commitment was politically institutionalized as a paramount imperative of the Communist Party and the socialist government. Particularly during the Cold War, amid ideological and political competition between capitalist and communist blocs, the social security system served as a tool to demonstrate the purported superiority of the communist regime in guaranteeing a minimum standard of living for its population, thereby reinforcing its legitimacy. E. Laurent emphasizes that during the Cold War, social welfare was a key element of the ideological struggle between the two blocs (Laurent, 2020).

Third, the socialist model of economic development that prevailed during this period significantly influenced the structure and functioning of the social security system. State-owned enterprises (SOEs) were the primary drivers of China's industrialization program, with economic activities being centrally planned and controlled by the government. Consequently, for SOE employees, both wages and social benefits were subject to centralized planning and regulation, further reinforcing the state's role as the main provider of social security. This centralized control ensured a certain degree of uniformity and comprehensiveness in welfare provision, albeit within the constraints imposed by the prevailing economic model. As noted by O.A. Dambaeva and V.S. Morozova, China's pre-reform social governance model was characterized by centralization and extensive state control (Dambaeva & Morozova, 2013).

Under the pre-reform system, employment and social security were so closely intertwined as to be practically inseparable. State employees received relatively low wages, which were nevertheless compensated by a comprehensive package of social benefits, ensuring a degree of economic security despite modest earnings.

In rural areas, the organizational structure of the people's commune—a collective farming entity—played a pivotal role. Membership in the commune, which encompassed nearly all farmers, guaranteed equal access to collectively owned agricultural land, effectively providing a subsistence-level safety net for all community members. Moreover, this collective economic foundation facilitated the development of certain universal social services, particularly basic education and healthcare, alongside the establishment of a rural social assistance system. A.G. Runova analyzes China's social governance model and emphasizes the significance of collective farming structures during the pre-reform period (Runova, 2020).

Beyond these formal structures, the Chinese government also placed considerable emphasis on the

role of family and kinship networks in supporting those unable to participate actively in economic activities. Consequently, access to social benefits provided by collective organizations was primarily restricted to individuals lacking family support, such as elderly people living alone, underscoring the importance of familial assistance within the broader social security framework. This reliance on family and kinship ties served as a complement to the formal welfare system, highlighting the interplay between institutional and informal mechanisms of social support. As argued by L.S. Veselova, P.P. Deryugin, and L.A. Lebedintseva, Chinese sociology has consistently emphasized the role of family and traditional values in the social organization of society (Veselova, Deryugin, & Lebedintseva, 2018).

Identifying Key Social Governance Mechanisms in Contemporary China In the context of China's governance modernization, the objective of social governance is to establish a mechanism based on government-citizen collaboration in decision-making on matters of national importance. This mechanism is designed to foster and strengthen public trust while cultivating a sense of civic responsibility, thereby maximizing societal interests and raising collective consciousness. As M. Wang notes, the modernization of social governance in China aims to build a "harmonious socialist society" in which the interests of the state and the people align (Wang, 2018).

Increasing the participation of the people and society in the management of public affairs helps to strengthen trust and cooperation between people and society, as well as between society and Government. In other words, social management should activate the enthusiasm and initiative of people and society, creating conditions for the full realization of innovative potential and social viability. It is important to involve everyone in the network of social cooperation, while strengthening the support, trust and interaction of the people with the party and the government to increase the effectiveness and potential of public administration in general. Y. Ding, 2018) emphasizes the importance of "Xi Jinping's thought on socialism with Chinese characteristics in a new era" for the development of modern social governance (Ding 2018). Q. Ma and H. Zhou explores the concept of "co-construction, co-management and co-use" in social management, which involves broad public participation in the management of public affairs (Ma 2018; Zhou 2016).

However, it should be noted that the practice and theory of modern management in China are at an early stage of development. Guo S. and Jiang, T. note that China is moving from "social control" to "social governance", which requires new approaches and mechanisms (Guo, Jiang 2017). H. Snape also emphasizes the importance of analyzing the discourse of the party and the government to understand changes

in social governance (Snape 2019). J. Tang points out The need to separate the functions of government and society for effective social governance (Tang 2015). J. Yan explores the theoretical foundations and practical innovations in Chinese social management (Yan 2017). H. Zhou examines social management in the context of management reform in China (Zhou 2018).

To successfully implement new approaches, China creates and adapts various social management mechanisms designed to ensure the effective functioning of society in the context of modernization. Table 1 shows the main social governance mechanisms in China.

China's social governance mechanism continues to evolve and adapt to new challenges in the context of globalization. In recent years, the country has witnessed a growing number of localized mass protests, reflecting social tensions that typically stem not from dissatisfaction with the central government, but rather from specific practices and policies implemented by local authorities. These protests often reveal discrepancies between citizens and local governments, highlighting the need for effective social conflict management.

In this context, the report of the 17th CPC National Congress proposed a potential solution by advocating for the establishment of procedures and mechanisms grounded in democratic principles and the rule of law (Ding, 2018). The implementation of social governance practices, the promotion of self-governance, the

protection of civil rights, and the inclusion of all relevant societal stakeholders in governance processes are expected to help prevent or resolve many emerging issues.

When social conflicts arise, both the government and involved parties can refer to pre-established agreements to address disputes. This approach reduces the likelihood of protests being directly targeted at the government, as conflict resolution rules and mechanisms are developed through multi-stakeholder consensus based on democratic and legal principles. Crucially, in such a system, those who violate established rules are held accountable for their actions and face appropriate consequences, whether legal or financial.

Thus, the creation of transparent and democratic social governance mechanisms can contribute to mitigating social tensions and enhancing societal stability (Snape, 2019). This framework not only facilitates orderly conflict resolution but also reinforces public trust in institutional processes, ultimately supporting China's broader goals of maintaining social harmony amid rapid socioeconomic transformation.

Significant changes took place at the 18th Congress of the Communist Party of China (CPC). The third Plenum of the CPC Central Committee of the 18th convocation included the concepts of "democracy" and "rule of law" among the core values of Chinese socialism and set the goal of modernizing

Table 1

Basic social governance mechanisms in China

Aspect of the management	Goals	Functions	Examples
Economic	- Ensuring sustainable economic growth; - Improving the standard of living of the population; - Ensuring the competitiveness of the national economy in the global market.	- Development and implementation of economic policy (financial, pricing, credit, investment, labor, etc.); - Regulation of economic relations; - Creation of favorable conditions for the development of entrepreneurship.	- State planning and regulation of the economy; - Support for key industries; - Attracting foreign investments; - Infrastructure development.
Organizational	- Ensuring political stability; - Strengthening State power; - Effective management of public processes.	- Implementation of the political leadership of the country; - Management of the administrative and state apparatus; - Ensuring law and order.	- Activities of the Chinese Communist Party; - The work of the Government and Parliament; - The activities of law enforcement agencies.
Socio-cultural	- Ensuring social harmony; - Satisfaction of individual, group and public interests; - Creating conditions for the spiritual and cultural development of society.	- Implementation of social policy aimed at solving social problems; - Support for education, science, culture and healthcare; - Formation of civil society.	- Development of the education and healthcare system; - Support for cultural initiatives; - Conducting social programs.

the public administration system and the potential of public administration. This has led to the formation of a new management concept, which is not a simple change in terminology, but rather a significant conceptual transformation. New ideas such as "rule of law governance," "constitution-based governance," and "rule of law society" were further developed at the fourth plenum of the CPC Central Committee of the 18th convocation, marking the beginning of a "new normal" in the Xi Jinping era (Wang 2018).

In the context of the transition to a governance model in China, the fundamental goal of social governance is to transform from social control to social governance based on democracy and the rule of law, as well as pluralistic cooperation between the state and society. Modern public administration or good governance is aimed at improving the efficiency and quality of public services; social governance, on the contrary, is designed to create an open, free, democratic, equitable, just and modern society in which every citizen (and not the elected) has freedoms and the right to strive for happiness, having the appropriate opportunities for this.

The peculiarity of social management in China is not so much the implementation of social control or maintaining stability by any means, as the creation of conditions for the comprehensive development of the individual and society. It is supposed to encourage and trust citizens, stimulate their sense of responsibility for society and public affairs, strengthen their social and civic consciousness, as well as enhance their participation in public life. The main thing is to promote trust and cooperation between the state and society, which creates the basis for harmonious development.

Social governance, therefore, should stimulate the vitality and innovation of people and society by involving them in a network of social cooperation and strengthening people's support, trust and cooperation with the government. Encouraging the participation of the public and society in public affairs is aimed at increasing the potential of public administration, which, in turn, contributes to improving the quality of life of citizens.

At the same time, the Government must adhere to the rule of law and regulate the exercise of power, public order, participation in public life, and law-based governance. The subsequent improvement of the potential of public administration and the provision of better and more efficient public services, as well as the promotion and improvement of the ability of society to self-government, are aimed at achieving long-term stability of the State and society.

Results and conclusions

Social governance in China in the context of globalization is aimed at creating a harmonious and prosperous society where every citizen can realize their potential, and the state ensures stability and develop-

ment based on the principles of democracy and the rule of law. In the context of globalization, the transformation of traditional social control mechanisms into modern models of social governance in China determines the need for a comprehensive reassessment and modification of the fundamental concepts, methods and tools used by the party and the government in this area. The evolution of social management, first of all, involves the rejection of outdated paradigms and stereotypes of thinking inherent in traditional social control. At the same time, rethinking and updating of social management systems and models is required, with an emphasis on legitimizing and standardizing the relevant processes. In this regard, the analysis of socio-cultural factors influencing social governance in China is becoming key to understanding the country's development prospects. The following is table 2, which systematizes the main socio-cultural factors influencing social governance in China (Laurent 2020).

The presented table illustrates the diversity of sociocultural factors that significantly influence China's social governance system. The analysis of these factors reveals both traditional foundations shaping a unique governance model and contemporary trends driven by globalization and modernization processes in Chinese society.

The collectivist structure of social relations plays a pivotal role in shaping state social policy, where prioritizing public interests over individual ones facilitates the implementation of large-scale projects and the achievement of social stability. A manifestation of this factor is the "danwei" (work unit) system, which underscores the importance of labor collectives in social organization. Hierarchical principles permeating all levels of social relations - from family ties to state structures - foster respect for authority and compliance with superiors. This finds expression in Confucian ethics and the state governance system. Family networks, traditionally crucial in Chinese society, present a dual dynamic: they may enhance social mobility and economic development (e.g., through "guanxi" practices) while simultaneously creating risks of nepotism and corruption (Savchenko & Kremnyov, 2023).

Civic engagement, including participation in public organizations and volunteer activities, indicates the development of civil society in China. The work of organizations like the All-China Women's Federation and All-China Federation of Trade Unions facilitates the representation of diverse social groups' interests and citizen participation in governance. The growth of volunteer movements, particularly during natural disasters and social crises, demonstrates Chinese society's capacity for self-organization and mutual assistance. This phenomenon reflects both traditional values of community solidarity and modern approaches to social governance.

Education and National Culture in China's Social

Governance System is rooted in centuries-old traditions, education and national culture play a fundamental role in shaping value systems and social behavior in China. Confucianism, with its reverence for education, respect for knowledge, and moral principles, has profoundly influenced China's approach to social governance. Traditional arts and literature, reflecting cultural values and ideals, contribute to aesthetic cultivation and spiritual development. Patriotism, as a crucial element of national identity, fosters social cohesion and support for state policies.

Traditional Values and Social Stability. Social traditions and moral norms - including the celebration of

traditional festivals, respect for labor, modesty, collectivism, harmony, and justice - form a value system that permeates state ideology and social policy. Adherence to ethical principles such as honesty, integrity, and responsibility serves as a critical factor in maintaining social stability and effective governance. Work Ethic and Economic Development

Lifestyle patterns and work attitudes characterized by diligence, frugality, and professional responsibility contribute significantly to China's economic progress and social welfare. The cultural emphasis on labor, high productivity, and efficient resource utilization has been instrumental in China's contemporary global success.

Table 2

Socio-cultural factors influencing social governance in China

Socio-cultural factor	Impact on social management	Examples
The structure of social relations		
Collectivism	The priority of the interests of society over the interests of the individual; the importance of social harmony and consensus.	The Danwei system (work collectives), emphasis on group responsibility, participation in public events.
Hierarchy	Respect for elders and superiors, submission to authority; a clear vertical of power.	Confucian ethics, the system of government positions, respect for party leaders.
Family ties	The importance of family ties and kinship relations; clannishness and nepotism.	The tradition of "Guanxi" (connections), the influence of family clans on business and politics.
Social activities		
Participation in public organizations	Development of civil society, participation in the activities of associations and associations.	The activities of public organizations such as the All-China Federation of Women, the All-China Federation of Trade Unions.
Volunteering	Gratuitous assistance to society, participation in volunteer projects.	Development of the volunteer movement, participation in the elimination of the consequences of natural disasters.
Education and culture		
Confucianism	A system of ethical and philosophical teachings that has had a huge impact on culture and social governance.	Respect for knowledge, the cult of education, the importance of moral principles.
Traditional arts and literature	The reflection of cultural values and ideals, the formation of aesthetic taste.	The development of traditional painting, calligraphy, music, and literature.
Patriotism	A sense of national pride and dedication to the country.	Fostering patriotism in schools, holding patriotic events.
Social traditions, values, and moral norms		
Traditional holidays	Celebrating traditional holidays such as Chinese New Year, Mid-Autumn Festival.	Preservation of cultural traditions, strengthening of family ties.
Values	Respect for work, modesty, teamwork, harmony, justice.	Formation of a system of values reflected in the state ideology.
Moral standards	Observance of moral norms and rules of behavior, such as honesty, decency, responsibility.	Control over the observance of moral norms in society.
Lifestyle, habits and attitude to work		
Industriousness	High work activity, striving to achieve success.	The cult of labor, high labor productivity.
Thrift	Moderation in consumption, saving resources.	Rational use of resources, combating waste.
Attitude to work	Responsible attitude to work, professionalism.	Professional skills development, professional development.

Challenges of Modernization. Despite these achievements, globalization and domestic societal transformation present new challenges requiring modernization of China's social governance framework. One key modernization direction involves enhancing citizen participation in political processes by:

1. Guaranteeing access to information
2. Facilitating engagement in policy deliberation and decision-making
3. Strengthening public oversight in social policy formulation and implementation

This evolutionary approach seeks to balance traditional cultural foundations with contemporary governance demands, maintaining social stability while adapting to changing socioeconomic conditions.

An analysis of the concept and practice of social management in China during the reign of Hu Jintao demonstrates that, despite some successes, this model largely retained the features of traditional social control, where the dominant role was assigned to the state. The priorities declared at that time were to ensure stability and harmony in society, which, in fact, amounted to attempts to control potential factors of instability and neutralize disharmonious phenomena. However, such an approach based on the application of temporary solutions is not capable of ensuring long-term peace and sustainable development of society (Runova 2020).

It should be noted that in the period of globalization, China is facing new challenges and threats that require an adequate transformation of the social management system. In this regard, there is a need to develop and implement new, more effective mechanisms that can ensure a balance between the interests of the state and society, as well as create conditions for sustainable development of the country in a dynamically changing world.

Characterized by the increasing complexity of social contradictions and challenges, the 20th National Congress of the Communist Party of China, held in October 2022, adopted a number of strategically important resolutions aimed at improving the social management system. The innovation was the concept of social governance based on the principle of unifica-

tion of power, which implies an integrated approach to government, combining centralized leadership with the principles of the rule of law.

According to this concept, the Chinese Communist Party carries out comprehensive governance of the country in accordance with the law, striving to build a State governed by the rule of law, where legality and justice are fundamental principles.

Governance based on the rule of law and centralization is seen as a profound revolution in the public administration system, as it ensures effective leadership of the country, promotes its prosperity, guarantees a peaceful and happy life for the people, and creates conditions for the long-term stability of the party and the state.

Conclusion

China attaches particular importance to enhancing the role of the rule of law in strengthening the fundamental foundations of the State, stabilizing public expectations and ensuring the long-term interests of society. It emphasizes the need to follow the path of the socialist rule of law with Chinese characteristics, the formation of a socialist system of the rule of law with Chinese characteristics and the creation of a socialist rule of law state that will guarantee justice in society and promote the governance of the country in accordance with the law.

China strives to build a State governed by the rule of law, a Government governed by the rule of law, and a society governed by the rule of law, which involves creating an effective legal regulation system, ensuring strict enforcement of laws, and fostering a legal culture in society. Within the framework of this approach, special attention is paid to the comprehensive development of scientific legislation, strict law enforcement, a fair judicial system, law-abiding of all citizens and strengthening the rule of law in all spheres of state life.

Thus, the decisions taken regarding social governance reflect the country's desire to modernize the public administration system, strengthen the rule of law and ensure stable development in the context of globalization.

Введение

С конца 1970-х годов Китай претерпел фундаментальные экономические преобразования, перейдя от социалистической модели к рыночной экономике. Этот переход оказал глубокое влияние на систему социального обеспечения страны, которая ранее была неотъемлемой частью социалистической системы. По мере того как Китай интегрировался в мировую экономику, силы глобализации все больше влияли на реформу его социальной политики. До реформ городская система социального обеспечения была тесно переплетена с экономической системой государственных предприятий (ГП). Государственные предприятия служили основой социалистической экономики Китая, одновременно участвуя в экономическом производстве и обеспечивая социальную защиту. Правительство осуществляло централизованный контроль за экономической деятельностью и предоставляло социальные пособия через эти государственные предприятия.

В отличие от этого, сельские районы опирались на коллективные организации, где фермеры совместно владели сельскохозяйственными угодьями, что служило основой как для экономического производства, так и для социальной защиты. Коллективные структуры играли жизненно важную роль в обеспечении благосостояния сельских общин.

Переход к рыночной экономике и растущее влияние глобализации потребовали внесения существенных изменений в механизмы социального управления в Китае. Ликвидация традиционной системы государственных предприятий и переход к индивидуальной ответственности за экономическое благополучие поставили новые задачи в области социального обеспечения. Более того, приток мирового капитала, технологий и идей еще больше усложнил ситуацию с социальным управлением в Китае.

Социальные механизмы, которые Китай использует для решения проблем, а именно реформы в области здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения и пособий по безработице. Важным моментом, который следует признать, является то, что, несмотря на относительно низкий уровень экономического развития Китая до проведения реформ, дореформенная система социального обеспечения явно правлялась с необходимой социальной защитой китайского населения, а именно меры по обеспечению элементарных средств к существованию, которые эффективно предотвратили массовый голод и способствовали обеспечению начального образования, заложив основу для будущего развития человеческого капитала. После начала экономических реформ в конце 1970-х годов китайское правительство проводило четкую политику реформ, адаптированную к конкретным условиям городских и сельских районов, признавая структурные различия, присущие этим сферам общества.

Методы и критерии отбора литературных источников

Дореформенная система социального управления в Китае развивалась в особом политическом и социально-экономическом контексте, определявшемся несколькими факторами.

Во-первых, ее идеологическая направленность была прочно укоренена в социалистической программе, подчеркивающей равенство и социальную справедливость и поощряющей коллективный подход как к экономической, так и к социальной жизни. Социалистическая идеология требовала, чтобы правительство брало на себя основную, если не полную ответственность за социальную защиту граждан, ограждая их от таких социальных последствий, как голод и нищета. Обязательство правительства распространялось на различные формы оказания социальной помощи нуждающимся лицам, отражая всестороннюю приверженность социального обеспечения. Как отмечает Х. Guan, социальная политика Китая в этот период была направлена на создание «развивающегося государства всеобщего благосостояния», где государство играло центральную роль в предоставлении социальных услуг (Guan 2005).

Во-вторых, обязательство было политически оформлено как первостепенный императив Коммунистической партии и социалистического правительства. Особенно в эпоху холодной войны, в условиях идеологической и политической конкуренции между капиталистическим и коммунистическим блоками, система социального обеспечения служила инструментом демонстрации предполагаемого превосходства коммунистического режима в обеспечении минимального уровня жизни своего населения, тем самым укрепляя его легитимность. Е. Laurent подчеркивает, что в период холодной войны социальное обеспечение было важным элементом идеологической борьбы между двумя блоками (Laurent 2020).

В-третьих, социалистическая модель экономического развития, господствовавшая в этот период, существенно повлияла на структуру и функционирование системы социального обеспечения. Государственные предприятия (ГП) были основной движущей силой программы индустриализации Китая, при этом экономическая деятельность планировалась централизованно и контролировалась правительством. Следовательно, для работников, занятых на госпредприятиях, как заработная плата, так и социальные пособия подлежали централизованному планированию и регулированию, что еще больше укрепило роль государства как основного поставщика социального обеспечения. Такой централизованный контроль гарантировал определенную степень единообразия и всесторонности социального обеспечения, хотя и в рамках ограничений, налагаемых преобладающей экономической моделью. О.А. Дамбаева, В.С. Морозова отмечают, что

китайская модель социального управления до реформ характеризовалась централизацией и всеобъемлющим контролем со стороны государства (Дамбаева, Морозова 2013).

В рамках дореформенной системы неразрывная связь между занятостью и социальным обеспечением делала их практически неразделимыми. Государственные служащие получали относительно низкую заработную плату, которая, однако, компенсировалась полным пакетом социальных пособий, обеспечивающих определенную степень экономической безопасности, несмотря на скромную заработную плату. В сельской местности организационная структура народной коммуны, коллективного хозяйствующего субъекта, играла решающую роль. Членство в коммуне, охватывающее практически всех фермеров, гарантировало равный доступ к находящимся в коллективной собственности сельскохозяйственным угодьям, фактически обеспечивая прожиточный минимум для всех членов общины. Кроме того, эта коллективная экономическая база способствовала развитию некоторых универсальных социальных услуг, в частности базового образования и здравоохранения, наряду с созданием системы социальной помощи в сельской местности. А.Г. Рунова анализирует модель социального управления в Китае и подчеркивает важность коллективных форм хозяйствования в дореформенный период (Рунова 2020).

Помимо этих формальных структур, китайское правительство также уделяло значительное внимание роли семьи и родственных связей в оказании поддержки тем, кто не может активно участвовать в экономической деятельности. Следовательно, доступ к социальным пособиям, предоставляемым коллективными организациями, был в первую очередь ограничен лицами, не имеющими структур семейной поддержки, такими как одинокие пожилые люди, что подчеркивает важность поддержки семьи в рамках более широкой системы социального обеспечения. Такая опора на семью и родственные связи служила дополнением к официальной системе социального обеспечения и подчеркивала взаимосвязь между формальными и неформальными механизмами социальной поддержки. Л.С. Веселова, П.П. Дерюгин, Л.А. Лебединцева считают, что китайская социология всегда уделяла большое внимание роли семьи и традиционным ценностям в социальной организации общества (Веселова, Дерюгин, Лебединцева 2018).

Выявление основных социальных механизмов управления, действующих в современном Китае. В контексте модернизации системы государственного управления в Китае целью социального управления является формирование социального механизма, основанного на взаимодействии правительства и народа в процессе принятия решений по вопросам государственной важности. Данный механизм при-

зван стимулировать и укреплять доверие к народу, а также мотивировать чувство ответственности за общество и государственные дела, обеспечивая тем самым максимизацию общественных интересов и повышение уровня общественного сознания. Как отмечает М. Wang, модернизация социального управления в Китае направлена на создание «гармоничного социалистического общества», где интересы государства и народа совпадают (Wang 2018).

Расширение участия народа и общества в управлении государственными делами способствует укреплению доверия и сотрудничества между людьми и обществом, а также между обществом и правительством. Иными словами, социальное управление должно активизировать энтузиазм и инициативу людей и общества, создавая условия для полной реализации инновационного потенциала и социальной жизнеспособности. Важно вовлечь каждого человека в сеть общественного сотрудничества, усилив при этом поддержку, доверие и взаимодействие народа с партией и правительством для повышения эффективности и потенциала государственного управления в целом. Y. Ding подчеркивает важность «мысли Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху» для развития современного социального управления (Ding 2018). Q. Ma и H. Zhou исследуют концепцию «совместного строительства, совместного управления и совместного использования» в социальном управлении, которая предполагает широкое участие общественности в управлении государственными делами (Ma 2018; Zhou 2016).

Однако необходимо отметить, что практика и теория современного управления в Китае находятся на начальной стадии развития. S. Guo и T. Jiang отмечают, что Китай переходит от «социального контроля» к «социальному управлению», что требует новых подходов и механизмов (Guo, Jiang 2017). H. Snape также подчеркивает важность анализа дискурса партии и правительства для понимания изменений в социальном управлении (Snape 2019). J. Tang указывает на необходимость разделения функций правительства и общества для эффективного социального управления (Tang 2015). J. Yan исследует теоретические основы и практические инновации в социальном управлении Китая (Yan 2017). H. Zhou рассматривает социальное управление в контексте реформы управления в Китае (Zhou 2018).

Для успешной реализации новых подходов Китай создает и адаптирует различные социальные механизмы управления, которые призваны обеспечить эффективное функционирование общества в условиях модернизации. В таблице 1 представлены основные социальные механизмы управления в Китае.

Механизм социального управления в Китае постоянно развивается и адаптируется к новым вызовам и условиям глобализации. В последние годы

Китай столкнулся с увеличением числа локальных массовых протестов, что свидетельствует о наличии социальных напряжений, обусловленных, как правило, не недовольством центральным правительством, а конкретными практиками и политикой местных органов власти. Протесты часто выявляют разногласия между гражданами и местными властями, что подчеркивает необходимость эффективного управления социальными конфликтами. В данном контексте, отчет 17-го съезда КПК предлагает потенциальное решение, заключающееся в создании процедур и механизмов, основанных на принципах демократии и верховенства закона (Ding 2018).

Предполагается, что внедрение социального управления в практику, достижение самоуправления, обеспечение гражданских прав и привлечение всех заинтересованных сторон общества к участию в социальном управлении могут способствовать предотвращению или разрешению многих возникающих проблем. В случае возникновения социального конфликта правительство и все заинтересованные стороны могут обратиться к заранее достигнутым договоренностям для решения проблемы. Такой подход снижает вероятность того, что протесты будут направлены непосредственно против правительства, поскольку правила и механизмы разрешения конфликтов были согласованы между

различными участниками на основе принципов демократии и верховенства закона. Важно отметить, что в такой системе те, кто нарушает установленные правила, несут ответственность за последствия своих действий и подвергаются соответствующему наказанию, юридическому или финансовому. Таким образом, создание прозрачных и демократических механизмов социального управления может способствовать снижению социальной напряженности и укреплению стабильности в обществе (Snape 2019).

На 18-м съезде Коммунистической партии Китая (КПК) произошли значительные изменения. Третий пленум Центрального комитета КПК 18-го созыва включил понятия «демократия» и «верховенство закона» в число основных ценностей китайского социализма и поставил цель модернизации системы государственного управления и потенциала государственного управления. Это привело к формированию новой концепции управления, что представляет собой не простое изменение терминологии, а скорее существенное концептуальное преобразование. Новые идеи, такие как «управление, основанное на верховенстве закона», «управление, основанное на конституции» и «общество верховенства закона», были дополнительно развиты на четвертом пленуме ЦК КПК 18-го созыва, что ознаменовало начало «новой нормы» в эпоху Си Цзиньпина (Wang 2018).

Основные социальные механизмы управления в Китае

Таблица 1

Table 1

Basic social governance mechanisms in China

Аспект механизма управления	Цели	Функции	Примеры
Экономический	- Обеспечение устойчивого экономического роста; - повышение уровня жизни населения; - обеспечение конкурентоспособности национальной экономики на мировом рынке.	- Разработка и реализация экономической политики (финансовой, ценовой, кредитной, инвестиционной, трудовой и т.д.); - регулирование экономических отношений; - создание благоприятных условий для развития предпринимательства.	- Государственное планирование и регулирование экономики; - поддержка ключевых отраслей промышленности; - привлечение иностранных инвестиций; - развитие инфраструктуры.
Организационный	- Обеспечение политической стабильности; - укрепление государственной власти; - эффективное управление общественными процессами.	- Осуществление политического руководства страной; - управление административно-государственным аппаратом; - обеспечение законности и правопорядка.	- Деятельность Коммунистической партии Китая; - работа правительства и парламента; - деятельность правоохранительных органов.
Социокультурный	- Обеспечение социальной гармонии; - удовлетворение индивидуальных, групповых и общественных интересов; - создание условий для духовного и культурного развития общества.	- Осуществление социальной политики, направленной на решение социальных проблем; - поддержка образования, науки, культуры и здравоохранения; - формирование гражданского общества.	- Развитие системы образования и здравоохранения; - поддержка культурных инициатив; - проведение социальных программ.

В условиях перехода к модели управления в Китае фундаментальная цель социального управления заключается в трансформации от социального контроля к социальному управлению, основанному на демократии и верховенстве закона, а также на плюралистическом сотрудничестве между государством и обществом. Современное государственное управление или надлежащее управление направлено на повышение эффективности и качества государственных услуг, социальное управление, напротив, призвано создать открытое, свободное, демократическое, равноправное, справедливое и современное общество, в котором каждый гражданин (а не избранные) обладает свободами и правом стремиться к счастью, имея для этого соответствующие возможности.

Особенностью социального управления в Китае является не столько осуществление социального контроля или поддержание стабильности любыми средствами, сколько создание условий для всестороннего развития личности и общества. Предполагается поощрение и доверие к гражданам, стимулирование их чувства ответственности за общество и общественные дела, укрепление их общественного и гражданского сознания, а также активизацию их участия в общественной жизни. Главным является содействие доверию и сотрудничеству между государством и обществом, которое создает основу для гармоничного развития.

Социальное управление, таким образом, должно стимулировать жизнеспособность и инновации людей и общества, вовлекая их в сеть общественно-государственного сотрудничества и усиливая поддержку, доверие и сотрудничество людей с правительством. Поощрение участия общественности и общества в государственных делах направлено на повышение потенциала государственного управления, что, в свою очередь, способствует улучшению качества жизни граждан.

В то же время правительство должно придерживаться принципа верховенства закона и регулировать осуществление власти, общественный порядок, участие в общественной жизни и управление на основе закона. Последующее улучшение потенциала государственного управления и предоставление более качественных и эффективных государственных услуг, а также содействие и улучшение способности общества к самоуправлению направлены на достижение долгосрочной стабильности государства и общества.

Полученные результаты и выводы

Социальное управление в Китае в условиях глобализации направлено на создание гармоничного и процветающего общества, где каждый гражданин может реализовать свой потенциал, а государство обеспечивает стабильность и развитие на основе принципов демократии и верховенства закона. В

условиях глобализации трансформация традиционных механизмов социального контроля в современные модели социального управления в Китае детерминирует необходимость комплексной переоценки и модификации фундаментальных концепций, методов и средств, применяемых партией и правительством в данной сфере. Эволюция социального управления, в первую очередь, предполагает отказ от устаревших парадигм и стереотипов мышления, присущих традиционному социальному контролю. Вместе с тем требуется переосмысление и обновление систем и моделей социального управления, с акцентом на легитимизацию и стандартизацию соответствующих процессов. В этой связи анализ социокультурных факторов, влияющих на социальное управление в Китае, становится ключевым для понимания перспектив развития страны. Далее представлена табл. 2, в которой систематизированы основные социокультурные факторы, оказывающие влияние на социальное управление в Китае (Laurent 2020).

Представленная таблица демонстрирует многообразие социокультурных факторов, оказывающих существенное влияние на систему социального управления в Китае. Анализ данных факторов выявил, как традиционные устои, формирующие уникальную модель управления, так и современные тенденции, обусловленные процессами глобализации и модернизации китайского общества.

Структура социальных отношений, характеризующаяся коллективизмом, играет ключевую роль в формировании социальной политики государства, где приоритет общественных интересов над индивидуальными способствует реализации масштабных проектов и достижению социальной стабильности. Примером проявления данного фактора служит система «даньвэй», подчеркивающая значение трудовых коллективов в социальной организации. Иерархичность, пронизывающая все уровни общественных отношений, от семейных уз до государственной иерархии, обуславливает уважение к авторитету и подчинение вышестоящим, что находит отражение в конфуцианской этике и системе государственного управления. Семейные связи, традиционно играющие важную роль в китайском обществе, могут как способствовать социальной мобильности и экономическому развитию (например, через традицию «гуаньси»), так и создавать риски клановости и коррупции (Савченко, Кремнёв 2023).

Общественная деятельность, включающая участие в общественных организациях и волонтерство, свидетельствует о развитии гражданского общества в Китае. Деятельность таких организаций, как Всекитайская федерация женщин и Всекитайская федерация профсоюзов, способствует представлению интересов различных социальных групп и участию граждан в управлении государством. Развитие волонтерского движения, особенно в усло-

виях стихийных бедствий и социальных кризисов, демонстрирует готовность китайского общества к самоорганизации и взаимопомощи.

Образование и национальная культура, основанные на многовековых традициях, играют важную роль в формировании системы ценностей и социального поведения. Конфуцианство, с его культом образования, уважением к знаниям и моральным принципам, оказало глубокое влияние на социальное управление в Китае. Традиционные искусства и литература, отражая культурные ценности и идеалы, способствуют формированию эстетического

вкуса и духовного развития личности. Патриотизм, являясь важным элементом национальной идентичности, способствует консолидации общества и поддержке государственной политики.

Общественные традиции, ценности и моральные нормы, такие как отмечание традиционных праздников, уважение к труду, скромность, коллективизм, гармония и справедливость, формируют систему ценностей, отраженную в государственной идеологии и социальной политике. Соблюдение моральных норм и правил поведения, таких как честность, порядочность и ответственность, является

Социокультурные факторы, влияющие на социальное управление в Китае

Socio-cultural factors influencing social governance in China

Таблица 2

Table 2

Социокультурный фактор	Влияние на социальное управление	Примеры проявления
Структура социальных отношений		
Коллективизм	Приоритет интересов общества над интересами индивида; важность социальной гармонии и консенсуса.	Система «даньвэй» (рабочие коллективы), акцент на групповой ответственности, участие в общественных мероприятиях.
Иерархичность	Уважение к старшим и вышестоящим, подчинение авторитету; четкая вертикаль власти.	Конфуцианская этика, система государственных должностей, уважение к партийным лидерам.
Семейные связи	Важность семейных уз и родственных отношений; клановость и кумовство.	Традиция «гуаньси» (связи), влияние семейных кланов на бизнес и политику.
Общественная деятельность		
Участие в общественных организациях	Развитие гражданского общества, участие в деятельности ассоциаций и объединений.	Деятельность общественных организаций, таких как Всекитайская федерация женщин, Всекитайская федерация профсоюзов.
Волонтерство	Безвозмездная помощь обществу, участие в добровольческих проектах.	Развитие волонтерского движения, участие в ликвидации последствий стихийных бедствий.
Образование и национальная культура		
Конфуцианство	Система этических и философских учений, оказавшая огромное влияние на культуру и социальное управление.	Уважение к знаниям, культ образования, важность моральных принципов.
Традиционные искусства и литература	Отражение культурных ценностей и идеалов, формирование эстетического вкуса.	Развитие традиционной живописи, каллиграфии, музыки, литературы.
Патриотизм	Чувство национальной гордости и преданности своей стране.	Воспитание патриотизма в школах, проведение патриотических мероприятий.
Общественные традиции, ценности и моральные нормы		
Традиционные праздники	Отмечание традиционных праздников, таких как Китайский Новый год, Праздник середины осени.	Сохранение культурных традиций, укрепление семейных связей.
Ценности	Уважение к труду, скромность, коллективизм, гармония, справедливость.	Формирование системы ценностей, отраженных в государственной идеологии.
Моральные нормы	Соблюдение моральных норм и правил поведения, таких как честность, порядочность, ответственность.	Контроль за соблюдением моральных норм в обществе.
Стиль жизни, привычки и отношение к труду		
Трудолюбие	Высокая трудовая активность, стремление к достижению успеха.	Культ труда, высокая производительность труда.
Бережливость	Умеренность в потреблении, экономия ресурсов.	Рациональное использование ресурсов, борьба с расточительством.
Отношение к труду	Ответственное отношение к работе, профессионализм.	Развитие профессиональных навыков, повышение квалификации.

важным фактором социальной стабильности и эффективного управления. Стил жизни, привычки и отношение к труду, характеризующиеся трудолюбием, бережливостью и ответственным отношением к работе, способствуют экономическому развитию и социальному благополучию страны. Культ труда, высокая производительность труда и рациональное использование ресурсов являются важными факторами успеха Китая в современном мире.

Однако, несмотря на достигнутые успехи, глобализация и внутренняя трансформация общества ставят перед Китаем новые вызовы, требующие модернизации системы социального управления. Одним из направлений модернизации социального управления является расширение и гарантирование участия граждан в политической жизни страны, обеспечение их права на получение информации, участие в обсуждении и принятии решений, а также контроль за разработкой и реализацией социальной политики.

Анализ концепции и практики социального управления в Китае в эпоху правления Ху Цзиньтао демонстрирует, что, несмотря на определенные успехи, данная модель во многом сохраняла черты традиционного социального контроля, где доминирующая роль отводилась государству. Приоритетными задачами, декларируемыми в тот период, являлись обеспечение стабильности и гармонии в обществе, что, по сути, сводилось к попыткам контролировать потенциальные факторы нестабильности и нивелировать дисгармоничные явления. Однако, подобный подход, основанный на применении временных решений, не способен обеспечить долгосрочный мир и устойчивое развитие общества (Рунова 2020).

Следует отметить, что в период глобализации, Китай сталкивается с новыми вызовами и угрозами, которые требуют адекватной трансформации системы социального управления. В этой связи, возникает необходимость в разработке и имплементации новых, более эффективных механизмов, способных обеспечить баланс между интересами государства и общества, а также создать условия для устойчивого развития страны в условиях динамично меняющегося мира.

Характеризующейся возрастающей сложностью социальных противоречий и вызовов, 20-й Национальный съезд Коммунистической партии Китая, состоявшийся в октябре 2022 года, принял ряд стратегически важных резолюций, направленных на совершенствование системы социального управления. Нововведением стала концепция социального управления, основанная на принципе объединения власти, что предполагает комплексный подход к управлению государством, сочетающий централизованное руководство с принципами верховенства закона.

В соответствии с данной концепцией, Коммунистическая партия Китая осуществляет всесторон-

нее управление страной в соответствии с законом, стремясь к построению правового государства, где законность и справедливость являются основополагающими принципами.

Управление страной, основанное на верховенстве закона и централизации, рассматривается как глубокая революция в системе государственного управления, поскольку обеспечивает эффективное руководство страной, способствует ее процветанию, гарантирует мирную и счастливую жизнь народа, а также создает условия для долгосрочной стабильности партии и государства.

Заключение

Китай придает особое значение повышению роли верховенства закона в укреплении фундаментальных основ государства, стабилизации общественных ожиданий и обеспечении долгосрочных интересов общества. Подчеркивается необходимость следования по пути социалистического верховенства закона с китайской спецификой, формирования социалистической системы верховенства закона с китайской спецификой и создания социалистического правового государства, которое будет гарантировать справедливость в обществе и способствовать управлению страной в соответствии с законом.

Китай стремится к построению правового государства, правового правительства и правового общества, что предполагает создание эффективной системы правового регулирования, обеспечение неукоснительного исполнения законов и формирование правовой культуры в обществе. В рамках данного подхода, особое внимание уделяется всестороннему развитию научного законодательства, строгому правоприменению, справедливой судебной системе, законопослушности всех граждан и укреплению верховенства закона во всех сферах жизни государства.

Таким образом, принятые решения, касающиеся социального управления, отражают стремление страны к модернизации системы государственного управления, укреплению законности и обеспечению стабильного развития в условиях глобализации.

Библиографический список

- Веселова Л.С., Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А. Векторы становления китайской социологии: прагматическая направленность, сохранение традиции // Социологические исследования. 2018. № 7 (411). С. 124–134.
- Дамбаева О.А., Морозова В.С. Китайская модель социального управления: практика формирования, особенности, контексты // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 7–1. С. 11–12.
- Рунова А.Г. Модель социального управления в Китае // E-Scio. 2020. № 4 (43). С. 1–4.

Савченко И.А., Кремнёв Е.В. Дискурсивная трихотомия в урбанистике: модели социального управления в Китае // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. №. 74. С. 113–125.

Ding, Y. [丁元竹] (2018), A study on Xi Jinping thought for new era socialism with Chinese characteristics on social governance, (Xi Jinping xinshidai zhongguo tese shehuizhuyi shehui zhili sixiang yanjiu), *Journal of Chinese Academy of Governance*, pp. 14–27.

Laurent E., (2020). Power struggle between China and the United States, *Vestnik MGIMO-University*, vol. 13(1), pp. 82–99.

Guan, X. (2005), China's social policy: reform and development in the context of marketization and globalization, Kwon, H. (eds), *Transforming the developmental welfare state in East Asia, social policy in a development context*, Palgrave Macmillan, London, pp. 231–256, DOI: https://doi.org/10.1057/9780230523661_11.

Guo, S., Jiang, T. (2017), China's "New Normal": from social control to social governance, *Journal of Chinese Political Science*, vol. 22(3), pp. 327–340, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11366-017-9485-8>.

Ma, Q. [马庆钰] (2018), *An interpretation of the innovations of the co-construction, co-governance, co-sharing social governance setup*, (Gongjian gongzhi gongxiang shehui zhili geju de yihan jiedu), Xingzheng guanli gaige, pp. 103–108.

Shang, Y. [汤云刚] (2016), Social governance and the guiding role of the core socialist values, (Shehuizhili chuangxin yu shehuizhuyi hexinjiaguan de yinling zuoyong), *Nanfang Lunkan*, (8), pp. 59–61.

Snape, H. (2019), Social management or social governance: a review of party and government discourse and why it matters in understanding Chinese politics, *J OF CHIN POLIT SCI*, vol. 24, pp. 685–699, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11366-019-09605-2>.

Sun, T. [孙涛] (2015), Using the development of social organizations to promote innovation in the social governance system, (Yi shehuizuzhi jianshe tuijin shehuizhili tizhi chuangxin xilun), *Lilun Daokan*, (7): pp. 11–15.

Tang, J. [唐钧] (2015), Social governance and separation between government and society, (Shehuizhili yu zhengshufenkai), *Dangzheng yanjiu*, (1), pp. 97–101.

References

Veselova, L.S., Deryugin, P.P., Lebedintseva, L.A. (2018), Vectors of the formation of Chinese sociology: pragmatic orientation, preservation of tradition, *Sociological research*, no. 7 (411), pp. 124–134.

Dambaeva, O.A., Morozova, V.S. (2013), The Chinese model of social management: formation practice,

features, contexts, *Modern high-tech technologies*, no. 7–1, pp. 11–12.

Runova, A.G. (2020), Models of social management in China, *EScio*, no. 4 (43), pp. 1–4.

Savchenko, I.A., Kremnev, E.V. (2023), Discursive trichotomy in urban studies: models of social management in China, *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, no. 74, pp. 113–125.

Ding, Y. [丁元竹] (2018), A study on Xi Jinping thought for new era socialism with Chinese characteristics on social governance, (Xi Jinping xinshidai zhongguo tese shehuizhuyi shehui zhili sixiang yanjiu), *Journal of Chinese Academy of Governance*, pp. 14–27.

Laurent E., (2020). Power struggle between China and the United States, *Vestnik MGIMO-University*, vol. 13(1), pp. 82–99.

Guan, X. (2005), China's social policy: reform and development in the context of marketization and globalization, Kwon, H. (eds), *Transforming the developmental welfare state in East Asia, social policy in a development context*, Palgrave Macmillan, London, pp. 231–256, DOI: https://doi.org/10.1057/9780230523661_11.

Guo, S., Jiang, T. (2017), China's "New Normal": from social control to social governance, *Journal of Chinese Political Science*, vol. 22(3), pp. 327–340, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11366-017-9485-8>.

Ma, Q. [马庆钰] (2018), *An interpretation of the innovations of the co-construction, co-governance, co-sharing social governance setup*, (Gongjian gongzhi gongxiang shehui zhili geju de yihan jiedu), Xingzheng guanli gaige, pp. 103–108.

Shang, Y. [汤云刚] (2016), Social governance and the guiding role of the core socialist values, (Shehuizhili chuangxin yu shehuizhuyi hexinjiaguan de yinling zuoyong), *Nanfang Lunkan*, (8), pp. 59–61.

Snape, H. (2019), Social management or social governance: a review of party and government discourse and why it matters in understanding Chinese politics, *J OF CHIN POLIT SCI*, vol. 24, pp. 685–699, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11366-019-09605-2>.

Sun, T. [孙涛] (2015), Using the development of social organizations to promote innovation in the social governance system, (Yi shehuizuzhi jianshe tuijin shehuizhili tizhi chuangxin xilun), *Lilun Daokan*, (7): pp. 11–15.

Tang, J. [唐钧] (2015), Social governance and separation between government and society, (Shehuizhili yu zhengshufenkai), *Dangzheng yanjiu*, (1), pp. 97–101.

Дата поступления: 02.12.2024

рецензирования: 15.01.2025

принятия: 11.03.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316:378

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-104-114

Дата поступления: 14.12.2024
рецензирования: 14.01.2025
принятия: 01.03.2025

А.А. Минин

Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация
E-mail: semsans4@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6141-0386>

Анализ финансовых стратегий и потребностей иностранных студентов, обучающихся в вузах Саратовской области: социологический анализ

Аннотация: в статье рассматриваются финансовые стратегии и потребности иностранных студентов, обучающихся в вузах Саратовской области в 2024 году. Проблема экономической адаптации студентов за рубежом становится всё более актуальной на фоне растущего числа иностранных студентов. Цель исследования – изучить, как студенты управляют своими бюджетами в условиях ограниченных финансовых ресурсов и как они распределяют средства по основным категориям расходов. В статье анализируется теоретический бэкграунд социально-экономической адаптации студентов, опираясь на работы ведущих исследователей. Эмпирические данные были собраны методом анкетного опроса с выборкой в 200 студентов, обладающих статусом иностранного студента и обучающихся в вузах Саратовской области. Основные категории расходов включают обучение, проживание, питание, транспорт, услуги связи и непредвиденные траты. Для анализа данных использованы методы статистического и сравнительного анализа. Результаты исследования показывают, что большинство студентов совмещают учебу с работой и получают финансовую помощь от родственников, но им приходится экономить на различных статьях бюджета. Лишь небольшая доля студентов (до 5 %) испытывает серьезные финансовые трудности. Результаты могут быть полезны для разработки стратегий поддержки иностранных студентов в условиях социально-экономической адаптации.

Ключевые слова: иностранные студенты; финансовые стратегии; расходы на образование; социально-экономическая адаптация; управление бюджетом; расходы студентов.

Цитирование: Минин А.А. Анализ финансовых стратегий и потребностей иностранных студентов обучающихся в вузах саратовской области: социологический анализ // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 104–114. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-104-114>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Минин А.А., 2025

Александр Анатольевич Минин – аспирант 3 курса социологического факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.A. Minin

Saratov State University,
Saratov, Russia Federation
E-mail: semsans4@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6141-0386>

Analysis of financial strategies and needs of international students studying at universities in the Saratov region: a sociological analysis

Abstract: the article examines the financial strategies and needs of foreign students studying at universities in the Saratov region in 2024. The issue of economic adaptation for international students is increasingly relevant as the number of foreign students grows. The purpose of the study is to explore how students manage their budgets under limited financial resources and how they allocate funds across key expense categories. The article analyzes the theoretical background of the socio-economic adaptation of students, drawing on the work of leading researchers. Empirical data were collected through a survey method, with

a sample of 200 foreign students studying at universities in the Saratov region. The key expense categories include education, housing, food, transport, communication services, and unexpected costs. Statistical and comparative methods were used for data analysis. The findings indicate that most students combine part-time work with their studies and receive financial support from relatives, but they are forced to economize in various budget areas. Only a small proportion of students (up to 5%) experience serious financial difficulties. The results may be useful for developing support strategies for foreign students facing social-economic adaptation challenges.

Key words: foreign students; financial strategies; education expenses; socio-economic adaptation; budget management; student expenses.

Citation: Minin, A.A. (2025), Analysis of financial strategies and needs of international students studying at universities in the Saratov region: a sociological analysis, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 104–114, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-104-114>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Minin A.A., 2025

Alexander A. Minin – 3rd-year the postgraduate student, Sociology Faculty, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russian Federation.

Введение

Актуальность исследования финансовых стратегий и потребностей иностранных студентов обусловлена значительным увеличением их числа в России, особенно в Саратовской области. В 2023 году численность иностранных студентов в государственных вузах Саратовской области по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры составила 3384 человека, что на 321 больше, чем в 2022 году, и на 509 больше, чем в 2021 году (Сводные отчеты по форме ФСН № ВПО-1).

В ходе проведенного исследования было выявлено, что основной проблемой, с которой сталкиваются иностранные студенты при поступлении в российские вузы, являются материальные трудности, такие как задержки в переводе денежных средств от родителей и недостаточное количество получаемых средств (Калинникова, Малинский, Минин 2022, с. 411).

Особые сложности испытывают студенты из Туркменистана, сталкивающиеся с уникальными вызовами на российском рынке труда. Адаптация к новому культурному и социально-экономическому окружению, совмещение учебы с работой и необходимость повышения финансовой грамотности становятся ключевыми аспектами их повседневной жизни.

Цель данной статьи – проанализировать финансовые стратегии и потребности иностранных студентов, обучающихся в вузах Саратовской области, посредством исследования их бюджетов и расходов. В работе рассматриваются основные источники доходов студентов, включая финансовую поддержку от родственников и заработную плату от временной работы, а также оценивается их способность покрывать основные расходы, такие как оплата обучения, проживание, питание, транспортные расходы и другие повседневные нужды.

Теоретический анализ проблемы

Экономическая адаптация иностранных студентов в принимающей стране представляет собой важный компонент их общего опыта обучения за рубежом. Она включает в себя обучение студентов эффективному управлению финансовыми ресурсами в новых условиях с целью удовлетворения их базовых, социальных и духовных потребностей (Муха, Сергиеенко, Лысенко 2018, с. 182).

Помимо академических трудностей, иностранные студенты вынуждены адаптироваться к новым финансовым условиям, что включает управление личными бюджетами и расходами. Выделяют две финансовые стратегии, характерные для студентов (Рягузова, Чинчевич 2022, с. 73). Первая – это экономная и осторожная стратегия, связанная с необходимостью распределять ограниченные доходы, ориентироваться на сокращение потребностей и избегать финансовых рисков. Вторая – спонтанная и рискованная стратегия, при которой значительная часть средств расходуется на развлечения, а студенты проявляют склонность к финансовому риску. Финансовые стратегии, которые они применяют, существенно зависят от ряда факторов: доступности источников дохода, уровня финансовой поддержки со стороны семьи, стоимости обучения, проживания и других текущих расходов. В контексте нашего исследования финансовая стратегия студентов определяется как совокупность целенаправленных действий, решений и поведенческих установок, направленных на рациональное управление имеющимися финансовыми ресурсами в условиях ограниченных доходов и специфических требований учебного процесса. Понимание этих стратегий и потребностей является ключевым для разработки эффективных политик поддержки и программ, направленных на улучшение условий проживания и обучения иностранных студентов.

Финансовая грамотность студентов предполагает способность составлять план доходов и расходов, иметь представление о характере современной российской экономики, избегать необоснованных покупок и рационально распределять ежемесячные денежные средства (Быстрова, Уракова, Назарова 2022, с. 72). Однако исследования показывают, что студенты зачастую демонстрируют недостаточный уровень финансовой грамотности – совокупности знаний и навыков, необходимых для управления денежными средствами и финансовыми инструментами. Это включает умение принимать эффективные решения, управлять личным бюджетом, оптимизировать расходы, планировать финансы, накапливать сбережения и безопасно пользоваться финансовыми продуктами и услугами (Лукьянова и др. 2020).

Исследования, проведенные Н.В. Ждановой, Т.Ю. Субботиной и А.В. Кочеровым, подтверждают, что иностранные студенты также часто испытывают низкий уровень финансовой грамотности, вне зависимости от формы, уровня или программы обучения, курса или гражданства. Это приводит к финансовым трудностям, которые, в свою очередь, ограничивают их возможности для профессиональной самореализации (Жданова, Субботина, Кочеров 2022, с. 96).

Основная часть студентов ориентируется в своих доходах и расходах, активно пользуется современными методами управления финансами (Багаутдинова и др. 2024, с. 82–83). Иностранные студенты пытаются компенсировать недостаток финансовых ресурсов, активно следя за своими расходами и стремясь минимизировать потери (Леонову и Хасану 2019, с. 296), что свидетельствует о формировании определенных финансовых стратегий. Однако эффективность этих стратегий часто ограничена недостаточным уровнем финансовой грамотности и отсутствием доступа к разнообразным финансовым инструментам.

Одной из значимых детерминант финансового поведения является источник доходов (Рягузова, Чинчевич 2022, с. 72). Для студентов источники доходов могут включать финансовую поддержку от семьи, стипендии, гранты и заработную плату от временной работы. Часто основным источником дохода для семей студентов является заработная плата их членов (Гоголева 2022, с. 39). Возможность работать и получать дополнительный доход существенно влияет на удовлетворенность студентов своим финансовым положением (Кузнецова, Николаев 2021, с. 37).

Трудовая занятость студентов, тем не менее, может приводить к конфликту между работой и учебой. С одной стороны, работодатели предъявляют высокие требования к компетенциям и опыту выпускников вузов; с другой стороны, работа во время обучения может негативно сказываться

на академической успеваемости из-за перераспределения времени, снижения посещаемости занятий и уменьшения учебной активности, что в конечном итоге влияет на качество образования (Гоголева, Маркина 2019, с. 74).

В исследовании С.В. Уставщиковой было установлено, что каждый иностранный студент, проживающий в Саратове, несет расходы на обустройство, проживание, покупку вещей и питание в размере 120–360 тыс. рублей в год. При этом отдельной статьей идут расходы на получение образования, так как большинство иностранных студентов обучаются на платной основе (Уставщикова 2020, с. 107). Эти расходы иностранные студенты покрывают с помощью финансовой поддержки родителей и/или самостоятельного заработка (Брумштейн, Аксенова, Сизов 2010, с. 99). Согласно концепции П. Бурдые, затраты, связанные с получением образования, являются инвестициями в культурный капитал: «Это инвестирование сопряжено с ограничениями, самоотречением и самопожертвованием» (Бурдые 2004, с. 523).

Анализ финансовых стратегий иностранных студентов является важной, но недостаточно изученной областью исследования. При адаптации к новым финансовым условиям в принимающей стране иностранные студенты сталкиваются со множеством вызовов и принимают сложные решения, связанные с управлением бюджетами и расходами. Классификация финансовых стратегий иностранных студентов может включать стратегии экономии, стратегии дополнительного заработка и стратегии использования кредитных средств.

Необходимость более глубокого исследования финансовых стратегий и основных потребностей иностранных студентов обусловлена важностью разработки эффективных мер поддержки. Такой анализ позволит выявить ключевые аспекты, влияющие на эффективное управление финансами студентами, и определить наиболее действенные политики и программы поддержки.

Таким образом, проведение дальнейших исследований финансовых стратегий и потребностей иностранных студентов является существенным шагом для обеспечения их успешной социально-экономической адаптации и улучшения общего опыта обучения за рубежом.

Методика и методы исследования

В 2024 году было проведено авторское исследование методами анкетного опроса. Для обеспечения репрезентативности и снижения систематических ошибок была применена случайная выборка. Использование случайной выборки обосновано стремлением предоставить каждому иностранному студенту, обучающемуся в вузах Саратовской

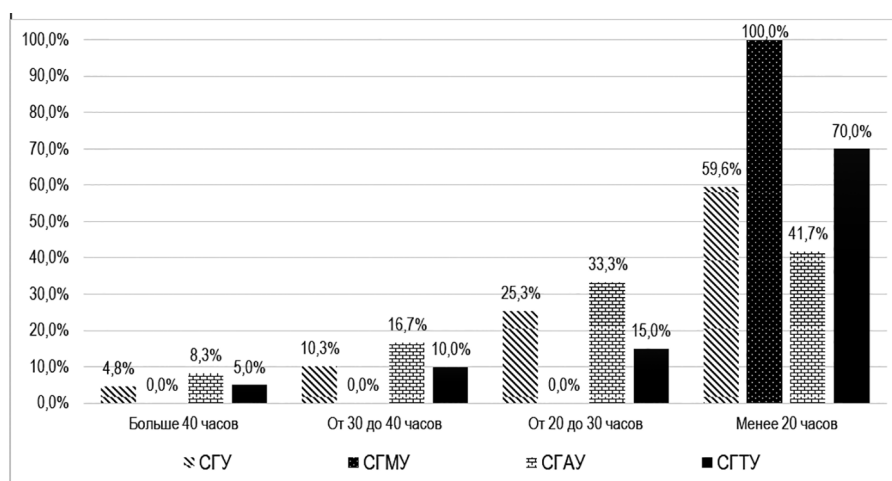

Рис. 1. Количество часов в неделю, уделяемое работе в зависимости от принадлежности к вузу
Fig. 1. The number of hours per week devoted to work, depending on university affiliation

области, равную возможность быть включенным в исследование. Это повышает достоверность результатов, позволяя сделать выводы, применимые к широкой популяции иностранных студентов региона.

Основным критерием отбора послужило наличие статуса иностранного студента у респондента, а также принадлежность к вузам Саратовской области. Анкетирование проводилось в онлайн-формате, что позволило охватить более широкую аудиторию и собрать данные о расходах и финансовых трудностях. Обработка результатов опроса и статистический анализ данных осуществлялись с помощью программы SPSS.

Цель исследования – анализ финансовых потребностей иностранных студентов и исследование расходов по различным категориям потребления.

В опросе приняли участие 200 студентов ($n = 200$), из которых 74 % составили лица из Туркменистана, 10 % – из Казахстана, 8 % – из Узбекистана, 5 % – из Египта и 3 % – из Марокко. Гендерное распределение респондентов выглядит следующим образом: 65 % – мужчины, 35 % – женщины. Возрастная структура показала, что основную группу респондентов составляют молодые люди в возрасте 21–25 лет (63,0 %); за ними следуют 17–20 лет (28,5 %), затем 26–30 лет (7,5 %) и 30 лет и старше (1,0 %). Все опрошенные студенты обучаются на коммерческой основе, при этом 98% из них проживают в общежитиях.

Среди респондентов 73 % обучаются в «Саратовском национальном исследовательском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского» (СГУ), 11 % – в «Саратовском государственном медицинском университете им. В.И. Разумовского» (СГМУ), 10 % – в «Саратовском государственном техническом университете имени Ю.А. Гагарина» (СГТУ) и 6 % – в «Саратовском государственном аграрном университете имени Н.И. Вавилова» (СГАУ).

Согласно полученным результатам, помощь от родственников получают 96% студентов. По данным опроса, работают 89% респондентов. На диаграмме ниже представлен анализ распределения рабочих часов среди иностранных студентов в четырех вузах: СГУ, СГМУ, СГАУ и СГТУ (рис. 1). Процентные соотношения студентов, работающих в различных диапазонах часов в неделю, позволяют оценить их занятость во время учебы.

Наименьшее количество студентов, работающих более 40 часов в неделю, зафиксировано в СГМУ – здесь этот показатель равен нулю, что может свидетельствовать о значительной учебной нагрузке. В СГАУ этот показатель составляет 8,3 %, а в СГУ и СГТУ – 4,8 % и 5,0 % соответственно. В диапазоне от 30 до 40 часов студенты из СГАУ (16,7 %) более активны, чем в других вузах. Значительный процент студентов работает от 20 до 30 часов в неделю: в СГАУ это 33,3 %, а в СГТУ – 15 %. Наиболее распространенная категория – работа менее 20 часов в неделю, особенно в СГМУ, где абсолютное большинство студентов попадает в эту категорию. В СГУ этот процент составляет 59,6 %, а в СГАУ – 41,7 %.

Предположительно, студенты СГМУ, сосредоточены на учебной деятельности, в то время как в других вузах наблюдается более сбалансированное сочетание работы и учебы. Высокая занятость студентов в СГАУ может свидетельствовать о гибкости учебной программы. Важно учитывать потенциальное негативное влияние высокой рабочей нагрузки на академическую успеваемость и рассмотреть возможность предоставления дополнительных ресурсов для помощи студентам в балансировании учебной и профессиональной деятельности.

Анализ расходов иностранных студентов, обучающихся в вузах Саратовской области, показал, что их ежемесячные траты варьируются в зависимости от категории потребления и уровня комфортности жизни. В результате опроса ре-

спондентов были выявлены средние фактические, минимально необходимые и комфортные расходы в таких категориях, как питание, транспорт, учебные материалы, непредвиденные расходы и другие аспекты жизни в России (табл. 1).

что может включать дополнительные средства ухода.

Суммы, выделенные на услуги связи, находятся в пределах бюджета. Ежемесячные траты составляют в среднем 900 рублей, а минимально необходимые

Таблица 1

Средние ежемесячные расходы иностранных студентов в Саратовской области по категориям потребления в 2024 году

Table 1

Average monthly expenses of foreign students in the Saratov region by consumption category in 2024

Категория	Фактическая средняя трата	Средняя минимальная необходимая	Средняя комфортная сумма
Питание	13500	9300	15600
Одежда	3700	2100	7600
Косметика и средства гигиены	1300	900	3000
Услуги связи	900	800	1700
Лекарства, витамины и мед. услуги	800	500	2500
Развлечения и досуг	2600	2000	6000
Транспорт	2600	1900	3200
Учебные материалы	600	500	2000
Непредвиденные расходы	2500	1500	4000
Итог	28500	19500	45600

Питание оказалось наиболее значимой статьёй расходов. В среднем каждый студент тратит на еду 13 500 рублей в месяц, при этом минимально достаточная сумма составляет 9 300 рублей. Однако для комфортного питания, включающего более разнообразный рацион и возможность посещать кафе и рестораны, студентам требуется около 15 600 рублей. Это подчёркивает важность питания как ключевого элемента студенческой жизни, качество которого напрямую зависит от доступных финансовых ресурсов.

Расходы на одежду также существенно варьируются. Студенты тратят в среднем 3 700 рублей в месяц, но могут обходиться минимальной суммой в 2 100 рублей, приобретая одежду только при необходимости. Для комфортного уровня жизни, позволяющего не только удовлетворять базовые потребности, но и приобретать более стильные или сезонные вещи, требуется около 7 600 рублей в месяц.

Косметика и средства личной гигиены занимают меньшую долю в бюджете. В среднем студентам достаточно 1 300 рублей на месяц, но при необходимости этот показатель можно сократить до 900 рублей. Тем не менее комфортный уровень расходов на эти товары достигает 3 000 рублей,

для комфортного пользования связью и интернетом студенты готовы потратить до 1 700 рублей. Поскольку связь и интернет важны для учёбы и общения с семьёй, эти расходы остаются стабильными и необходимыми.

Траты на лекарства и медицинские услуги показывают, что студенты стараются экономить на медицинских расходах, расходуя в среднем 800 рублей в месяц. Минимально достаточная сумма – 500 рублей, однако для комфортного ухода за здоровьем, включая регулярный приём витаминов и профилактические меры, необходимо около 2 500 рублей. Такие расходы могут варьироваться в зависимости от личных потребностей и состояния здоровья каждого студента.

Значительной частью студенческого бюджета являются развлечения и досуг. В среднем студенты тратят 2 600 рублей в месяц, что может включать посещение кинотеатров, кафе, спортивных мероприятий или других видов отдыха. Минимальная сумма на досуг – 2 000 рублей, однако для комфортного отдыха и регулярных посещений мест развлечений требуется до 6 000 рублей. Это показывает, что студенты стремятся не только учиться, но и находить время для полноценного отдыха и развлечений.

Транспортные расходы варьируются в зависимости от способа передвижения. В среднем студенты тратят 2 600 рублей на общественный транспорт и такси. Минимально необходимая сумма – 1 900 рублей, но для комфортных перемещений, особенно при частом использовании такси, требуется около 3 200 рублей. Эти расходы важны для перемещений по городу, особенно для тех, кто живёт далеко от учебных заведений.

Учебные материалы, включая канцелярские товары, книги и пособия, составляют меньшую долю расходов. Средняя сумма – 600 рублей в месяц, минимально необходимо 500 рублей. Для более комфортного учебного процесса, с доступом к дополнительным материалам или приобретением дорогостоящих учебников, потребуется до 2 000 рублей в месяц. Эти расходы важны для поддержания образовательного процесса и успешной учёбы.

Непредвиденные расходы – ещё одна важная статья бюджета. В среднем на неожиданные траты, такие как ремонт техники, подарки или другие незапланированные покупки, уходит 2 500 рублей. Минимальная сумма – 1 500 рублей, но для комфортного покрытия всех возможных непредвиденных ситуаций студенты предпочитают иметь до 4 000 рублей в месяц.

В итоге, общие фактические расходы студентов составляют около 28 500 рублей в месяц. Для минимально необходимого уровня жизни требуется 19 500 рублей, а для комфортной жизни студенты должны тратить до 45 600 рублей в месяц. Если эти данные экстраполировать на год, то:

- фактические расходы составят 342 000 рублей в год;
- минимально необходимые расходы – 234 000 рублей в год;
- комфортные расходы – 547 200 рублей в год.

Таким образом, годовой бюджет иностранных студентов может значительно варьироваться в зависимости от уровня жизни, что позволяет лучше понять финансовые потребности этой группы в Саратовской области. Данные результаты свидетельствуют о применении иностранными студентами различных финансовых стратегий, направленных на оптимизацию расходов и обеспечение необходимого уровня жизни в условиях ограниченных финансовых ресурсов. Согласно результатам опроса, финансовое положение иностранных студентов, обучающихся в вузах Саратовской области, демонстрирует сбалансированное состояние, однако значительная часть вынуждена проявлять экономию в различных категориях расходов.

В категории питания, которая является одной из наиболее приоритетных для студентов (рис. 2.1), только 20 % опрошенных заявили, что полностью удовлетворяют свои потребности в питании, что является относительно низким показателем. Это

может свидетельствовать о высоких затратах на другие категории, неоптимальном распределении финансовых ресурсов или недостаточном уровне доходов. При этом 47 % студентов иногда ограничивают себя в этой категории, что свидетельствует о применении стратегии периодической экономии для перераспределения средств на другие нужды. Ещё более тревожным является тот факт, что 30 % студентов вынуждены постоянно экономить на еде, что может негативно сказываться на их физическом и эмоциональном состоянии. Лишь 3 % испытывают серьёзные финансовые трудности в этой категории, что остаётся в пределах допустимой нормы от общего количества иностранных студентов.

Аналогичная ситуация наблюдается в категории одежды (рис. 2.1). Только 14 % студентов заявили, что их потребности в этой области полностью удовлетворены. Это один из самых низких показателей, свидетельствующих о том, что большая часть студентов экономит на покупке одежды. 46 % студентов периодически ограничивают свои расходы на одежду, что говорит о гибком подходе к управлению этой категорией расходов. Однако 38 % заявили, что им приходится постоянно экономить, что может указывать на недостаточный уровень доходов или высокие цены на одежду. Лишь 2 % испытывают серьёзные финансовые трудности в этой категории, что соответствует общей картине умеренного финансового состояния студентов.

Категория косметики и средств гигиены также демонстрирует примечательные результаты (рис. 2.1). 25 % студентов полностью удовлетворяют свои потребности в этой категории, что выше, чем в предыдущих категориях. Это может объясняться тем, что расходы на гигиенические средства часто являются более предсказуемыми, управляемыми и менее затратными, что позволяет студентам менее интенсивно применять стратегии экономии. Тем не менее 52 % студентов иногда вынуждены ограничивать свои расходы, а 20 % экономят на постоянной основе, демонстрируя гибкость в управлении бюджетом. Лишь 3 % заявили о серьёзных трудностях в этой области, что указывает на то, что необходимость экономии здесь не является критической.

Услуги связи показали более положительные результаты (рис. 2.1). 39 % студентов удовлетворяют свои потребности в этой категории без необходимости ограничивать себя. Это самый высокий процент среди всех категорий, что может свидетельствовать о том, что расходы на связь относительно невысоки и легко контролируются. Однако 43 % иногда ограничивают себя, а 15 % экономят на постоянной основе, применяя стратегии экономии для оптимизации бюджета. Только 3 % студентов испытывают серьёзные трудности в этой категории, что является приемлемым показателем.

Рис. 2.1. Финансовые стратегии иностранных студентов по категориям потребления

Fig. 2.1. Financial strategies of international students by consumption categories

В категории лекарств и медицинских услуг ситуация является менее благоприятной (рис. 2.2). Лишь 11 % студентов могут позволить себе полное удовлетворение потребностей в медицинских услугах. 46 % иностранных студентов вынуждены время от времени экономить на этой важной категории расходов, что вызывает беспокойство, поскольку это напрямую связано с их здоровьем. 38 % студентов постоянно экономят, а 5 % испытывают серьёзные трудности, что является наивысшим показателем среди всех категорий. Это указывает на необходимость разработки финансовых стратегий, направленных на оптимизацию расходов в области здравоохранения без ущерба для благополучия студентов.

Когда дело касается развлечений и досуга (рис. 2.2), 17 % студентов удовлетворяют свои потребности, не ограничивая себя, однако большинство студентов вынуждены экономить. 44 % заявили, что иногда ограничивают свои расходы в этой категории, а 36% экономят на постоянной основе. Только 3% сталкиваются с серьёзными финансовыми трудностями, что указывает на готовность студентов жертвовать затратами на досуг ради

удовлетворения более насущных потребностей. Это отражает применение финансовых стратегий, направленных на приоритизацию основных расходов и снижение затрат на второстепенные категории.

Транспортные расходы также являются значительной частью бюджета студентов (рис. 2.2). 29 % респондентов полностью удовлетворяют свои транспортные потребности, в то время как 47 % иногда ограничивают свои расходы, возможно, отдавая предпочтение общественному транспорту вместо такси. 21 % студентов вынуждены экономить на транспорте на постоянной основе, а 3 % испытывают серьёзные трудности в этой категории. Это свидетельствует о применении финансовых стратегий экономии, таких как выбор более доступных видов транспорта для оптимизации бюджета.

Что касается учебных материалов, включая канцтовары, книги и учебные пособия (рис. 2.2), 34 % студентов не испытывают нужды в экономии. 46 % иногда ограничивают себя, и 18% вынуждены постоянно экономить. Лишь 2% студентов заявили о серьёзных трудностях, что свидетельствует

Рис. 2.2. Финансовые стратегии иностранных студентов по категориям потребления

Fig. 2.2. Financial strategies of international students by consumption category

о том, что студенты в целом справляются с этими расходами. Это может быть результатом использования стратегий рационального потребления, например, совместного использования учебных материалов или приобретения электронных версий учебников.

Наконец, категория непредвиденных расходов (рис. 2.2), включая ремонт техники или подарки, показывает, что только 18 % студентов могут позволить себе эти траты без ограничений. 45 % иногда экономят на таких расходах, а 35 % постоянно ограничивают себя. Лишь 2 % сталкиваются с серьёзными финансовыми трудностями в этой области. Это указывает на необходимость формирования финансовых резервов и применения стратегий планирования бюджета для покрытия непредвиденных расходов.

В целом, финансовая ситуация иностранных студентов в Саратовской области демонстрирует баланс между необходимостью экономии и стремлением поддерживать достойный уровень жизни. Опрос показывает, что, несмотря на регулярные подработки, многие студенты сталкиваются с потребностью ограничивать свои расходы в разных сферах, однако лишь небольшая часть испытывает серьёзные финансовые затруднения. Это свидетельствует о том, что, хотя доходы студентов позволяют им удовлетворять базовые потребности, им всё же приходится очень осторожно распределять бюджет, особенно в таких категориях, как питание и медицинские услуги.

Положительным моментом является то, что лишь малая доля студентов, не более 5 % в каждой категории, испытывает серьёзные финансовые трудности. Это свидетельствует о том, что в целом иностранные студенты находят способы справляться с финансовыми вызовами. Большинство студентов применяют финансовые стратегии, такие как экономия на менее приоритетных вещах, например, одежде, развлечениях и косметике, чтобы иметь возможность тратить больше на основные нужды – питание, транспорт и связь.

Их финансовая гибкость помогает сохранять относительно стабильное положение, несмотря на необходимость экономить. Это указывает на то, что, несмотря на ограниченные доходы, студенты способны грамотно распределять средства, избегая критических финансовых трудностей.

В ходе проведённого опроса мы установили, что наибольшие расходы на образование наблюдаются у студентов Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского (СГМУ), где стоимость обучения для иностранных студентов составляет в среднем 194 000 рублей в год. Это значительно выше, чем в других вузах, и связано со спецификой медицинского образования. В Саратовском национальном исследовательском государственном

университете имени Н.Г. Чернышевского (СГУ) студенты платят в среднем 142 000 рублей в год, что делает его вторым по затратам вузом. В Саратовском государственном техническом университете имени Ю.А. Гагарина (СГТУ) и Саратовском государственном аграрном университете имени Н.И. Вавилова (СГАУ) стоимость обучения в среднем примерно одинакова – 131 000 и 132 000 рублей соответственно. Это самые низкие затраты среди четырёх вузов (табл. 2).

Различия в стоимости обучения влияют на финансовые стратегии студентов, вынуждая их адаптировать свои бюджеты и применять различные методы экономии или поиска дополнительных источников дохода. Студенты с более высокими затратами на обучение могут быть вынуждены работать больше часов или экономить на других категориях расходов. Таким образом, финансовые стратегии иностранных студентов включают в себя адаптацию расходов, приоритизацию основных потребностей и поиск возможностей для увеличения доходов, что позволяет им успешно справляться с финансовыми вызовами во время обучения.

Таблица 2

**Средняя стоимость обучения в год
в вузах Саратовской области**

Table 2

**The average cost of tuition per year
at universities in the Saratov region**

ВУЗ	Средняя стоимость обучения в год (рубли)
СГУ	142 000
СГТУ	131 000
СГАУ	132 000
СГМУ	194 000

Также мы предложили респондентам ответить на открытый вопрос о том, сколько в год они тратят на оплату общежития. Средняя годовая сумма составила 13 000 рублей. Стоимость проживания зависит от условий и типа общежитий каждого вуза. Важным моментом является наличие значительного разброса в ценах на проживание в зависимости от учебного заведения и предоставляемых условий проживания.

Если рассчитать средние годовые затраты на обучение и проживание для иностранных студентов, то средняя стоимость обучения составляет 149 750 рублей в год, а средняя стоимость проживания – 13 000 рублей в год, что в сумме составляет 162 750 рублей. Наибольшие расходы приходятся на студентов СГМУ из-за высокой стоимости обучения, в то время как самые доступные условия по обучению и проживанию предоставляются в СГТУ и СГАУ. Большая часть этих

затрат покрывается за счёт финансовой поддержки, получаемой из их стран, что особенно характерно для студентов из Туркменистана.

Заключение

Исследование финансовых стратегий и расходов иностранных студентов, обучающихся в вузах Саратовской области, показало, что их финансовое положение находится на среднем уровне стабильности. Основные траты студентов приходятся на обучение и проживание. Средняя стоимость обучения составляет около 150 000 рублей в год, а расходы на проживание – 13 000 рублей в год, что в общей сложности формирует 163 000 рублей на покрытие базовых образовательных и жилищных расходов. Однако это лишь основная часть их бюджета.

Студенты также несут значительные расходы на такие категории, как питание, транспорт, услуги связи и учебные материалы. В среднем на всё это уходит 342 000 рублей в год, с минимально необходимыми расходами в размере 234 000 рублей и комфортным уровнем жизни, требующим 547 200 рублей. Эти суммы подчёркивают необходимость управления бюджетом и применения финансовых стратегий для оптимизации расходов. Если сложить годовую сумму обучения, проживания и расходов по вышеизложенным категориям, то получаемая сумма равняется 505 000 рублей. При этом минимально необходимый уровень всех расходов, который понадобится для обучения, равен 397 000 рублей, а для комфортного обучения в вузах Саратовской области требуется в год 710 000 рублей.

Большинство респондентов получают финансовую поддержку от родственников, которая поступает из их родных стран, например, Туркменистана. Тем не менее, поддержка часто задерживается, и студенты вынуждены работать, чтобы покрывать часть своих расходов (Калинникова, Малинский, Минин 2022, с. 411). Большая часть респондентов работают параллельно с учёбой, что подтверждает необходимость дополнительных доходов для поддержания их уровня жизни. Основная часть студентов работает неполный рабочий день, что указывает на выбор гибких графиков для совмещения работы и учёбы, избегая перегрузок.

Финансовое положение иностранных студентов в значительной степени зависит от их способности гибко управлять бюджетом. Несмотря на финансовую поддержку из их стран, необходимость работать остаётся важным фактором, позволяющим студентам покрывать свои расходы. В условиях, когда расходы на обучение и проживание достаточно высоки, эффективное планирование бюджета и применение различных финансовых стратегий помогают иностранным студентам сохранять стабильность и успешно справляться с финансовыми вызовами.

Студентам необходимо применять более систематический подход к распределению своих средств, что позволит им не только справляться с текущими расходами, но и создавать резервы на непредвиденные нужды.

На основе результатов исследования можно предложить ряд рекомендаций для иностранных студентов, которые помогут им более эффективно управлять своим бюджетом:

1. Планирование расходов: создание ежемесячного плана расходов с учётом обязательных платежей, таких как обучение, проживание и транспорт.

2. Оптимизация питания: введение разумного бюджета на питание, включая самостоятельное приготовление пищи, что может существенно сократить затраты.

3. Использование акций и скидок: активное использование скидок и льгот, предоставляемых студентам, особенно в таких категориях, как транспорт, книги и услуги связи.

Библиографический список

Багаутдинова Н.Г., Вахитова Т.М., Гадельшина Л.А., Кадочникова Е.И. Формирование универсальных образовательных компетенций в области финансовой грамотности у студентов вузов (на примере Казанского федерального университета) // Международная научно-практическая конференция «Цели устойчивого развития: зарубежный опыт и практика Узбекистана» (Национальный университет Узбекистана, Ташкент, 25–26.04.2024 г.): сб. статей. С. 78–83. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.11484114>.

Брумштейн Ю.М., Аксенова Ю.Ю., Сизов А.М. Комфортность среды пребывания в вузах – анализ структуры влияющих факторов и основных методов управления ими в период эксплуатации сооружений // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2010. № 2 (10). С. 97–102.

Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. Москва: Российская экономическая энциклопедия, 2004. 680 с.

Быстрова Н.В., Уракова Е.А., Назарова Е.И. Финансовая грамотность молодежи в условиях цифровой экономики // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75–4. С. 70–73.

Гоголева Е.Н. Студенчество в структуре социально-экономических отношений (по результатам социологического исследования) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. Т. 2, № 77. С. 37–45.

Гоголева Е.Н., Маркина Н.Л. Социально-экономическое положение студентов (по результатам социологического мониторинга) // Известия Туль-

ского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 70–77.

Жданова Н.В., Субботина Т.Ю., Кочеров А.В. Развитие финансовой грамотности как необходимое условие социокультурной адаптации иностранных студентов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2022. Т. 14, № 4. С. 88–105. DOI: <https://doi.org/10.14529/ped220408>.

Калинникова М.В., Малинский И.Г., Минин А.А. Трудности вхождения иностранных студентов в образовательную среду вузов России (на примере Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 4. С. 408–412.

Кузнецова А.В., Николаев А.А. Социально-экономическая адаптация иногородних студентов в Финансовом университете при Правительстве РФ // Международный журнал социогуманитарных исследований. 2021. Т. 4, № 4. С. 32–40.

Леонов Н.И., Хасан Х.Ф. Копинг-ресурсы иностранных студентов в трудной жизненной ситуации // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 29, вып. 3. С. 291–297. DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2019-29-3-291-297>.

Лукиянова Н.Ю., Зонин Н.А., Щепкова И.В., Тишук М.О. Инновационный подход к повышению финансовой грамотности студентов неэкономических специальностей вузов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2020. № 1. С. 107–118.

Муха В.Н., Сергиеенко Н.Л., Лысенко А.И. Особенности адаптации иностранных студентов в российском вузе (на примере Кубанского государственного технологического университета) // Социологические и гуманитарные науки. 2018. С. 176–185.

Рягузова Е.В., Чинчевич Е.В. Психологические стратегии и типы финансового поведения студентов разных российских университетов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 70–78. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-70-78>.

Сводные отчеты по форме ФСН № ВПО-1 // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 25.08.2024).

Уставщикова С.В. Иностранные студенты в России: образовательные мигранты или потенциальные постоянные жители // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2020. Т. 20, № 2. С. 104–108.

References

Bagautdinova, N.G., Vakhitova, T.M., Gadelshina, L.A. and Kadochnikova, E.I. (2024), Formation of universal educational competencies in the field of financial literacy among university students (on the example of Kazan Federal University), *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Sustainable Development Goals: Foreign Experience and the Practice of Uzbekistan" (National University of Uzbekistan, Tashkent, 25–26 April 2024)*, pp. 78–83, DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.11484114>.

Brumshtein, Yu.M., Aksenova, Yu.Yu. and Sizov, A.M. (2010), Comfort of the environment in universities – analysis of the structure of influencing factors and the main management methods during the operation of buildings, *Prikaspiian Journal: Management and High Technologies*, no. 2 (10), pp. 97–102.

Bourdieu, P. (2004), *Forms of capital*, in *Western Economic Sociology: A Reader of Modern Classics*, Russian Economic Encyclopedia, Moscow, Russia, 680 p.

Bystrova, N.V., Urakova, E.A. and Nazarova, E.I. (2022), Financial literacy of young people in the digital economy, *Problems of Modern Pedagogical Education*, no. 75–4, pp. 70–73.

Gogoleva, E.N. (2022), Studentship in the structure of socio-economic relations (based on the results of sociological research), *Vestnik of Surgut State Pedagogical University*, vol. 2, no. 77, pp. 37–45.

Gogoleva, E.N. and Markina, N.L. (2019), Socio-economic status of students (based on the results of sociological monitoring), *Izvestia of Tula State University. Humanities*, no. 1, pp. 70–77.

Zhdanova, N.V., Subbotina, T.Yu. and Kocherov, A.V. (2022), Development of financial literacy as a necessary condition for the socio-cultural adaptation of foreign students, *Vestnik of South Ural State University. Series: Education. Pedagogical Sciences*, vol. 14, no. 4, pp. 88–105, DOI: <https://doi.org/10.14529/ped220408>.

Kalinnikova, M.V., Malinsky, I.G. and Minin, A.A. (2022), Difficulties in the integration of foreign students into the educational environment of Russian universities (on the example of Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky), *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science*, vol. 22, no. 4, pp. 408–412.

Kuznetsova, A.V. and Nikolaev, A.A. (2021), Socio-economic adaptation of non-resident students at the Financial University under the Government of the Russian Federation, *International Journal of Socio-humanitarian Studies*, vol. 4, no. 4, pp. 32–40.

Leonov, N.I. and Hasan, H.F. (2019), Coping resources of foreign students in a difficult life situation, *Vestnik of Udmurt University. Series: Philosophy*.

Psychology. Pedagogy, vol. 29, no. 3, pp. 291–297, DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2019-29-3-291-297>.

Lukyanova, N.Yu., Zonin, N.A., Shchepkova, I.V. and Tishchuk, M.O. (2020), Innovative approach to improving financial literacy of students of non-economic specialties, *Vestnik of Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, no. 1, pp. 107–118.

Mukha, V.N., Sergienko, N.L. and Lysenko, A.I. (2018), Features of the adaptation of foreign students in a Russian university (on the example of Kuban State Technological University), *Sociological and Humanitarian Sciences*, pp. 176–185.

Ryaguzova, E.V. and Chincevich, E.V. (2022), Psychological strategies and types of financial be-

havior of students from different Russian universities, *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, vol. 22, no. 1, pp. 70–78, DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-70-78>.

FSN No. VPO-1 Consolidated Reports, [Online], available at: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (Accessed 25 August 2024).

Ustavshchikova, S.V. (2020), Foreign students in Russia: educational migrants or potential permanent residents, *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Earth Sciences*, vol. 20, no. 2, pp. 104–108.

Submitted: 14.12.2024

Revised: 14.01.2025

Accepted: 01.03.2025

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-115-129

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 316.346.32-053.6+316.334.22

Дата поступления: 10.01.2025

рецензирования: 12.02.2025

принятия: 07.03.2025

В.В. Гаврилюк

Тюменский индустриальный университет,

г. Тюмень, Российская Федерация

E-mail: gavriliuk@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0131-4939>

В.Ю. Бочаров

Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева,

г. Самара, Российская Федерация

E-mail: bocharov.vyu@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

Т.В. Гаврилюк

Тюменский государственный университет,

г. Тюмень, Российская Федерация

E-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3396-0959>

Концепт «социального самочувствия» в исследовании молодежи, занятой в сервисной сфере экономики

Аннотация: статья содержит обоснование эвристических возможностей применения концепции социального самочувствия в исследовании молодых работников сервисной сферы. Представлены авторские подходы к описанию взаимосвязи субъективных и объективных факторов социального самочувствия нового поколения россиян. Новизна проекта заключается в постановке проблемы исследования социального самочувствия молодежи, занятой в сервисной сфере экономики, практически не представленной в российском социологическом дискурсе. В рамках заявленной проблематики проведен анализ концепта социального самочувствия, его сопоставление с зарубежной традицией социального благополучия («social well-being»), а также специфика исследований этих проблем применительно к молодежи. Предложены авторские индикаторы для измерения социального самочувствия молодежи, занятой в сервисной сфере экономики. Цель статьи: обоснование методологической роли концепции социального самочувствия в исследовании динамики коллективного сознания современной российской молодежи, занятой в сфере сервиса. Выявление возможностей и эвристической ценности этой концепции для анализа гомогенности и уровня консолидации нового поколения.

Ключевые слова: молодежь; сервисный труд; сервисная занятость молодежи; социальное самочувствие; социальное благополучие, эмоции.

Благодарности: статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 25-28-00071 «Молодежь сервисной сферы экономики: профессиональная идентичность и социальное самочувствие» <https://rscf.ru/project/25-28-00071/>.

Цитирование: Гаврилюк В.В., Бочаров В.Ю., Гаврилюк Т.В. Концепт «социального самочувствия» в исследовании молодежи, занятой в сервисной сфере экономики // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 115–129. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-115-129>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Гаврилюк В.В., 2025

Вера Владимировна Гаврилюк – доктор социологических наук, профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38; научный сотрудник кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6.

© Бочаров В.Ю., 2025

Владислав Юрьевич Бочаров – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика

С.П. Королева, Российская Федерация, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14; научный сотрудник кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6.

© Гаврилюк Т.В., 2025

Татьяна Владимировна Гаврилюк – кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6.

SCIENTIFIC ARTICLE

V.V. Gavriluk

Industrial University of Tyumen,

Tyumen, Russian Federation

E-mail: gavriluk@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0131-4939>

V.Yu. Bocharov

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: bocharov.vyu@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

T.V. Gavriluk

University of Tyumen,

Tyumen, Russian Federation

E-mail: tv_gavriluk@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3396-0959>

The concept of «social well-being» in the study of youth employed in the service sector of the economy

Abstract: the article provides a justification for the heuristic possibilities of applying the concept of social well-being in the study of young service sector workers. The author's approaches to the description of the relationship between subjective and objective factors of social well-being of the new generation of Russians are presented. The novelty of the project lies in the formulation of the problem of studying the social well-being of young people employed in the service sector of the economy, which is practically not represented in the Russian sociological discourse. Within the framework of the stated issues, the analysis of the concept of social well-being, its comparison with the foreign tradition, as well as with the specifics of research on these issues in relation to youth, is carried out. The author's indicators for measuring the social well-being of young people employed in the service sector of the economy are proposed. The purpose of the article is to substantiate the methodological role of the concept of social well-being in the study of the dynamics of collective consciousness.

Key words: youth; service work; youth service employment; social well-being; emotions.

Citation: Gavriluk, V.V., Bocharov, V.Yu., Gavriluk, T.V. (2025), The concept of «social well-being» in the study of youth employed in the service sector of the economy, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 115–129, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-115-129>.

Acknowledgments: the article has been prepared with the support of the RSF (Russian Science Foundation) grant No. 25-28-00071 «Youth in the service sector of the economy: professional identity and social well-being» <https://rscf.ru/project/25-28-00071/>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Gavriluk V.V., 2025

Vera V. Gavriluk – Doctor of Sociology, Professor, Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, 38, Volodarskogo str., Tyumen, 625000, Russian Federation; Researcher of the Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen, 6, Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russian Federation.

© Bocharov V.Yu., 2025

Vladislav Yu. Bocharov – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS branch,

25/14, office 524, 7th Krasnoarmeyskaya str., St. Petersburg, 190005, Russian Federation; Researcher of the Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen, 6, Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russian Federation.

© Gavriluk T.V., 2025

Tatiana V. Gavriluk – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen, 6, Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russian Federation.

Введение

Проблематика социального самочувствия населения достаточно популярна в российской социологии. За последние 10 лет опубликовано более 1,5 тысяч статей, посвящённых прикладным исследованиям в этом категориальном поле. Большинство публикаций связано с описанием социального самочувствия различных социальных групп, населения отдельных регионов, горожан, сельских жителей, пожилых граждан, инвалидов и т. п. (Бочканова 2007; Гущина, Кондратович, Положенцева 2011; Каргаполова 2011; Горшков 2011; Белоножко, Барбаков 2013; Юрасов, Танина 2018; Васькина 2024 и др.). Есть публикации, посвящённые социальному самочувствию работающего населения, например: учителей (Русских 2015; Болдышева, Головчин 2016), представителей среднего класса (Аврамова, Логинов 2017), работников предприятий промышленности (Авдошина 1999; Тукумцев 2001, Васькина 2007; Бессокирная 2008), работников сельского хозяйства (Бочаров, Васькина 2017а). Значительная часть работ посвящена проблемам самочувствия молодежи (Петрова 2002; Авксентьев, Грищенко, Маслова 2008; Карамельский 2011; Щербакова 2011; Галич 2012; Вишневецкий, Нархов 2016; Шлыкова 2018; Гранкина, Момотов 2019; Гусарова 2019, Юнусова, Лаптев 2021 и др.), в том числе молодых работников промышленных предприятий (Бочаров, Васькина 2017б). Между тем проблематика социального самочувствия молодых сервисных работников практически не представлена в современной российской социологии. Несмотря на длительную историю категории «социальное самочувствие» в отечественной науке, ее содержательные характеристики и критерии измерения все еще подвергаются критическому осмыслению и авторской трактовке, что оставляет возможность для её операционализации с учетом специфических маркеров, связанных с особенностями сервисного труда и этапом жизненного пути представителей исследуемой группы. Формирование концептуальных оснований анализа сервисного труда и обозначение векторов актуальной научной дискуссии является значимой исследовательской задачей в условиях превалирования данного типа занятости на российском рынке труда, в том числе среди молодежи. Итак, целью данной статьи является обоснование методологической роли концепции

социального самочувствия в исследовании динамики коллективного сознания современной российской молодежи, занятой в сфере сервиса. Для достижения поставленной цели последовательно решаются следующие задачи: 1) рассмотреть подходы к интерпретации термина «социальное самочувствие»; 2) определить теоретико-методологические основы анализа социального самочувствия молодежи сервисной сферы; 3) проанализировать подходы к измерению социального самочувствия и субъективного благополучия в отечественной и зарубежной литературе; 4) описать специфику молодежной группы сервисных работников и сконструировать авторские индикаторы для измерения её социального самочувствия.

Подходы к интерпретации термина социальное самочувствие

Термин «социальное самочувствие» до сих пор не имеет однозначного и устойчивого толкования, по-разному трактуясь исследователями в социальных науках и философии (Осинский, Бутуева 2015). В отечественной социологии существует множество подходов к его интерпретации (Крупец 2003; Михайлова 2010; Суняйкина 2011; Асланова 2012 и др.). В советской социологии в основном использовался термин «общественное настроение» (Парыгин 1966), а в постсоветские годы – «социальное настроение» (Тощенко, Харченко 1996). Очевидно, что эти термины имеют более широкое значение, тогда как «социальное самочувствие» отражает эмоциональную оценку собственного положения человека и условий удовлетворения им социально-экономических и духовных потребностей (Кученкова 2016). Стоит отметить, что в советское время также использовался термин «эмоциональное самочувствие». При этом эмоциональное самочувствие рассматривалось как часть содержания внутреннего мира личности и один из важнейших показателей социально-психологической адаптации человека в трудовом коллективе. Этот термин интерпретировался как «интегральная характеристика состояния личности, своеобразно отражающая уровень соответствия внутренних ресурсов человека условиям, содержанию деятельности, намерений, планов и ожиданий личности – реальной действительности» (Социально-психологические проблемы... 1983, с. 157).

В 1990-е годы теоретический конструкт социального самочувствия начал использоваться в прикладных социологических исследованиях, возникла проблема критериев, способов измерения, формирования некоего «индекса социального самочувствия» (Левада 1998; Головаха, Горбачик, Панина 1998). Однако теоретическая трактовка социального самочувствия так оставалась неразработанной в общей социологии. Например, в Российской социологической энциклопедии под ред. Г.В. Осипова 1999 года термин «социальное самочувствие» отсутствует. Тем не менее уже в начале 2000-х гг. интерес к проблемам социального самочувствия возрос. Это было вызвано исследовательским и массовым запросом на выявление вектора развития страны в новом веке, турбулентностью мирового развития, тенденциями ценностного раскола традиционных, современного и постсовременного обществ. И в это время начали конструироваться концепции социального самочувствия на уровне отраслевых социологических теорий среднего уровня. Так, например, уже к середине 2000-х гг. сложился определенный консенсус в использовании термина социальное самочувствие в отечественной социологии труда, в которой этот термин стал трактоваться «как общая удовлетворенность жизнью» и «результат самооценки человеком своих жизненных успехов и неудач, во многом связанных с трудовой деятельностью» (Васькина 2006, с. 307). Во многом отечественная социология труда на рубеже XXI века опиралась на традиции советской заводской социологии и занималась проблемами труда и трудовых отношений на промышленных предприятиях. Поэтому в прикладных исследованиях говорилось в основном о социальном самочувствии работника промышленного предприятия. Тем не менее уже в то время акцентировалось внимание на эмоциональной составляющей этого концепта. Так, в 1999 г. Н.В. Авдошина рассматривала социальное самочувствие как «эмоционально-психологическое состояние людей», формирующееся на основе восприятия ситуации на работе и вне работы (т. е. производственных и внепроизводственных факторов). При этом основные показатели социального самочувствия определялись как удовлетворенность работой (включая частные удовлетворенности различными элементами производственной ситуации), удовлетворенность жизнью и степень уверенности в завтрашнем дне (Авдошина 1999, с. 118). Постепенно на фоне общественных изменений и трансформации социально-трудовой сферы акцент анализа социального самочувствия в социологии труда начинает смещаться и выходит за рамки промышленного производства (Бочаров 2023). И на эти изменения социологи-трудовики стали обращать внимания уже в конце первого десятилетия XXI века.

Социальное самочувствие начинает рассматриваться как «реакция человека на окружающую его социальную действительность и на изменение своего статуса в связи с происходящими событиями» (Васькина 2007, с. 213). При этом А.П. Гаврилов и М.Е. Соколова выделяли 4 основных блока составляющих концептуальное содержание социального самочувствия работника в условиях трансформации трудовых отношений: 1) оценка и самооценка социального статуса и роли; 2) актуальное знание, общественное мнение, социальный опыт, встроенный в умонастроение, 3) социальные ожидания и притязания, 4) преобладающее настроение и эмоциональное состояние (Гаврилов, Соколова 2007, с. 221).

Но в широком научном дискурсе российской социологии согласия в трактовке социального самочувствия все эти годы не наблюдалось за исключением, пожалуй, социального самочувствия как «интегральной» характеристики или показателя. Так, Л.Е. Петрова рассматривала социальное самочувствие как интегральную характеристику реализации жизненной стратегии личности, отношения к окружающей действительности, субъективных её сторон. (Петрова 2000, с. 51). В свою очередь, Я.Н. Крупец отмечала, что социальное самочувствие это «интегральный показатель адаптированности населения к реформам, как некий результат, индикатор успешности протекания процесса адаптации» (Крупец 2003, с. 143).

В целом обобщенный анализ теоретических подходов, сложившихся в отечественной социологии при исследовании проблем социального самочувствия, представили А.П. Соловей и Е.В. Шухно (Соловей, Шухно 2018). Они выделяют три исследовательских стратегии к интерпретации социального самочувствия: 1) определение социального самочувствия на основе удовлетворенности индивида различными сторонами жизни; 2) рассмотрение социального самочувствия как интегральной характеристики реализации жизненной стратегии личности; 3) изучение социального самочувствия как чувства.

В зарубежной социологии и социальной психологии используется термин «субъективное благополучие» (Subjective Well-Being), который имеет более узкое значение по сравнению с «социальным самочувствием». Однако при определенных допущениях его можно сравнивать с «социальным самочувствием», что позволяет проводить взаимодополняющие исследования и заимствовать стратегии операционализации (Рогозин 2007). Отметим, что ряд отечественных авторов предпочитает использовать термин «субъективное благополучие». Поэтому в современных отечественных исследованиях по изучению социального самочувствия одновременно присутствуют два подхода: «первый связан с трактовкой понятия в широком

смысле как аналога социальных настроений, второй – в узком как нечто подобное субъективному благополучию» (Кученкова 2016).

Тем не менее как временный дискуссионный компромисс в 2023 году в Большой российской энциклопедии было закреплено следующее понятие социального самочувствия: «состояние, свидетельствующее об уровне адаптированности человека к окружающей действительности и степени удовлетворения его социальных потребностей, являющееся результатом самооценки человеком своего социального статуса, жизненных успехов и неудач в соотношении с положением других людей и групп, а также собственных жизненных перспектив и успешности реализуемой жизненной стратегии» (Бочаров 2023).

Теоретико-методологические основы анализа социального самочувствия молодежи сервисной сферы

В 2005 г. была опубликована работа Федотовой В.Г. с нетипичным для отечественной социологии названием – «Хорошее общество». В своей монографии В.Г. Федотова обосновала концепцию динамики традиционного, современного и постсовременного обществ, по существу представив нормативную и прогностическую модели развития современных обществ (Федотова 2005, с. 192–193). Она выделила 17 индикаторов темпорального подхода и на их основании базовые различия традиционного, современного и постсовременного обществ. При этом динамика современных обществ рассматривается автором через призму оценок объективных условий и факторов акторами общественного развития. На наш взгляд, эта работа не получила достойной оценки в профессиональном сообществе, ее базовые идеи не нашли развития в дальнейших исследованиях, ее эвристический потенциал оказался невостребованным.

В концепции В.Г. Федотовой «хорошее общество» характеризуется доступностью образования и медицины, правом на труд и безопасность, а также социальной справедливостью. Признаки «хорошего общества» включают:

- продолжительность жизни, рождаемость и смертность;
- уровень самоубийств, убийств и криминального насилия;
- экономическое положение: безработица, доход на душу населения, уровень бедности и голода, стоимость образования и медицины, размер пенсий и пособий;
- качество социума: доступ к образованию, социальная мобильность, правовая защита, состояние окружающей среды;
- качество населения: отношение к наркотикам и алкоголизму, трудовые мотивации, позитивные устремления молодежи, отсутствие аномии, ви-

тальность и сохранение идентичности (Федотова 2005, с. 7).

Как видно, автор однозначно включает как объективные, так и субъективные характеристики, отражающие реальную динамику общественного развития. В рассматриваемой концепции для нашего исследования эвристическую ценность имеет авторский подход к системе оценок общества как «хорошего», т.е. такого, в котором социальное самочувствие его членов имеет позитивный вектор. Взаимосвязь объективных и субъективных признаков хорошего общества отражает качество социума: наличие позитивных устремлений молодежи; отсутствие аномии, ценностного вакуума или рассогласования ценностей. Нерешенной проблемой для социологии остался вопрос определения индикаторов для измерения всех этих характеристик и построения иерархии объективных признаков. Эта иерархия, как нам представляется, носит исторический характер, на первый план в разные исторические эпохи выходят разные доминирующие признаки (от безопасности и суверенитета в периоды глобальных потрясений, войн, геополитических конфликтов) до наличия и устойчивости каналов социальной мобильности в периоды стабильного развития. Кроме того, на наш взгляд, надо учитывать незыблемые ментальные различия в оценке общества как «хорошего», связанные с особенностями истории и национального характера, что, безусловно, отражает базовые характеристики социального самочувствия. Так, вся история отечественной философской мысли подтверждает, что русский национальный характер имеет в качестве фундаментальной, непреходящей ценности – справедливость. Именно эта ценность в России является точкой отсчета во все времена, она определяет как межличностные, межгрупповые, включая классовые взаимоотношения, так и отношения общества и государства.

Концепция В.Г. Федотовой, на наш взгляд, является единственным пока исследованием, отражающим возможность интеграции отечественных подходов к описанию социального самочувствия и западных подходов в определении социального благополучия, при том, что автор не ставила перед собой такой исследовательской задачи.

С точки зрения заявленной нами тематики, подход В.Г. Федотовой может быть положен в основание исследования темпоральности самочувствия в российском социуме в условиях геополитического кризиса, динамики оценок прошлого, настоящего и будущего современной молодежью. Обобщенный анализ взаимосвязи образов прошлого, настоящего и будущего (именно как образов) мог бы стать методологической основой исследования динамики общественного настроения как одной из базовых составляющих социального самочувствия. Отметим, что в рамках новейших

прикладных исследований подобная методология уже апробируется самарскими исследователями. Так, в исследовании Ю.В. Васькиной для характеристики социального самочувствия жителей Самарской области использовались три показателя: 1) ретроспективный (оценки респондентами произошедших жизненных изменений в течение последнего календарного года); 2) текущий (восприятие сложившейся жизненной ситуации) и 3) перспективный (ожидания респондентов от изменений в жизни в ближайшем году) (Васькина 2024, с. 453).

Другая важная для нас концепция была разработана нижегородскими исследователями Л.Н. Захаровой, З.Х.-М. Саралиевой и И.С. Леоновой и опубликована в качестве отдельного раздела в 2023 г. в книге «Happiness and Wellness - Biopsychosocial and Anthropological Perspectives» (Zakharova, Saralieva, Leonova 2023). Эти авторы оперируют понятием «субъективное благополучие» и рассматривают его в рамках рабочей среды, что позволяет дополнить концепцию В.Г. Федотовой, фокусируясь на анализе социального самочувствия работающей молодежи. Подход Л.Н. Захаровой, З.Х.-М. Саралиевой и И.С. Леоновой делает акцент на восприятии человеком своего благополучия в рабочей среде. При этом благополучие включает в себя три важных элемента: 1) удовлетворенность работой, 2) вовлеченность в инновационное развитие рабочей организации и 3) эмоциональные переживания, связанные с работой. Понимаемое таким образом субъективное благополучие работника выполняет функции повышения доверия к менеджменту и служит эмоциональным регулятором принятия инноваций сотрудниками. Ключевым детерминантом субъективного благополучия является организационная культура компании, которая выступает посредником между влияниями культуры общества и требованиями менеджмента.

В своей концепции Л.Н. Захарова, З.Х.-М. Саралиева и И.С. Леонова утверждают, что высокий уровень субъективного благополучия работника влечет за собой повышение производительности и удовлетворенности работой. При этом повышение уровня субъективного благополучия персонала на рабочем месте влияет и на внепроизводственную сферу, делая человека готовым к осмысленной и счастливой жизни. Во многом это коррелирует с современными зарубежными исследованиями, в которых обосновывается связь субъективного благополучия с успехом на профессиональном, личном и межличностном уровнях. При этом люди с высоким уровнем субъективного благополучия демонстрируют большую продуктивность на рабочем месте, более эффективное обучение, повышенную креативность, более просоциальное поведение и позитивные отношения (Ruggeri, Garcia-Garzon, Maguire et al. 2020).

Также можно отметить цикл концептуальных статей Г.Г. Татаровой и А.В. Кученковой (Татарова, Кученкова 2016; Кученкова, Татарова 2019; Кученкова, Татарова 2024), которые апробируют различные модели измерения субъективного благополучия. В частности, для нашей концепции социального самочувствия молодежи, занятой в сервисной сфере важны следующие моменты: 1) использование интегральных индексов для измерения субъективного благополучия, что может быть полезно для создания более комплексных моделей социального самочувствия; 2) обоснование влияния этапов жизненного цикла на субъективное благополучие; 3) редложение методов типологического анализа для выявления различных групп с разным уровнем субъективного благополучия, что может быть использовано в нашем исследовании для идентификации групп молодежи с различными уровнями социального самочувствия и разработки целевых стратегий для их поддержки; 4) обсуждение использования факторного анализа для выявления ключевых компонентов субъективного благополучия, что может быть применено и для анализа данных о социальном самочувствии молодежи сервисной сферы и выявления наиболее значимых его факторов.

Подходы к измерению социального самочувствия: индикаторы факторы, индексы Опыт отечественных исследований

Для измерения социального самочувствия отечественные авторы используют различные наборы индикаторов, показателей или критериев, в зависимости от целей исследования и изучаемой социальной группы (Егорова, Хасбулатова 2002; Авксентьев, Грищенко, Маслова 2008; Юдашкин, Чеблаков, 2010; Зинунова, Фатыхова 2011; Белоножко, Барбаков 2013; Пишняк, Попова, 2015; Лепешкин 2020; Юнусова, Лаптев 2021). Так, в исследовании Л.С. Егоровой и О.А. Хасбулатовой к индикаторам социального самочувствия отнесены: удовлетворенность разными аспектами жизни; уверенность в завтрашнем дне; наиболее беспокоящие человека проблемы; оценка социальной значимости экономических и политических реформ; степень готовности к новым испытаниям, связанным с продолжением реформ; отношение к деятельности властных структур; готовность лично участвовать в социально-политической жизни общества (Егорова, Хасбулатова 2002, с. 48). А в статье В.А. Авксентьева, Г.Д. Грищенко и Т.Ф. Масловой к основным показателям социального самочувствия отнесены:

- самооценка уровня жизни;
- состояние здоровья;
- социально-идентификационное самоощущение;
- жизненные стратегии;

- отношение к положению дел в регионе;
- правовое самочувствие;
- оценка межэтнических отношений;
- отношение к миграционной ситуации (Авксентьев, Грищенко, Маслова 2008, с. 92).

Отметим, что в социологии труда в различных методиках определения уровня социального самочувствия наемных работников, как правило, присутствуют оценки работников своей удовлетворенности работой и жизнью (Бочаров, Васькина 2017b; Темницкий, Бессокирная 2018). При этом нередко присутствует и показатель эмоционального состояния. Так, А.А. Грачев и А.А. Русалинова к показателям социального самочувствия работников относят:

- уровень удовлетворенности жизнью;
- уверенность в завтрашнем дне;
- чувство социального дискомфорта;
- эмоционально-динамический настрой;
- удовлетворенность работой (Грачев, Русалинова 2007, с. 9).

В свою очередь, О.Н. Суняйкина предлагает анализировать следующие показатели:

- уровень жизни: доход, материальное положение, занятость, социальная защита, качество свободного времени;
- эмоционально-психологическое состояние;
- социальные самоощущения: идентификация, комфорт, ценности;
- жизненные и адаптационные стратегии;
- самооценка потенциала: профессиональный, социальный опыт, личностные качества (Суняйкина 2011, с. 101).

Чаще всего в отечественных исследованиях говорят о следующих группах факторов, оказывающих влияние на социальное самочувствие:

- социально-демографические показатели, личностный статус, этнокультурные и индивидуальные особенности, ценностные ориентации, потребности и интересы (Осинский, Бутуева 2015);
- удовлетворенность работой и жизнью в целом (Бессокирная 2008);
- социально-производственная среда, социальная защита и жилищная сфера (Михайлова 2010);
- повседневные риски, с которыми сталкивается человек (Шлыкова 2018);
- организация и условия труда, в том числе последствия прекаризации занятости (Прекариат... 2020; Прекарная занятость... 2021).

Помимо поиска факторов и выделений социальных показателей (индикаторов), отечественными учеными делаются попытки применения индексного метода к анализу социального самочувствия. Наиболее известен опыт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), который ежемесячно рассчитывает индексы удовлетворенности жизнью, социального оптимизма и самооценок материального положения.

Но также известен и ряд других индексных методик к оценке социального самочувствия (Левада 1998; Козырева 2011; Красильникова 2011; Красильникова 2012). Так, например, П.М. Козырева предлагает рассчитывать индекс социального самочувствия на основе взаимосвязанных трёх компонентов: индекса удовлетворенности и стабильности существования, индекса статусно-престижной идентичности (самооценки), индекса самооценки состояния здоровья (Козырева 2011).

Опыт зарубежных исследований

В современных зарубежных исследованиях субъективное благополучие рассматривается как комбинация: хорошего самочувствия; переживания положительных эмоций, таких как счастье и удовлетворенность; возможностей для развития личностного потенциала в условиях позитивных отношений и контроля над жизнью (Ruggeri et al. 2020). При этом основными индикаторами субъективного благополучия являются:

- удовлетворенность жизнью в целом и её различными сферами (Diener et al. 1999; Huppert 2014).
- ощущение счастья (Хвостикова 2012; Spruk, Kešeljčević 2016).

Так, Евростат (статистическая служба Европейского союза – Eurostat) рассматривает субъективное благополучие через три показателя: удовлетворенность жизнью; наличие положительных чувств и отсутствие отрицательных; счастье (партнерство, дружба, самореализация и эмоциональное благополучие) и ощущение смысла жизни (Personal well-being indicators 2022, 2018, 2013). Также масштабные исследования проводятся в рамках всемирного индекса счастья (The Happy Planet Index). Эти исследования основаны на оценках человеком общего благосостояния (не связанного с конкретными сферами жизни) и благосостояния в конкретных сферах жизни (работа, семья и др.) (Bojanowska, Zalewska 2016).

Также как и среди отечественных авторов, в зарубежных исследованиях субъективного благополучия выделяются факторы на него влияющие. Так, например, в одних исследованиях ведется речь о шести таких факторах: 1) личностные факторы; 2) контекстные и ситуационные факторы; 3) демографические факторы; 4) институциональные факторы; 5) факторы окружающей среды; 6) экономические факторы (Hoorn 2007). В других исследованиях выделяют четыре наиболее важных фактора: 1) социальный капитал; 2) семейное положение; 3) здоровье; 4) уровень доходов (Cramm, Moller, Nieboer 2012). Отметим, что в зарубежном дискурсе факторы, влияющие на субъективное благополучие, в значительной степени определяются нормативными и дисциплинарными установками отдельных исследователей. С по-

зиции макроэкономики, демографии и социальной политики в течение ряда десятилетий в качестве основного критерия для измерения и сравнения благосостояния/благополучия населения разных стран использовался уровень ВВП на душу населения (Giovannini, Hall, d'Ercole 2007). Однако в ряде исследований, отражающих так называемый парадокс Истерлина (Easterlin 2003), доказывается, что после удовлетворения определенного уровня материальных потребностей дальнейший рост ВВП не приводит к такому же повышению благополучия людей. Появляется все больше свидетельств того, что социальное благополучие в гораздо большей степени зависит от ряда немонетарных факторов, характеризующих жизненные условия, таких как занятость, здоровье, жилье, личная безопасность и семейные отношения (Di Tella, MacCulloch 2008). Конкретные аспекты социального благополучия на уровне национальных государств измеряются посредством ряда индикаторов, основанных на комплексных показателях человеческого развития ("human development") – динамика института семьи, уровень занятости и безработицы, уровень преступности, ожидаемая продолжительность жизни и младенческая смертность (Tiliouine, Cummins, Davern 2006). Существует и другой современный подход к измерению социального благополучия, где фокус внимания сосредоточен на субъективных показателях удовлетворенности жизнью или счастья (Hills, Argyle 2001; Layard, 2005; Kahneman, Krueger 2006). Аргументируется, что благополучие определяется не только объективными обстоятельствами каждого человека, а его субъективным опытом проживания этих обстоятельств. В западной литературе подходы, ориентированные на анализ субъективного восприятия благополучия, критикуются по ряду аспектов: выбор конкретных компонентов благополучия зачастую является произвольным (Awartani et al. 2008); концепт «благополучия» в последние годы приобретает идеализированный и индивидуализированный фокус; отсутствие жизнеспособного определения приводит к тому, что «социальное благополучие» становится всеобъемлющей категорией, мало что проясняющей в анализе; часто оно выступает синонимом «здоровья» или «счастья», что приводит к нивелированию влияния структурных условий на жизнь людей, таких как уровень бедности, доступ к образованию, жилью, занятости и медицинскому обслуживанию (Bourke, Geldens 2007).

Специфика занятости молодежи в сфере услуг, определяющая индикаторы социального самочувствия

Выделение специфической молодежной группы сервисных работников обусловлено быстрым распространением новых групп специальностей

на этом рынке и ростом числа занятых (сектор представлен почти 70 % от числа занятых, что соответствует общемировой тенденции). В отечественной социологии назрела необходимость постановки указанных проблем для последующего становления междисциплинарной предметной области исследования сервиса («service studies»), практически не представленной в современном российском дискурсе социальных наук. Имеющиеся исследования в сфере сервиса направлены на традиционные коммерческие отрасли, такие как ритейл, индустрия гостеприимства, финансовые услуги. В условиях фрагментированной контрактной занятости и «платформенного капитализма» возникает множество новых профессий сферы услуг, связанных с саморазвитием и стилем жизни (персональный тренер, доула, стилист, коуч, организатор пространства, бровист и т. д.).

Массовые профессии в сфере услуг, такие как торговля и бытовое обслуживание, недостаточно изучены социальными аналитиками. Работники этих отраслей не имеют исторической основы для формирования классовой идентичности и солидарности, что делает их уязвимыми в условиях precarious занятости. Это требует усиленного внимания к изучению специфики рутинного сервисного труда и социально-профессиональных групп, занятых в этой сфере (Гаврилюк 2021). При этом специфика сервисной сферы требует добавления эмоционального компонента. Тем более, что доказано влияние эмоционального состояния работника на его социальное самочувствие: позитивные эмоции укрепляют социальные связи и способствуют социальному самочувствию, в то время как неконтролируемые или хронические негативные эмоции могут привести к социальной изоляции и ухудшению самочувствия. Помимо эмоционального компонента также важно учитывать следующие специфические черты сервисной занятости: 1) взаимодействие с клиентами: сервисный труд предполагает постоянное взаимодействие с клиентами, что требует эмоциональной вовлеченности, эмпатии и умения решать конфликтные ситуации; 2) низкая оплата и престиж: многие сервисные профессии (официанты, горничные, продавцы) характеризуются относительно низкой оплатой труда и невысоким социальным статусом; 3) precarious характер занятости: в сервисном секторе часто встречается неполная занятость, временные контракты и отсутствие гарантий занятости; 4) стандартизация и рутинизация труда: многие сервисные операции стандартизированы и рутинизированы, что может ограничивать возможности для проявления творчества и инициативы; 5) специфика работы «на передовой»: работники сервиса часто являются «лицом» компании и несут ответственность за формирование впечатления клиентов о бренде.

Исходя из проведенного анализа мы можем предложить следующее определение социального самочувствия молодого работника сервисной сферы экономики: субъективное эмоциональное переживание событий личной и профессиональной жизни с учетом темпоральной оценки собственных жизненных обстоятельств, их перспектив и успешности реализуемой жизненной стратегии.

Основными индикаторами измерения социального самочувствия молодого работника сервисной сферы являются: 1) уровень удовлетворённости жизнью в целом; 2) уровень стойкости (или терпения) по отношению к сложившейся жизненной ситуации; 3) уровень ожиданий относительно своего ближайшего будущего; 4) уровень удовлетворенности работой в целом и ее отдельными характеристиками; 5) эмоциональное состояние на работе.

Выводы

Теоретический анализ показывает, что большинство исследователей социального самочувствия и благополучия считают вопросы об их содержании и критериях измерения до сих пор нерешенными. Несмотря на длительное изучение, понятия «социальное самочувствие» и «социальное благополучие» не имеют однозначных определений. Исследователи сходятся во мнении, что эти понятия многоаспектны, неоднозначны, изменчивы и сложны по структуре. Они находятся на стыке экономических, психологических и социологических областей, каждая из которых предлагает свой подход к их изучению и концептуализации.

Многозначность терминов в категориальном поле социального самочувствия и социального благополучия, их эластичность означают, что они могут использоваться для разных целей – не только исследовательских, но и политических. Мы останавливаемся на категории «социальное самочувствие», потому что она принята в отечественном дискурсе и не предполагает наличия некоего идеализированного, априорно заданного состояния, к которому следует стремиться, а дает возможность выявить как позитивные, так и негативные тенденции социальной жизни.

Ключевые индикаторы социального самочувствия или, в зарубежном дискурсе, благополучия призваны помочь выработать социальную политику, ориентированную как на интересы людей, так и на долгосрочную экономическую и социальную устойчивость. Несмотря на широкое использование данных категорий, они определяются непоследовательно, что оставляет возможность их авторской интерпретации. Трактовка понятия «социальное самочувствие» применительно к молодежи, занятой в сфере сервисной деятельности, не представлена в отечественной социологии, что, с учетом роста численности занятых, определяет не только академическую актуальность, но и важ-

ность проблемы для молодежной политики в поисках механизмов консолидации новых поколений. Разрыв аксиоматики и круга рассматриваемых вопросов отечественной и зарубежной социологии в отношении сервисной сферы обуславливает необходимость концентрации исследовательского внимания на данной проблематике, в особенности с учетом того, что многие проблемы молодежи, занятой в сервисном секторе, имеют сегодня глобальный характер.

Социальное самочувствие – это субъективное эмоциональное переживание, поэтому его измерение должно основываться на самооценке индивидом отношения к своей жизни, окружающей профессиональной среде и удовлетворенности её элементами с учетом темпорального характера происходящих изменений. Такой подход к понятию «социальное самочувствие» и его индикаторам применительно к молодежи, занятой в сфере сервисной деятельности, с учетом роста численности занятых, определяет не только академическую актуальность, но и важность проблемы для молодежной политики в поисках механизмов консолидации новых поколений.

Источники фактического материала

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru>.

Personal well-being indicators (2022, 2018, 2013), Eurostat, [Online], available at: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/explore/all/popul?lang=en&subtheme=livcon.ilc.ilc_ahm.ilc_pwb&display=list&sort=category&extractionId=ilc_pw08

Библиографический список

Awartani, M., Vince, Ch., Gordon, J. (2008), Developing instruments to capture young people's perceptions of how school as a learning environment affects their well-being, *European Journal of Education*, no. 43, pp. 51–70, DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1465-3435.2007.00337.x>.

Bojanowska, A., Zalewska, A.M. (2016), Lay understanding of happiness and the experience of well-being: Are some conceptions of happiness more beneficial than others?, *Journal of Happiness Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 793–815, DOI: <https://doi.org/10.1007/s10902-015-9620-1>.

Bourke, L., Geldens, P. (2006), Subjective well-being and its meaning for young people in a rural Australian center, *Social Indicators Research*, no. 82, pp. 165–187, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-006-9031-0>.

Cramm, J.M., Møller, V., Nieboer, A.P. (2012), Individual- and neighborhood-level indicators of subjective well-being in a small and poor eastern cape

township: The effect of health, social capital, marital status, and income, *Social Indicators Research*, vol. 105, no. 3. pp. 581–593, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-011-9790-0>.

Tiliouine, H., Cummins, R., Davern, M. (2006), Measuring wellbeing in developing countries: The Case of Algeria, *Social Indicators Research*, vol. 75, pp. 1–30, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-004-2012-2>.

Di Tella, R., MacCulloch, R. (2008), Gross national happiness as an answer to the Easterlin Paradox?, *Journal of Development Economics*, Elsevier, vol. 86(1), April, pp. 22–42.

Diener, E., Suh, E.M., Lucas, R.E., Smith, H.L. (1999), Subjective well-being: three decades of Progress, *Psychological Bulletin*, vol. 125, no. 2, pp. 276–302, DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.2.276>.

Easterlin, R.A. (2003), Explaining happiness, *Proceeding of the National Academy of Sciences*, vol. 100, no. 19, pp. 11176–11183.

Giovannini, E., Hall, J., d'Ercole, M.M. (2007), Measuring well-being and societal progress, *Organisation for Economic Co-operation and Development. Background paper for the conference "Beyond GDP"*, 19-20 November 2007, Brussels, [Online], available at: https://www.academia.edu/5488064/MEASURING_WELL_BEING_AND_SOCIAL_PROGRESS (Accessed 10 January 2025).

Hills, P., Argyle, M. (2001), Happiness, introversion-extraversion and happy introverts, *Personality and Individual Differences*, vol. 30, no. 4, pp. 595–608, DOI: [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(00\)00058-1](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(00)00058-1).

Hoorn, A. (2007), A short introduction to subjective well-being: measurement, correlates and policy uses, *Is happiness measurable and what do those measures mean for policy?* 2-3 April 2007, University of Rome "Tor Vergata", URL: <https://www.researchgate.net/publication/254875327> (Accessed 10 January 2025).

Huppert, F.A. (2009), Psychological well-being: evidence regarding its causes and consequences, *Applied psychology: Health and Well-Being*, vol. 1, no. 2, pp. 137–164, DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1758-0854.2009.01008.x>.

Kahneman, D., Krueger, A.B. (2006), Developments in the measurement of subjective well-being, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 20, no. 1, pp. 3–24, DOI: <https://doi.org/10.1257/089533006776526030>.

Layard, R. (2005), *Happiness: Lessons from a new science*, Penguin, New York, USA.

Ruggeri, K., Garcia-Garzon, E., Maguire, A. et al. (2020), Well-being is more than happiness and life satisfaction: a multidimensional analysis of 21 countries, *Health and Quality of Life Outcomes*, vol. 18, Article number: 192, DOI: <https://doi.org/10.1186/s12955-020-01423-y>.

Spruk, R., Kešeljević, A. (2016), Institutional origins of subjective well-being: estimating the effects of economic freedom on national happiness, *Journal of Happiness Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 659–712, DOI: <https://doi.org/10.1007/s10902-015-9616-x>.

Zakharova, L., Saralieva, Z., Leonova, I. (2023), Subjective well-being at the workplace as a social action: opportunities for management and self-management, *Happiness and Wellness – Biopsychosocial and Anthropological Perspectives*. Floriana Irtelli and Fabio Gabrielli (ed.), pp. 299–328, IntechOpen, London, UK.

Авдошина Н.В. Социальное самочувствие работников промышленных предприятий // Социально-трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России. Самара: ПАКС, 1999. С. 116–124, 306 с.

Авксентьев В.А., Грищенко Г.Д., Маслова Т.Ф. Социальное самочувствие молодежи Северного Кавказа // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 91–96.

Аврамова Е., Логинов Д. Социальное самочувствие российского среднего класса // Экономическое развитие России. 2017. Т. 24, № 10. С. 69–72.

Асланова О.А. Социальное самочувствие: измерительный инструментарий, показатели и социальные критерии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 59–63.

Белоножко М.Л., Барбаков О.М. Социальное самочувствие сельского населения северного региона России // Фундаментальные исследования. 2013. № 10. С. 2534–2538.

Бессокирная Г.П. Социальное самочувствие рабочих // Социологические исследования. 2008. № 3. С. 34–37.

Болдышева Н.О., Головчин М.А. Социальное самочувствие учителей и их отношение к реформе образования // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 113–123.

Бочаров В.Ю. Социальное самочувствие // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/sotsial-noe-samochuvstvie-862f36/?v=8730574> (Дата публикации: 18.10.2023).

Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В. Оценка состояния социальной инфраструктуры сельских поселений как фактор социального самочувствия // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017а. № 2. С. 33–53. DOI: <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2017.2.3>.

Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В. Социальное самочувствие молодых работников промышленных предприятий: индикаторы и факторы // Журнал исследований социальной политики. 2017б. Т. 15, № 2. С. 201–216. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-201-216>.

Бочканова Е.Н. Социальное самочувствие горожан – ориентир муниципальной социальной по-

- литики // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 51. С. 29–36.
- Васькина Ю.В. Изменения оценок материального положения, уровня жизни и социального самочувствия жителей Самарской области // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20, № 3. С. 450–460. DOI: <https://doi.org/10.52180/1999-9836-2024-20-3-10-450-460>.
- Васькина Ю.В. Социальное самочувствие работников / Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь. Санкт Петербург: Наука, 2006. С. 307.
- Васькина Ю.В. Социальное самочувствие работников промышленности / Проблемы труда, трудовых отношений и качества жизни. Самара: Изд-во «Универс групп», 2007, С. 213–220, 386 с.
- Гаврилов А.П., Соколова М.Е. Социальное самочувствие наемных работников в условиях трансформации трудовых отношений / Проблемы труда, трудовых отношений и качества жизни. Самара: Изд-во «Универс групп», 2007, С. 221–224, 386 с.
- Гаврилюк Т.В. Рабочий класс в сервисной сфере: постановка проблемы и актуальный социологический дискурс // Социологический журнал. 2021. Т. 27, № 3. С. 78–96. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.3.8425>.
- Галич Л.П. Социальное самочувствие молодежи. Минск: Право и экономика, 2012. 160 с.
- Головаха Е.И., Горбачик А.П., Панина Н.В. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). 1998. № 10. С. 45–72.
- Гранкина А.А., Момотов Д.И. Социальное самочувствие молодежи Северного Кавказа // Caucasian Science Bridge. 2019. Т. 2, № 3. С. 39–44.
- Грачев А.А., Русалинова А.А. Социальное самочувствие человека в организации // Известия Российского государственного педагогического ун-та им. А.И. Герцена. 2007. Т. 8, № 30. С. 7–17.
- Гусарова З.В. Индекс социального самочувствия молодежи Московской области // Социология. 2019. № 5. С. 12–20.
- Гушина И.А., Кондратович Д.Л., Положенцева О.А. Социальное самочувствие населения моногородов как показатель уровня адаптированности к социально-экономическим трансформациям // Управление экономическими системами. Электронный научный журнал. Экономический анализ. 2011. № 34. URL: <http://uecs.ru/uecs-34-342011/item/725-2011-10-28-07-59-50> (дата обращения: 24.01.2025).
- Егорова Л.С., Хасбулатова О.А. Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 48–54.
- Зинурова Р.И., Фатыхова Ф.Ф. Индикаторы, представляющие содержание социального самочувствия // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 20. С. 245–251.
- Карамельский Р.В. Институциональный и функциональный подходы к анализу объективных и субъективных факторов социального самочувствия студенчества // Вестник ЧГУ. 2011. № 4. С. 182–187.
- Каргаполова Е.В. Социальное самочувствие населения: региональный аспект // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 8. С. 80–86.
- Козырева П.М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 24–36.
- Красильникова М.Н. Отношение к власти в структуре социального самочувствия // Вестник общественного мнения. 2012. № 2 (112). С. 56–62.
- Красильникова М.Н. Социальное самочувствие: интегральные показатели // Вестник общественного мнения. 2011. № 1 (107). С. 109–117.
- Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 143–144.
- Кученкова А.В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2 (4). С. 118–127.
- Кученкова А.В., Татарова Г.Г. «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 30–43.
- Кученкова А.В., Татарова Г.Г. Субъективное благополучие: проблема анализа качественной (не)однородности населения (часть 2). Методология и методы социологических исследований. // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 66–78.
- Левада Ю. Индексы социальных настроений в «норме» и в кризисе // Мониторинг общественного мнения. 1998. № 6. С. 7–13.
- Лепешкин С.А. Социальное самочувствие: индикаторы, типы и формы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 100–104.
- Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 45–50.
- Осинский И.И., Бутуева З.А. Социальное самочувствие: понятие, факторы формирования и показатели измерения // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2015. № 14. С. 38–45.
- Парыгин Б.Д. Общественное настроение. Москва: Мысль, 1966. 328 с.
- Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 50–55.

Пишняк А.И., Попова Д.О. Уровень и качество жизни московских домохозяйств: объективные и субъективные оценки // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13, № 2. С. 257–272.

Прекариат: становление нового класса: коллективная монография / под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.

Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Издательство «Весь Мир», 2021. 400 с.

Рогозин Д. Тестирование вопросов о социальном самочувствии // Социальная реальность. 2007. № 2. С. 97–113.

Русских Л.В. Социальное самочувствие учителей // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15, № 2. С. 107–109.

Соловей А.П., Шухно Е.В. Интерпретация и операционализация концепта «социальное самочувствие» // Синергия. 2018. № 4. С. 72–77.

Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования: коллективная монография / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого, Д.Ю. Нархова. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 204 с.

Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / под ред. М.К. Горшкова. Москва; Санкт Петербург: Нестор-История, 2011. 176 с.

Социально-психологические проблемы производственного коллектива. Москва: «Наука», 1983. 239 с.

Суняйкина О.Н. Понятие «социальное самочувствие» в социологии // Вестник Мордовского университета. 2011. № 3. С. 98–101.

Татарова Г.Г., Кученкова А.В. Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 21–32.

Темницкий А.Л., Бессокирная Г.П. Удовлетворённость работой и удовлетворённость жизнью в современной России: модели взаимосвязей // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2018. № 4. С. 138–152.

Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. Москва: Академия, 1996. 195 с.

Тукумцев Б.Г. Самарский мониторинг социально-трудовой сферы // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 42–50.

Федотова В.Г. Хорошее общество. Москва: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.

Хвостикова В.А. Удовлетворенность работой и субъективное благополучие сотрудника как фактор эффективности деятельности организации (на примере зарубежных исследований) // Социальная психология и общество. 2012. № 1. С. 26–39.

Шлыкова Е.В. Повседневный риск как фактор социального самочувствия (на примере молодежи

мегаполиса) // Теория и практика общественного развития. 2018. № 3. С. 24–27. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.3.4>.

Щербакова В.П. Социальное самочувствие молодежи – интегральный показатель ее адаптации к общественным переменам в России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2011. № 3–1. С. 221–232.

Юдашкин В.А., Чеблаков А.Л. О различиях социального самочувствия населения, связанных с их местом жительства и возрастом // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2010. № 4. С. 62–68.

Юнусова Р.С., Лаптев А.В. Индикаторы социального самочувствия молодежи в Республике Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 4. С. 151–154.

Юрасов И.А., Танина М.А. Социальное самочувствие жителей провинциального города // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. «Социология. Политология». 2018. Т. 18, вып. 3. С. 260–264. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-3-260-264>.

References

Awartani, M., Vince, Ch., Gordon, J. (2008), DevAwartani, M., Vince, Ch., Gordon, J. (2008), Developing instruments to capture young people's perceptions of how school as a learning environment affects their well-being, *European Journal of Education*, no. 43, pp. 51–70, DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1465-3435.2007.00337.x>.

Bojanowska, A., Zalewska, A.M. (2016), Lay understanding of happiness and the experience of well-being: Are some conceptions of happiness more beneficial than others?, *Journal of Happiness Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 793–815, DOI: <https://doi.org/10.1007/s10902-015-9620-1>.

Bourke, L., Geldens, P. (2006), Subjective wellbeing and its meaning for young people in a rural Australian center, *Social Indicators Research*, no. 82, pp. 165–187, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-006-9031-0>.

Cramm, J.M., Møller, V., Nieboer, A.P. (2012), Individual- and neighborhood-level indicators of subjective well-being in a small and poor eastern cape township: The effect of health, social capital, marital status, and income, *Social Indicators Research*, vol. 105, no. 3, pp. 581–593, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-011-9790-0>.

Tiliouine, H., Cummins, R., Davern, M. (2006), Measuring wellbeing in developing countries: The Case of Algeria, *Social Indicators Research*, vol. 75, pp. 1–30, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-004-2012-2>.

Di Tella, R., MacCulloch, R. (2008), Gross national happiness as an answer to the Easterlin Paradox?,

- Journal of Development Economics*, Elsevier, vol. 86(1), April, pp. 22–42.
- Diener, E., Suh, E.M., Lucas, R.E., Smith, H.L. (1999), Subjective well-being: three decades of Progress, *Psychological Bulletin*, vol. 125, no. 2, pp. 276–302, DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.2.276>.
- Easterlin, R.A. (2003), Explaining happiness, *Proceeding of the National Academy of Sciences*, vol. 100, no. 19, pp. 11176–11183.
- Giovannini, E., Hall, J., d’Ercole, M.M. (2007), Measuring well-being and societal progress, *Organisation for Economic Co-operation and Development. Background paper for the conference “Beyond GDP”*, 19-20 November 2007, Brussels, [Online], available at: https://www.academia.edu/5488064/MEASURING_WELL_BEING_AND_SOCIAL_PROGRESS (Accessed 10 January 2025).
- Hills, P., Argyle, M. (2001), Happiness, introversion-extraversion and happy introverts, *Personality and Individual Differences*, vol. 30, no. 4, pp. 595–608, DOI: [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(00\)00058-1](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(00)00058-1).
- Hoorn, A. (2007), A short introduction to subjective well-being: measurement, correlates and policy uses, *Is happiness measurable and what do those measures mean for policy?* 2-3 April 2007, University of Rome “Tor Vergata”, URL: <https://www.researchgate.net/publication/254875327> (Accessed 10 January 2025).
- Huppert, F.A. (2009), Psychological well-being: evidence regarding its causes and consequences, *Applied psychology: Health and Well-Being*, vol. 1, no. 2, pp. 137–164, DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1758-0854.2009.01008.x>.
- Kahneman, D., Krueger, A.B. (2006), Developments in the measurement of subjective well-being, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 20, no. 1, pp. 3–24, DOI: <https://doi.org/10.1257/089533006776526030>.
- Layard, R. (2005), *Happiness: Lessons from a new science*, Penguin, New York, USA.
- Ruggeri, K., Garcia-Garzon, E., Maguire, Á. et al. (2020), Well-being is more than happiness and life satisfaction: a multidimensional analysis of 21 countries, *Health and Quality of Life Outcomes*, vol. 18, Article number: 192, DOI: <https://doi.org/10.1186/s12955-020-01423-y>.
- Spruk, R., Kešeljević, A. (2016), Institutional origins of subjective well-being: estimating the effects of economic freedom on national happiness, *Journal of Happiness Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 659–712, DOI: <https://doi.org/10.1007/s10902-015-9616-x>.
- Zakharova, L., Saraliev, Z., Leonova, I. (2023), Subjective well-being at the workplace as a social action: opportunities for management and self-management, *Happiness and Wellness – Biopsychosocial and Anthropological Perspectives*. Floriana Irtelli and Fabio Gabrielli (ed.), pp. 299–328, IntechOpen, London, UK.
- Avdoshina, N.V. (1999), Social well-being of industrial enterprise workers, *Social and labor relations: status and development trends in Russia*, “RAKS”, Samara, Russia, pp. 116–124.
- Avksentyev, V.A., Grishchenko, G.D. and Maslova, T.F. (2008), Social well-being of youth in the North Caucasus, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 2, pp. 91–96.
- Avraamova E., and Loginov, D. (2017), Social well-being of the Russian middle class, *Economic Development of Russia*, vol. 24, no. 10, pp. 69–72.
- Aslanova, O.A. (2012), Social well-being: measurement tools, indicators, and social criteria, *Theory and Practice of Social Development*, no. 2, pp. 59–63.
- Belonozhko, M.L. and Barbakov, O.M. (2013), Social well-being of rural population in the northern region of Russia, *Fundamental Research*, no. 10, pp. 2534–2538.
- Bessokirnaya, G.P. (2008), Social well-being of workers, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 3, pp. 34–37.
- Boldysheva, N.O. and Golovchin, M.A. (2016), Social well-being of teachers and their attitude towards educational reform, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 3, pp. 113–123.
- Bocharov, V.Yu. (2023), Social well-being, *Big Russian Encyclopedia: Educational Portal*, [Online], available at: <https://bigenc.ru/c/sotsial-noe-samochuvstvie-862f36/?v=8730574> (Accessed 18 October 2023).
- Bocharov, V.Yu. and Vaskina, Yu.V. (2017a), Assessment of the state of social infrastructure of rural settlements as a factor of social well-being, *Vestnik PNIPU. Social and Economic Sciences*, no. 2, pp. 33–53, DOI: <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2017.2.3>.
- Bocharov, V.Yu., & Vaskina, Yu.V. (2017b), Social well-being of young industrial workers: indicators and factors, *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 15, no. 2, pp. 201–216, DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-201-216>.
- Bochkanova, E.N. (2007), Social well-being of urban residents – a guideline for municipal social policy, *Proceedings of Ural State University*, no. 51, pp. 29–36.
- Vaskina, Yu.V. (2024), Changes in assessments of material status, living standards, and social well-being of residents of Samara Oblast, *Living Standards of the Population in Regions of Russia*, vol. 20, no. 3, pp. 450–460, DOI: <https://doi.org/10.52180/1999-9836-2024-20-3-10-450-460>.
- Vaskina, Yu.V. (2006), Social well-being of workers, *Sociology of Labor. Theoretical and Applied Dictionary*, “Nauka”, St. Petersburg, Russia, p. 307.
- Vaskina, Yu.V. (2007), Social well-being of industrial workers, *Problems of Labor, Labor Relations, and Quality of Life*, “Univers Group”, Samara, Russia, pp. 213–220.

Gavrilov, A.P. and Sokolova, M.E. (2007), Social well-being of hired workers in the context of labor relations transformation, *Problems of Labor, Labor Relations, and Quality of Life*, "Univers Group", Samara, Russia, pp. 221–224.

Gavriljuk, T.V. (2021), The working class in the service sector: outlining the issue and reviewing current sociological discourse, *Sociologicheskij zhurnal = Sociological Journal*, vol. 27, no. 3, pp. 78–96, DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.3.8425>.

Galich, L.P. (2012), *Social well-being of youth*, "Pravo i ekonomika", Minsk, Belarus.

Golovakha, E.I., Gorbachek, A.P. and Panina, N.V. (1998), Measuring social well-being: the ISSC test, *Sociology: Methodology, Methods, and Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*, no. 10, pp. 45–72.

Grankina, A.A. and Momotov, D.I. (2019), Social well-being of the youth of the North Caucasus, *Caucasian Science Bridge*, vol. 2, no. 3, pp. 39–44.

Grachev, A.A. and Rusalina, A.A. (2007), Social well-being of individuals in organizations, *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*, vol. 8, no. 30, pp. 7–17.

Gusarova, Z.V. (2019), Social well-being index of youth in Moscow Oblast, *Sociology*, no. 5, pp. 12–20.

Gushchina, I.A., Kondratovich, D.L. and Polozhentseva, O.A. (2011), Social well-being of the population of monotowns as an indicator of the level of adaptation to socio-economic transformations, *Management of Economic Systems. Electronic Scientific Journal. Economic Analysis*, no. 34, [Online], available at: <http://uecs.ru/uecs-34-342011/item/725-2011-10-28-07-59-50> (Accessed 24 January 2025).

Egorova, L.S. and Khasbulatova, O.A. (2002), Social well-being of men and women in medium-sized cities in Russia, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 11, pp. 48–54.

Zinurova, R.I. and Fatykhova, F.F. (2011), Indicators representing the content of social well-being, *Proceedings of Kazan Technological University*, no. 20, pp. 245–251.

Karamelsky, R.V. (2011), Institutional and functional approaches to the analysis of objective and subjective factors of students' social well-being, *Proceedings of Chelyabinsk State University*, no. 4, pp. 182–187.

Kargapolova, E.V. (2011), Social well-being of the population: regional aspect, *Proceedings of Tyumen State University*, no. 8, pp. 80–86.

Kozyreva, P.M. (2011), Social adaptation of the population of Russia in the post-Soviet period, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 6, pp. 24–36.

Krasilnikova, M.N. (2012), Attitude towards authority in the structure of social well-being, *Public Opinion Monitor*, no. 2(112), pp. 56–62.

Krasilnikova, M.N. (2011), Social well-being: integral indicators, *Public Opinion Monitor*, no. 1(107), pp. 109–117.

Krupets, Y.N. (2003), Social well-being as an integral indicator of adaptation, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 4, pp. 143–144.

Kuchenkova, A.V. (2016), Social well-being and subjective well-being: relationship of concepts and measurement methods, *Proceedings of RGGU. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies*, vol. 2, no. 4, pp. 118–127.

Kuchenkova, A.V. and Tatarova, G.G. (2019), "Life cycle stage" as a determinant of individual subjective well-being, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, 8, pp. 30–43.

Kuchenkova, A.V. and Tatarova, G.G. (2024), Subjective well-being: the problem of analyzing the qualitative (non)homogeneity of the population (part 2), *Methodology and methods of sociological research, Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 5, pp. 66–78.

Levada, Yu. (1998), Social mood indices in "normal" and crisis conditions, *Public Opinion Monitor*, no. 6, pp. 7–13.

Lepeshkin, S.A. (2020), Social well-being: indicators, types, and forms, *Proceedings of Moscow City Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences*, no. 3, pp. 100–104.

Mikhailova, L.I. (2010), Social well-being and perception of the future by Russians, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 3, pp. 45–50.

Osinsky, I.I. and Butueva, Z.A. (2015), Social well-being: concept, formation factors, and measurement indicators, *Proceedings of Buryat State University. Philosophy*, no. 14, pp. 38–45.

Parygin, B.D. (1966), *Public Mood*, "Mysl", Moscow, USSR.

Petrova, L.E. (2000), Social well-being of youth, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 12, pp. 50–55.

Pishnyak, A.I., and Popova, D.O. (2015), Level and quality of life of Moscow households: objective and subjective assessments, *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 13, no. 2, pp. 257–272.

The precariat: the formation of a new class (2020), Collective monograph, Toshchenko, Zh.T. (ed.), Center for Social Forecasting and Marketing, Moscow, Russia.

Precarious employment: origins, criteria, features (2021), Toshchenko, Zh.T. (ed.), Moscow, Russia.

Rogozin, D. (2007), Testing questions about social well-being, *Social Reality*, no. 2, pp. 97–113.

Russkikh, L.V. (2015), Social well-being of teachers, *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*, vol. 15, no. 2, pp. 107–109.

Solovey, A.P. and Shukhno, E.V. (2018), Interpretation and operationalization of the concept of "social well-being", *Synergy*, no. 4, pp. 72–77.

- Social well-being of youth in Sverdlovsk Oblast in 2015: results of sociological research: collective monograph* (2016), Vishnevsky, Yu.R. and Narkhov, D.Yu. (ed.), "UMZ UPI Publishing", Yekaterinburg, Russia.
- Social well-being of the population in the context of reforms: regional aspect* (2011), Gorshkov M.K. (ed.), "Nestor-Istoriya", Moscow; St. Petersburg, Russia.
- Social and psychological problems of the production team* (1983), "Nauka", Moscow, USSR.
- Sunyaykina, O.N. (2011), The concept of "social well-being" in sociology, *Proceedings of Mordovia University*, no. 3, pp. 98–101.
- Tatarova, G.G. and Kuchenkova, A.V. (2016), Indicators of subjective well-being as type-forming characteristics, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 10, pp. 21–32.
- Temnitsky, A.L. and Bessokirnaya, G.P. (2018), Job satisfaction and life satisfaction in modern Russia: models of relationships, *Proceedings of Omsk University*, Series: Economics, no. 4, pp. 138–152.
- Toshchenko, Zh.T. and Kharchenko, S.V. (1996), *Social Mood*, "Akademiya", Moscow, Russia.
- Tukumtsev, B.G. (2001), Samara monitoring of the social and labor sphere, *Sotsiologicheskie issledovaniya. Sociological Studies*, no. 7, pp. 42–50.
- Fedotova, V.G. (2005), *The Good Society*, "Progress-Traditsiya", Moscow, Russia.
- Khvostikova, V.A. (2012), Job satisfaction and employee subjective well-being as a factor in organizational effectiveness (based on foreign research), *Social Psychology and Society*, no. 1, pp. 26–39.
- Shlykova, E.V. (2018), Everyday risk as a factor of social well-being (based on the example of youth in a megapolis), *Theory and Practice of Social Development*, no. 3, pp. 24–27, DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.3.4>.
- Shcherbakova, V.P. (2011), Social well-being of youth as an integral indicator of their adaptation to social changes in Russia, *Proceedings of Tula State University. Humanities*, no. 3–1, pp. 221–232.
- Yudashkin, V.A. and Cheblakov, A.L. (2010), Differences in social well-being of the population associated with their place of residence and age, *Proceedings of Tyumen State University. Socio-Economic and Legal Research*, no. 4, pp. 62–68.
- Yunusova, R.S. and Laptev, A.V. (2021), Indicators of social well-being of youth in the Republic of Tatarstan, *Proceedings of Economics, Law, and Sociology*, no. 4, pp. 151–154.
- Yurasov, I.A. and Tanina, M.A. (2018), Social Well-being of Residents of the Provincial Cities Case, *Proceedings of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, vol. 18, no. 3, pp. 260–264, DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-3-260-264>.
- Submitted: 10.01.2025
Revised: 12.02.2025
Accepted: 07.03.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.64:378

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-130-140

Дата поступления: 01.10.2024
рецензирования: 11.11.2024
принятия: 10.01.2025

С.В. Егорова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: svetego@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5596-3854>

С.В. Зорина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Aramitch@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2445-2864>

А.Ю. Нестеров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: aynesterow@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

С.Н. Фазульнова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: svetafaz@mail.ru,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9904-1387>

**Социально-психологический мониторинг
намерений студентов заниматься научной деятельностью:
результаты апробации методического комплекса**

Аннотация: актуальность исследования обусловлена усилением роли науки и технологий, необходимостью межпоколенческого трансфера академического опыта и потребностью в притоке в научную сферу молодых учёных. Цель статьи: апробация методического комплекса социально-психологического мониторинга намерений студентов заниматься научной деятельностью. Теоретической основой мониторинга стала теория запланированного поведения И. Айзена, адаптированная авторами применительно к задачам исследования. Для измерения факторов и предпосылок научных намерений студентов использовались: сценарии, моделирующие ситуации выбора карьеры учёного; ранжирование профилей собственных черт личности и качеств, ассоциируемых с личностью учёного; порядковые и номинальные шкалы для оценки выраженности индикаторов готовности; корреляционный анализ; множественный регрессионный анализ как метод построения модели предсказания намерений в зависимости от ряда психологических и социальных предикторов. В модели тестировалось 10 показателей, которые потенциально могут влиять на намерения студентов заниматься научной деятельностью. Результаты показали, что значимое влияние оказывают 6 из 10 показателей. При этом наибольший вклад в намерение заниматься научной деятельностью вносит желание заниматься наукой, аттитюд и предпочтение карьеры ученого. Заметно меньший и сопоставимый вклад вносят переменные информированность о научных исследованиях, воспринимаемый контроль поведения и пол. Рычагом воздействия на намерения студентов заниматься наукой может стать формирование устойчивого желания заниматься научными исследованиями и аттитюда. Оба этих фактора имеют определённую связь между собой. Апробированный методический комплекс, направленный на оценку научных намерений студентов, включает аффективно-мотивационные, социально-демографические и когнитивные пере-

менные. Выделенные предикторы намерений позволяют определить студентов, ориентированных на занятие научной деятельностью даже в случае неопределённых интенций. Перспективы исследования связаны с разработкой методики, учитывающей значимые переменные разных типов и свойств научных намерений.

Ключевые слова: теория запланированного поведения; намерения заниматься научной деятельностью; методический комплекс; показатели.

Цитирование: Егорова С.В., Зорина С.В., Нестеров А.Ю., Фазульянова С.Н. Социально-психологический мониторинг намерений студентов заниматься научной деятельностью: результаты апробации методического комплекса // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 130–140. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-130-140>.

Благодарности: исследование выполняется в контексте реализации Программы развития Самарского университета на 2021–2030 годы в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Егорова С.В., 2025

Светлана Вячеславовна Егорова – кандидат социологических наук, доцент, декан социологического факультета, заведующий кафедрой методологии социологических и маркетинговых исследований, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© Зорина С.В., 2025

Светлана Валерьевна Зорина – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© Нестеров А.Ю., 2025

Александр Юрьевич Нестеров – доктор философских наук, доцент, директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© Фазульянова С.Н., 2025

Светлана Николаевна Фазульянова – кандидат социологических наук, доцент кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.V. Egorova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: svetego@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5596-3854>

S.V. Zorina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: Aramitch@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2445-2864>

A.Yu. Nesterov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: aynesterow@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

S. N. Fazulyanova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: svetafaz@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9904-1387>

Social psychological monitoring of students' intentions to engage in scientific activity: the results of the approbation of the methodological complex

Abstract: the relevance of the research is due to the increasing role of science and technology, the need to transfer academic experience from generation to generation and the need for an influx of young scientists into the scientific field. The purpose of the article is to test the methodological complex of socio-psychological monitoring of students' intentions to engage in scientific activity. The theoretical basis for monitoring was I. Aizen's theory of planned behavior, adapted by the authors to the tasks of the study. To measure the factors and prerequisites of students' scientific intentions, the following scenarios were used: scenarios modeling situations of choosing a career as a scientist; ranking profiles of their own personal traits and qualities associated with the personality of a scientist; ordinal and nominal scales for assessing the severity of readiness indicators; correlation analysis multiple regression analysis as a method of constructing a model for predicting intentions depending on a number of psychological and social predictors. The model tested 10 indicators that could potentially influence students' intentions to engage in scientific activity. The results showed that 6 out of 10 indicators have a significant impact. At the same time, the greatest contribution to the intention to engage in scientific activity is made by the desire to engage in science, attitude and preference for a career as a scientist. Noticeably smaller and comparable contributions are made by variables of scientific research awareness, perceived behavior control, and gender. The formation of a stable desire to engage in scientific research and attitude can become a lever of influence on the intentions of students to engage in science. Both of these factors have a certain relationship with each other. The approved methodological complex aimed at assessing the scientific intentions of students includes affective-motivational, socio-demographic and cognitive variables. The selected predictors of intentions make it possible to identify students who are focused on scientific activities, even in the case of uncertain intentions. The prospects of the research are related to the development of a methodology that takes into account significant variables of different types and properties of scientific intentions.

Key words: theory of planned behavior; intentions to engage in scientific activity; methodological complex; indicators.

Citation: Egorova, S.V., Zorina, S.V., Nesterov, A.Yu., Fazulyanova, S.N. (2025), Social psychological monitoring of students' intentions to engage in scientific activity: the results of the approbation of the methodological complex, *Semioticheskiye issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 130–140, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-130-140>.

Acknowledgments: the study is carried out within the Samara University development program for 2021–2030 years under the academic leadership program “Priority 2030”.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Egorova S.V., 2025

Svetlana V. Egorova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Methodology of Sociological and Marketing Research, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

© Zorina S.V., 2025

Svetlana V. Zorina – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social Psychology, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

© Nesterov A.Yu., 2025

Aleksandr Yu. Nesterov – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Humanities, Head of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

© Fazulyanova S.N., 2025

Svetlana N. Fazulyanova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Methodology of Sociological and Marketing Research, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Усиление роли науки и технологий – важнейшая задача развития России. Объявленные Президентом России Десятилетием науки и технологий 2022–2031 годы призваны в том числе способствовать вовлечению молодежи в научные

исследования и разработки. Активно обсуждается проблема межпоколенческого трансфера академического опыта и мобилизация ресурсности научно-педагогических работников (Мартынова, Ратай, Тарасенко 2023). Современная российская наука остро нуждается в притоке молодых учё-

ных – выпускников высших учебных заведений. По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, численность молодых учёных до 30 лет в сравнении с 2021 г. в 2022 году выросла лишь на 0,5 тыс. человек и имеет 1 % пророста (Мартынова, Ратай, Тарасенко 2023). Несмотря на фиксируемую ВЦИОМ позитивную динамику роста и омоложения научных кадров, престижа профессии учёного, на повестке остается вопрос повышения привлекательности российской науки для молодых исследователей и обучающихся, мониторинг их научных намерений.

Повышение привлекательности российской науки и высшего образования является целью национального проекта «Науки и университеты». Активное участие в решении ключевой задачи проекта – воспитания и поддержки нового поколения учёных принимает Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Являясь участником программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2023», Самарский университет реализует политику трансформации образовательной и научно-исследовательской сфер, создает условия для привлечения талантливых студентов и реализации их потенциала.

С 2022 года в университете разрабатывается и апробируется методический комплекс для социально-психологического мониторинга намерений студентов заниматься в том числе научной деятельностью (Авдошина, Егорова, Васькина, Зорина, Демина, Нестеров 2022). Методический комплекс должен стать основой для полноценного исследования студентов и способствовать росту объективного знания о развитии их личности (Егорова, Авдошина, Васькина, Зорина, Демина, Нестеров 2022).

Цель статьи – апробация методического комплекса социально-психологического мониторинга намерений студентов заниматься научной деятельностью. Объект исследования – студенты очного обучения 1-го и 4-го курсов бакалавриата социально-гуманитарного института Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Предмет – намерения студентов заниматься научной деятельностью. Метод сбора информации – сплошное онлайн-анкетирование на платформе «Яндекс.Формы». В ходе эмпирического исследования в декабре 2023 г. было опрошено 813 студентов Самарского университета (response rate составил 74 %).

Методология исследования

В качестве теоретической основы исследования научных намерений была выбрана междисциплинарная теория запланированного поведения

(ТЗП) И. Айзена (Ajzen 1991), которая является одной из наиболее часто используемых моделей для прогнозирования и объяснения поведения в различных сферах: предпринимательстве, образовании, медицине, политике, экономике. Причинами, по которым ТЗП стала преобладающей моделью для предсказания поведения, являются ее экономичность, концептуальная ясность, валидность и апробированность в различных областях. Центральным элементом в ТЗП является намерение, которое определяется как осознанное стремление или решение человека прилагать усилия для достижения определённого результата, являясь непосредственным предшественником соответствующего поведения. Намерение включается в качестве показателя готовности человека к совершению каких-либо действий в нескольких моделях поведения, например, в теории межличностного поведения Х. Триандиса (Triandis 1980) и теории защитной мотивации Р. Роджерса (Papagiannidis 2022), что подтверждает его фундаментальную роль в предсказании поведения.

В свою очередь, предикторами намерения в теории запланированного поведения являются три переменные. Во-первых, это аттитюд (социальная установка), то есть общее положительное или отрицательное отношение к поведению, в зависимости от ожидаемого результата. Во-вторых, это воспринимаемые нормы – ожидаемое социальное давление со стороны референтных групп. В-третьих, воспринимаемый контроль поведения (ВКП), который включает в себя оценку контролируемости и способности реализовать конкретное поведение. В связи с широким обсуждением непоследовательности связи между намерениями и субъективными нормами, последние не включены в программу текущего исследования (Armitage, Conner 2001).

Теория запланированного поведения объясняет механизм реализации сознательно принятых решений, предполагающих приложение определённых волевых усилий. Применимость ТЗП к исследованию научной деятельности определяется ее целенаправленным характером, основанным на предварительном целеполагании, осознанном выборе с учётом отношения человека к будущей работе и представлений о собственных способностях. В рамках изучения участия студентов в научных исследованиях под аттитюдами понимается отношение студентов к исследовательской активности, а воспринимаемый контроль поведения рассматривается как представление о способности осуществить данную деятельность.

Метаанализы исследований ТЗП показали, что намерения предсказывают около 27 % дисперсии поведения (Armitage 2001; Godin, Kok 1996; Sheeran 2002). Этот показатель считается приемлемым для социальных моделей, однако показывает,

что существует ряд факторов, не учтённых в теории. Для объяснения «разрыва» между поведением и переменными, вводимыми с целью его предсказания, И. Айзен и М. Фишбеин предлагают использовать принцип совместимости (Ajzen, Fishbein 2000). Согласно этому принципу, предикторы предсказывают поведение только в той степени, в которой они относятся к одной и той же диспозиции. То есть обобщённая установка относительно класса объектов совместима с общим поведенческим паттерном относительно данного класса, но не конкретными действиями, выполняемыми в определенном контексте. Принцип совместимости предполагает разработку инструментов измерения, учитывающих ситуативную специфику человеческого поведения, то есть различия между общим отношением к объекту и конкретными поступками в разных условиях. Фиксация множества частных реакций позволяет получить агрегированные показатели, уменьшающие несоответствие поведения и его предикторов.

С целью поиска факторов, определяющих намерение заниматься научной деятельностью, в исследовании изучалось влияние ситуативных условий на выбор между научной позицией и деятельностью, не связанной с производством объективных знаний. Решения, принимаемые с учётом конкретных обстоятельств, позволяют оценить связь между общим намерением и спецификой его реализации в различных жизненных условиях. Под карьерой в исследовании понимается активность человека, направленная на удовлетворение его потребностей в процессе освоения профессиональных и статусных позиций. Выбор карьеры ученого является показателем научных намерений обучающихся.

Целенаправленный поиск переменных, опосредующих связь интенций и поведения, позволил П. Ширан (Sheeran 2002) предложить в качестве перспективных предикторов личностные характеристики, в частности Я-схемы, под которыми понимаются представления о своем Я, своих качествах, организующих поступающую информацию, связанную с человеком (Kassin 2022). Последовательное влияние Я-схем на обработку новых сведений определяет их вклад в готовность воплотить намерение в области релевантной схемы. Относительная стабильность представлений о себе определяет устойчивость, последовательность интенций, реализующихся в динамичной среде. Начиная с работ Х. Маркус, Я-схемы изучаются посредством анализа рейтингов самооценки выраженности и значимости черт личности.

В известном подходе Д. Сьюпера подчеркивается роль Я-Концепции в построении карьеры, которая по сути является воплощением представлений человека о себе, способствующим развитию и сохранению самоуважения (Brown, Noboken 2020).

В широком смысле профессиональная Я-концепция определяется как совокупность качеств личности, которые человек считает важными для какой-либо деятельности. Осознание и оценка собственных профессионально значимых свойств может предшествовать выбору соответствующего карьерного пути. Согласованность Я-Концепции и реализуемой трудовой роли способствует росту удовлетворённости и привлекательности профессиональной деятельности.

Основываясь на теории развития карьеры и опосредующей роли Я-схемы во взаимосвязи намерения-поведение, в исследование включена самооценка черт личности учёного, которая позволяет оценить корреляцию между личностными чертами и качествами, ассоциируемыми с образом исследователя.

Научные намерения студентов необходимо связывать с их желанием достичь определенных результатов по инкорпорированию в научную среду. По мнению У. Томаса, ведущая роль в поведении человека напрямую связана с его побудительными желаниями. Социолог выделил четыре группы желаний: необходимость нового опыта; обеспечение безопасности и стабильности своего образа жизни; потребность в признании себя окружающими; жажда господства над своим окружением (Thomas 1907). Конфигурацию желаний У. Томас связывал с врождёнными особенностями человека, обозначая переход от сугубо психологической точки зрения на намерения и поведение человека к ситуативной, предполагающей исследование личностных установок, опирающихся на ценности и нравственные нормы, исходящие от общества. Общество, являясь агентом подавления человеческих желаний, в то же время выступает единственной средой их удовлетворения (Здравомыслов, Лапин 2006).

Прямое и косвенное влияние имеющегося опыта научных исследований в период обучения на намерение заниматься научными исследованиями после окончания учёбы выявлено в исследованиях Х. Форсмана и др. (Forsman, Gustavsson, Ehrenberg, Rudman, Wallin 2009; Forsman, Rudman, Gustavsson, Ehrenberg, Wallin 2010; Forsman, Wallin, Gustavsson, Rudman 2012). Изучая научные намерения студентов медсестер, авторы приводят данные, что 34 % респондентов демонстрируют готовность заниматься научными исследованиями в своей будущей клинической практике. Уровень намерений выше на старших курсах, что авторы связывают с необходимостью расширения пула студенческих научных проектов и их поддержки.

Другим предиктором научных намерений студентов выступает информированность о научных исследованиях, проводимых в университете. Исследователь Ю.С. Токатлыгиль, изучая предикторы успешности научно-исследовательской деятельно-

сти студента, отмечает значимость научно-исследовательских компетенций научного руководителя, научные традиции конкретного учебного заведения и осведомленность студентов об актуальных научных проблемах (Токалыгыль 2017).

Материалы и методы

В рамках ТЗП разработаны апробированные процедуры и методики измерения базовых показателей, которые применимы в исследовании ориентированности студентов на научную деятельность (Ajzen 2020).

Оценка общих намерений традиционно осуществляется с использованием нескольких утверждений, позволяющих респондентам определить вероятность, направленность и готовность начать совершать какие-либо конкретные действия. В исследовании были использованы следующие шкалы: «я обдумываю возможность заниматься научной деятельностью (исследованиями, разработками, проектами, научной теорией)»; «я хотел(а) бы заниматься научной деятельностью»; «я хотел(а) бы заниматься научной деятельностью в течение пяти лет после окончания университета», согласие с которыми оценивалось при помощи 5-балльной шкалы. При обработке результатов подсчитывается среднее значение трёх показателей.

Измерение карьерных решений осуществлялось при помощи сценариев, в которых описывались альтернативные выборы двух героев, связанные и не связанные с научной деятельностью. Данная методика позволяет оценить реализацию обобщённых намерений в контексте конкретных ситуаций, сопряженных с возможными жизненными обстоятельствами молодых людей. В четырех сценариях главные действующие персонажи выбирают заниматься научными исследованиями в университете (научно-исследовательской организации) или развиваться как профессионал, реализуя готовые решения. После ознакомления с ситуациями участников просили закончить предложение «в данной ситуации я сам поступил бы как...», вписав имя выбранного героя (Fishman, Lushin, Mandell 2020).

В современных исследованиях ТЗП используются измерения инструментальных (полезность/бесполезность) и аффективных (приятность/неприятность) параметров аттитудов. Измерение аттитудов осуществляется при помощи четырёх 7-балльных градуированных биполярных шкал, оценивающих эмоциональную реакцию на занятие научной деятельностью с противоположными полюсами: полезно-бесполезно, хорошо-плохо, важно-неважно, приятно-неприятно. Чем выше участники оценивают научную деятельность, тем ближе их оценка к числовому выражению 7 и наоборот. При обработке рассчитывается среднее значение баллов по всем пунктам.

Для измерения воспринимаемого контроля поведения опрашиваемым предлагалось оценить степень своей уверенности в решении ряда задач с помощью 5-балльной шкалы: выбрать тему, направление исследований; провести теоретический анализ современного состояния изучаемой проблемы; разработать проект исследования по выбранной теме; организовать научно-исследовательскую работу; собрать, обработать, проанализировать данные; оформить и представить отчёт по научно-исследовательской работе. Методика предназначена для изучения оценки студентами своих компетенций, необходимых для решения стандартных задач научно-исследовательской деятельности.

В науке широко распространён инструментальный приём, позволяющий соотнести два измерения самооценки, например, степень совпадения между Я-Реальным и Я-Идеальным (Korchuganova 2006). В исследовании этот приём использовался для оценки конгруэнтности двух иерархий: собственных черт и качеств личности учёного. Степень корреляции между двумя профилями указывает на близость представлений о себе и значимых свойствах исследователя и соответственно сформированности личностных предпосылок предпочтения научной карьеры.

Опрашиваемым предлагалось проранжировать шесть качеств в порядке их выраженности у самого участника исследования. Затем после выполнения ряда заданий, составляющих часть мониторинга, респонденты распределяли черты по степени их важности для личности учёного. Выполнение промежуточных заданий препятствует сохранению результатов первого ранжирования в кратковременной памяти. Это увеличивает вероятность получения профиля черт личности, не искаженного предыдущим измерением. В процессе обработки подсчитывался коэффициент корреляции между двумя рангами качеств.

Анализ результатов исследований образа идеального учёного у молодёжи (Разина, Володарская 2017; Лиджи-Горяева, Очирова, Оконов, Спиридонова, Ункуров, Хашаева 2013) позволил отобрать следующие качества: аналитическое мышление; образованность, эрудированность; любознательность. В список также были включены три общие характеристики, непосредственно не связанные с представлениями о профессионально важных качествах успешного исследователя (оптимистичность, открытость, честность). Добавление данных черт позволяет сопоставить оценку социально привлекательных характеристик, в разной степени ассоциируемых с личностью учёного и таким образом контролировать вероятность получения искусственного, вызванного стимульным материалом сходства профилей.

Социологические замеры в данном исследовании базировались на выделении трёх эмпириче-

ских индикаторов готовности к научной деятельности:

- информированность студентов о возможностях, которые предоставляет университет для научной деятельности,
- использование этих возможностей, т.е. опыт участия в научно-исследовательской деятельности,
- желание заниматься наукой после окончания университета.

Результаты исследования

Для определения вклада переменных в намерение заниматься научной деятельностью с целью уточнения перечня предикторов и оценки инструментов измерения применялся регрессионный анализ.

Анализ показал, что индикаторы готовности к научной деятельности дифференцируются такими социальными факторами, как: курс обучения (значимая отрицательная корреляция), форма обучения и пол (на уровне значимых коэффициентов Хи-квадрат и Z-теста для оценки значимых различий).

В модель множественной регрессии были включены четыре психологических предиктора: аттитюд относительно деятельности учёного, выбор карьеры учёного, воспринимаемый контроль поведения и самооценка качеств ученого, а также социальные показатели – пол, возраст, курс обучения, форма обучения (коммерческая или бюджетная) и индикаторы готовности к научной исследовательской деятельности: информированность о научных исследованиях, участие в различных формах научной деятельности и желание работать в науке после окончания университета.

Переменные возраст и курс принадлежат к метрической шкале, а переменные, выступающие индикаторами готовности к научной исследовательской деятельности, относятся к порядковым

(ранговым) шкалам, так что они могут быть подвергнуты регрессионному анализу. Переменные пол и форма обучения относятся к номинальным шкалам, но в то же время являются дихотомическими. Поэтому если при оценке результатов обратить внимание на полярность, то и эти переменные так же могут быть вовлечены в регрессионный анализ.

Необходимой предпосылкой и условием включения предикторов в регрессионную модель является наличие значимых корреляций между ними и зависимой переменной «намерения заниматься научной деятельностью» (см. табл. 1).

Поскольку переменные возраст и курс сильно коррелируют друг с другом (коэффициент корреляции составил 0,84 при уровне значимости меньше, чем 0,01), то в целях соблюдения требования отсутствия мультиколлинеарности далее в регрессионном анализе участвовала только переменная курс.

При построении регрессионной модели использовался пошаговый метод. В результате были получены 6 моделей, из них наибольшей предсказательной ценностью обладает шестая модель, поскольку значение R^2 составляет 0,569 (объясняет 56,9 % дисперсии, см. табл. 2). Таким образом, качество данной модели предсказания можно считать вполне приемлемым. Проверка на отсутствие автокорреляции также дала удовлетворительный результат - коэффициент по тесту Дарбина-Уотсона составил 1,99.

В модель регрессии для прогнозирования намерений заниматься научной деятельностью вошли следующие предикторы: аттитюд относительно деятельности учёного, выбор карьеры учёного, ВКП, пол, желание заниматься наукой после окончания университета и информированность о научных исследованиях, проводимых в университете. Такие индикаторы, как самооценка качеств,

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между зависимой переменной «намерение заниматься научной деятельностью» и независимыми переменными

Table 1

Correlation coefficients between the dependent variable "intention to engage in scientific activity" and independent variables

№	Переменные	Корреляция	Значимость	N
1	Аттитюд	0,54	<0,001	813
2	Воспринимаемый контроль поведения	0,297	<0,001	813
3	Самооценка качеств	0,167	<0,001	751
4	Выбор карьеры	0,394	<0,001	758
5	Возраст	-0,17	<0,001	813
6	Курс	-0,242	<0,001	813
7	Пол	0,149	<0,001	813
8	Форма обучения	0,132	<0,001	802
9	Информированность	0,249	<0,001	813
10	Участие	0,168	<0,001	813
11	Желание	0,661	<0,001	648

Таблица 2

Сводные статистические показатели для моделей регрессии

Table 2

Summary statistical indicators for regression models

Модель	R	R-квадрат	Скорректированный R-квадрат	Стандартная ошибка	Дарбин-Уотсон
1	0,679	0,462	0,461	0,81128	
2	0,729	0,531	0,530	0,75765	
3	0,741	0,549	0,546	0,74404	
4	0,748	0,559	0,556	0,73629	
5	0,751	0,564	0,560	0,73271	
6	0,754	0,569	0,564	0,72936	1,990

Таблица 3

Предикторы намерений заниматься научной деятельностью по результатам регрессионного анализа

Table 3

Predictors of intentions to engage in scientific activity based on the results of regression analysis

Модель	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты Бета	Т	Значимость
	В	Стандартная ошибка			
Константа	2,775	0,357		7,768	<0,001
Аттитюд	0,202	0,029	0,258	7,045	<0,001
Выбор карьеры	0,125	0,030	0,139	4,232	<0,001
ВКП	0,097	0,039	0,076	2,475	0,014
Желание заниматься наукой после окончания университета	0,743	0,066	0,412	-11,301	<0,001
Информированность о научных исследованиях, проводимых в университете	0,192	0,058	0,096	-3,314	0,001
Пол	0,243	0,093	0,075	2,620	0,009

опыт участия в различных формах научной деятельности, а также форма обучения и курс обучения не вошли в эту модель в качестве предикторов независимой переменной намерения заниматься научными исследованиями. Коэффициенты уравнения регрессии для данной модели представлены в таблице 3.

Уравнение множественной линейной регрессии имеет вид:

Научные намерения = 0,202* (аттитюд относительно деятельности ученого) + 0,125* (выбор карьеры ученого) + 0,097* (воспринимаемый контроль поведения) + 0,743* (желание заниматься наукой после окончания университета) + 0,192* (информированность о научных исследованиях в университете) + 0,243* (пол) + 2,775

Коэффициенты при всех предикторах положительные, и это означает, что чем выше значения по данным показателям, тем выше средний балл по шкале намерений.

Таким образом, в модели тестировалось 10 показателей, которые потенциально могут влиять на намерения студентов заниматься научной деятельностью. Результаты показали, что значимое

влияние оказывают 6 из 10 показателей. При этом сравнение стандартизованных коэффициентов показывает, что наибольший вклад в намерение заниматься научной деятельностью вносит желание заниматься наукой, затем следуют аттитюд и предпочтение карьеры учёного. Заметно меньший и сопоставимый вклад вносят переменные информированность о научных исследованиях, воспринимаемый контроль поведения и пол.

Значит, одним из рычагов воздействия на намерения студентов заниматься наукой может стать формирование устойчивого желания заниматься научными исследованиями и аттитюда. Заметим, что оба этих фактора имеют определенную связь между собой.

Обсуждение и заключение

Регрессионная модель, включающая в качестве предикторов шесть переменных, показала достаточный уровень предсказательной силы, объясняя 56,9 % дисперсии. Полученный R^2 превышает коэффициент детерминации, зафиксированный в метааналитическом исследовании ТЗП, который объясняет 39 % дисперсии намерения (Armitage, Conner 2001).

Исследование позволило определить вклад в научные намерения студентов, традиционных для теории запланированного поведения предикторов.

Проявленное, рационально выраженное (осознанное) желание выступает главным предиктором намерения и тесно связано с аттитюдом. Регрессионная модель показывает существенную роль аттитюда как положительной или отрицательной оценки поведения, приводящей с определённой вероятностью к получению ожидаемого результата. В метаанализе К. Армитидж и М. Коннер также зафиксирован значительный вклад аттитюда по сравнению с другими стандартными для ТЗП переменными, что подтверждает корректность полученных результатов (Armitage, Conner 2001). Влиятельность аттитюда определяется тем, что валентность ожидаемой ценности достаточно отчётливо представлена в сознании, переживается как связанная с истинными личностными потребностями. Аттитюд отчётливо маркирует целевое поведение как привлекательное или отталкивающее, детерминируя, таким образом, готовность его реализовать.

В текущем исследовании показатели воспринимаемого контроля поведения относительно высоки, притом что переменная имеет наименьший вес среди других предикторов. Данные о том, является ли ВКП надёжным предсказателем намерения, неоднозначны. Например, из результатов анализа П. Ширан (Sheeran 2002) следует, что только в 7 случаях (23 %) взаимодействие между воспринимаемым контролем и намерениями оказались значимыми. Можно предположить, что опыт студентов, связанный с выполнением учебных задач, включающий научно-исследовательские элементы, способствует формированию убеждений учащихся о собственной компетентности в данной области. Вероятно, положительная оценка способности реализовывать научные исследования свидетельствует об отсутствии барьера неуверенности в себе у студентов при вовлечении их в научные проекты.

Исследование позволило определить вклад в научные намерения студентов новых, недостаточно изученных в рамках теории запланированного поведения предикторов.

Переменная выбор карьеры учёного предназначена для измерения предпочтения пути учёного с учетом различных жизненных обстоятельств. Моделирование ситуации выбора между сопоставимыми альтернативами позволяет оценить влияние конкретных условий на обобщённые намерения.

Интересно и показательно, что вклад информированности о возможностях, которые предоставляет университет для научной деятельности, в намерениях студентов заниматься наукой, гораздо меньше вклада описанных выше переменных.

И такой показатель, как участие в разных формах научно-исследовательской деятельности, вообще не вошел в модель. Напрашивается вывод, что намерение формируется не только и не столько на базе знания о том, какие реально проводятся исследования в университете. При этом опыт реального участия студентов в научно-исследовательской деятельности никак не влияет на намерения ею заниматься в будущем. Столь радикальный и, прямо скажем, огорчительный для преподавательского сообщества вывод, безусловно, нуждается в дальнейших проверках и может служить исходной гипотезой для следующего этапа мониторинга.

Гендерный признак вносит наименьший вклад в намерения студентов заниматься наукой. Тем не менее модель подтверждает, что студенты женского пола в меньшей степени ориентированы на научно-исследовательскую деятельность. Здесь можно было бы порассуждать об истоках гендерного неравенства в науке, но это отдельная и большая тема для другой статьи. Отметим только, что пол оказался важнее, чем возраст (курс), который не вошел в регрессионную модель (если смотреть на то, что исходная гипотеза заключалась в том, что с ростом возраста (курса) эти намерения должны быть выражены более явно).

Регрессионный анализ подтвердил обоснованность включения данных предикторов, являющихся важными предпосылками, способствующими формированию намерения.

По результатам исследования построена модель, основанная на теории запланированного поведения, определяющая исследовательские намерения студентов, включающая в том числе традиционные для ТЗП переменные: аттитюд к науке, воспринимаемый контроль в реализации научных задач. Включение новых значимых предикторов (выбор карьеры ученого, желание заниматься наукой, информированность о научных исследованиях, воспринимаемый контроль поведения, пол) позволили адаптировать ТЗП применительно к задачам исследования. Наибольшим весом в регрессионной модели обладают переменные, связанные с аффективно-потребностной сферой, что соответствует современным представлениям о профессиональном развитии личности.

В качестве перспектив исследования планируется доработка методики мониторинга с целью построения экономичного инструмента, содержащего минимальный набор максимально диагностичных предикторов разных типов и свойств намерений (сильных, устойчивых, нацеленных на реализацию, ситуативно обусловленных). Такой инструмент создаст основу для вовлечения в научную деятельность студентов с различными личностными предпосылками, учитывая множественность путей «входа» в науку.

Библиографический список

- Ajzen, I. (1991), The theory of planned behavior, *Organizational behavior and human decision processes*, vol. 50, issue 2, pp. 179–211, DOI: [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T).
- Ajzen, I. (2020), The theory of planned behavior: Frequently asked questions, *Hum Behav & EmergTech*, vol. 2, pp. 314–324, DOI: <https://doi.org/10.1002/hbe2.195>.
- Ajzen, I. and Fishbein, M. (2000), Attitudes and the attitude-behavior relation: Reasoned and automatic processes, *European review of social psychology*, vol. 11, issue 1, pp. 1–33, DOI: <https://doi.org/10.1080/14792779943000116>.
- Armitage, C.J. and Conner, M. (2001), Efficacy of the theory of planned behaviour: A meta-analytic review, *British journal of social psychology*, vol. 40, issue 4, pp. 471–499, DOI: <https://doi.org/10.1348/014466601164939>.
- Brown, S. and Lent. Hoboken, R. (2020), *Career development and counseling: Putting theory and research to work*, Wiley, USA.
- Company, H.M., Hinkle, D.E., Wiersma, W. and Jurs, S.G. (2003), *Applied statistics for the behavioral sciences*, Boston, USA.
- Fishman, J., Lushin, V. and Mandell, D. (2020), Predicting implementation: comparing validated measures of intention and assessing the role of motivation when designing behavioral interventions, *Implementation science communications*, vol. 1, pp. 1–10, DOI: <https://doi.org/10.1186/s43058-020-00050-4>.
- Forsman, H., Gustavsson, P., Ehrenberg, A., Rudman, A. and Wallin, L. (2009), Research use in clinical practice – extent and patterns among nurses one and three years postgraduation, *J Adv Nurs*, vol. 65, issue 6, pp. 1195–2061, DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1365-2648.2008.04942.x>.
- Forsman, H., Rudman, A., Gustavsson, P., Ehrenberg, A. and Wallin, L. (2010), Use of research by nurses during their first two years after graduating, *J Adv Nurs*, vol. 66, issue 4, pp. 87–90, DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1365-2648.2009.05223.x>.
- Forsman, H., Wallin, L., Gustavsson, P. and Rudman, A. (2012) Nursing students' intentions to use research as a predictor of use one year post graduation: a prospective study, *Int J Nurs Stud*, vol. 49, issue 9, pp. 1155–1164, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2012.04.002>.
- Godin, G. and Kok, G. (1996), The theory of planned behavior: a review of its applications to health-related behaviors, *American journal of health promotion*, vol. 11, issue 2, pp. 87–98, DOI: <https://doi.org/10.4278/0890-1171-11.2.87>.
- Kassin, S. (2022), *Pillars of social psychology: stories and retrospectives*, Cambridge University Press, USA, DOI: <https://doi.org/10.1017/9781009214315>.
- Papagiannidis, S. (2022), *Theory hub book*, New-castle upon Tyne.
- Sheeran, P. (2002), Intention–behavior relations: a conceptual and empirical review, *European review of social psychology*, vol. 12, issue 1, pp. 1–36, DOI: <https://doi.org/10.1080/14792772143000003>.
- Thomas, W.I. (1907), *Sex and society: studies in the social psychology of sex*, Chicago, USA, [Online], available at: https://openlibrary.org/books/OL23651251M/Sex_and_society (Accessed 08 June 2024).
- Triandis, H.C. (1980), Values, attitudes, and interpersonal behavior, *Nebraska Symposium on Motivation*, vol. 27, pp. 195–259, [Online], available at: <https://psycnet.apa.org/record/1982-21073-001> (Accessed 08 September 2024).
- Авдошина Н.В., Егорова С.В., Васькина Ю.В., Зорина С.В., Демина А.И., Нестеров А.Ю. Концептуальная схема социально-психологического мониторинга обучающихся // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2. № 3. С. 87–101. DOI: <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-87-101>.
- Егорова С.В., Авдошина Н.В., Васькина Ю.В., Зорина С.В., Демина А.И., Нестеров А.Ю. Социально-психологический мониторинг обучающихся: эмпирические методы исследования // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2. № 4. С. 73–81. DOI: <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-73-81>. EDN: FHMISB.
- Корчуганова И.П. Профессиональное развитие и поддержка педагогов, работающих с детьми группы риска. Санкт-Петербург: ЛОИРО, 2006. 172 с.
- Мартынова С.В., Ратай Т.В., Тарасенко И.И. Кадры российской науки // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/871682314.html> (дата обращения: 02.10.2024).
- Образ ученого в представлениях учащейся молодежи Калмыкии / С.Э. Лиджи-Горяева, Л.С. Очирова, Б.А. Оконов, Л.Ю. Спиридонова, Э.Ю. Ункуров, А.Б. Хашаева // Вестник ИКИАТ. 2013. № 1 (26). С. 18–31.
- Образ ученого и инженера: мониторинг // ВЦИОМ: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-uchenogo-i-inzhenera-monitoring> (дата обращения 02.10.2024).
- Общая социология: Хрестоматия / Сост. А.Г. Здравомыслов, Н.И. Лапин. Москва: Высшая школа, 2006. 783 с.
- Разина Т.В., Володарская Е.А. Образ идеального ученого у современной российской молодежи // Российский психологический журнал. 2017. № 4. С. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.1>.
- Токатлыгиль Ю.С. Предикторы успешности научно-исследовательской деятельности: анализ отечественных исследований // Интернет-журнал «Мир науки». 2017. Т. 5, № 4. С. 19–31. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/20PSMN417.pdf>. (дата обращения 08.09.2024).

References

- Ajzen, I. (1991), The theory of planned behavior, *Organizational behavior and human decision processes*, vol. 50, issue 2, pp. 179–211, DOI: [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T).
- Ajzen, I. (2020), The theory of planned behavior: Frequently asked questions, *Hum Behav & EmergTech*, vol. 2, pp. 314–324, DOI: <https://doi.org/10.1002/hbe2.195>.
- Ajzen, I. and Fishbein, M. (2000), Attitudes and the attitude-behavior relation: Reasoned and automatic processes, *European review of social psychology*, vol. 11, issue 1, pp. 1–33, DOI: <https://doi.org/10.1080/14792779943000116>.
- Armitage, C.J. and Conner, M. (2001), Efficacy of the theory of planned behaviour: A meta-analytic review, *British journal of social psychology*, vol. 40, issue 4, pp. 471–499, DOI: <https://doi.org/10.1348/014466601164939>.
- Brown, S. and Lent. Hoboken, R. (2020), *Career development and counseling: Putting theory and research to work*, Wiley, USA.
- Company, H.M., Hinkle, D.E., Wiersma, W. and Jurs, S.G. (2003), *Applied statistics for the behavioral sciences*, Boston, USA.
- Fishman, J., Lushin, V. and Mandell, D. (2020), Predicting implementation: comparing validated measures of intention and assessing the role of motivation when designing behavioral interventions, *Implementation science communications*, vol. 1, pp. 1–10, DOI: <https://doi.org/10.1186/s43058-020-00050-4>.
- Forsman, H., Gustavsson, P., Ehrenberg, A., Rudman, A. and Wallin, L. (2009), Research use in clinical practice – extent and patterns among nurses one and three years postgraduation, *J Adv Nurs*, vol. 65, issue 6, pp. 1195–2061, DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1365-2648.2008.04942.x>.
- Forsman, H., Rudman, A., Gustavsson, P., Ehrenberg, A. and Wallin, L. (2010), Use of research by nurses during their first two years after graduating, *J Adv Nurs*, vol. 66, issue 4, pp. 87–90, DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1365-2648.2009.05223.x>.
- Forsman, H., Wallin, L., Gustavsson, P. and Rudman, A. (2012) Nursing students' intentions to use research as a predictor of use one year post graduation: a prospective study, *Int J Nurs Stud*, vol. 49, issue 9, pp. 1155–1164, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2012.04.002>.
- Godin, G. and Kok, G. (1996), The theory of planned behavior: a review of its applications to health-related behaviors, *American journal of health promotion*, vol. 11, issue 2, pp. 87–98, DOI: <https://doi.org/10.4278/0890-1171-11.2.87>.
- Kassin, S. (2022), *Pillars of social psychology: stories and retrospectives*, Cambridge University Press, USA, DOI: <https://doi.org/10.1017/9781009214315>.
- Papagiannidis, S. (2022), *Theory hub book*, Newcastle upon Tyne.
- Sheeran, P. (2002), Intention–behavior relations: a conceptual and empirical review, *European review of social psychology*, vol. 12, issue 1, pp. 1–36, DOI: <https://doi.org/10.1080/14792772143000003>.
- Thomas, W.I. (1907), *Sex and society: studies in the social psychology of sex*, Chicago, USA, [Online], available at: https://openlibrary.org/books/OL23651251M/Sex_and_society (Accessed 08 June 2024).
- Triandis, H.C. (1980), Values, attitudes, and interpersonal behavior, *Nebraska Symposium on Motivation*, vol. 27, pp. 195–259, [Online], available at: <https://psycnet.apa.org/record/1982-21073-001> (Accessed 08 September 2024).
- Avdoshina, N.V., Egorova, S.V., Vaskina, Yu.V., Zorina, S.V., Demina, A.I., Nesterov, A.Yu. (2022), Conceptual scheme of socio-psychological monitoring of students, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, no. 2(3), pp. 87–101, DOI: <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-87-101>.
- Egorova, S.V., Avdoshina, N.V., Vaskina, Yu.V., Zorina, S.V., Demina, A.I., Nesterov, A.Yu. (2022), Social and psychological monitoring of students: empirical research methods, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, no. 2(4), pp. 73–81, DOI: <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-4-73-81>.
- Korchuganova, I.P. (2006), *Professional development and support of teachers working with children at risk*, St.-Petersburg, Russia.
- Martynova, S.V., Ratay, T.V., Tarasenko, I. I. (2023), Personnel of Russian science, *Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge*, [Online], available at: <https://issek.hse.ru/news/871682314.html> (Accessed 02.10.2024).
- The image of a scientist and engineer: monitoring. Russian Public Opinion Research Center* (2024), [Online], available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-uchenogo-i-inzhenera-monitoring> (Accessed 02.10.2024).
- Lidzhi-Goryaeva, S.E., Ochirova, L.S., Okonov, B.A., Spiridonova, L.Yu (2013), The image of a scientist in the views of the student youth of Kalmykia, *IKIAT Bulletin*, no. 1(26), pp. 18–31.
- Zdravomyslov, A.G., Lapin, N.I. (2006), *General sociology*, Moscow, Russia.
- Razina, T.V., Voldarskaya, E.A. (2017), The image of the ideal scientist among modern Russian youth, *Russian Psychological Journal*, no. 4, pp. 8–25, DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.1>.
- Tokatlygil, Yu.S. (2017), Predictors of success in research activities: analysis of domestic studies, *Internet journal "World of Science"*, no. 5(4), pp. 19–31, [Online], available at: <http://mir-nauki.com/PDF/20PSMN417.pdf> (Accessed 08.09.2024).

Submitted: 01.10.2024

Revised: 11.11.2024

Accepted: 10.01.2025

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1.06+17

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-141-147

Дата поступления: 11.11.2024
рецензирования: 25.01.2025
принятия: 02.03.2025

О.Н. Алмазова

Алматинский филиал Санкт-Петербургского
гуманитарного университета профсоюзов,
г. Алматы, Республика Казахстан
E-mail: akchisko_san@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1828-3734>

Нравственный приоритет как «формула победы» в произведениях В. Шефнера

Аннотация: материалом для статьи служит фантастическая проза Вадима Шефнера. В качестве основного термина рассматривается формула победы, то есть способ, с помощью которого герои достигают нужного результата. В качестве цели обозначено обоснование психоаналитического постулата, что те решения, которые в долгосрочной перспективе ведут к благу, особенно к благу вида, являются правильными. Для исследования использован метод последовательного анализа с выделением параметров. Анализ построен на классическом противопоставлении «правильно-выгодно». Задачи исследования – сравнение различных коппинг-стратегий персонажей в процессе повествования с точки зрения их эффективности. Рассматриваются разные временные перспективы, разворачивающиеся по ходу сюжета. Приводится обоснование, согласно которому нравственное решение в долгосрочной перспективе оказывается выигрышным.

Ключевые слова: формула победы; приоритет; перспектива; стратегия совладания; выбор.

Благодарности: автор выражает благодарность коллективу Алматинского филиала Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Цитирование: Алмазова О.Н. Нравственный приоритет как «формула победы» в произведениях В. Шефнера // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2025. Т. 5, № 1. С. 141–147. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-141-147>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Алмазова О.Н., 2025

Оксана Николаевна Алмазова – магистр психологии, старший преподаватель кафедры права, общей и социальной психологии Алматинского филиала Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 050004, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Чайковского, д. 9/11.

SCIENTIFIC ARTICLE

O.N. Almazova

Almaty Branch of the St.-Petersburg
Humanitarian University of Trade Unions,
Almaty, Republic of Kazakhstan
E-mail: akchisko_san@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1828-3734>

Moral priority as a “formula for victory” in the works of Vadim Shefner

Abstract: Vadim Shefner's fantastic prose serves as material for the article. The main term is considered the formula of victory, that is, the way in which the heroes achieve the desired result. The goal is the justification of the psychoanalytic postulate that those decisions that in the long run lead to good, especially the good of the species, are correct. A sequential analysis method with isolation of parameters was used for the study. The analysis is built on the classic contrast of “right-profitable”. The objectives of the study are to compare the various coping strategies of the characters during the storytelling process in terms of their effectiveness. Various time perspectives are considered, unfolding in the course of the plot. A justification is given according to which a moral decision in the long run turns out to be advantageous.

Key words: winning formula; priority; perspective; coping strategy; choice.

Citation: Almazova, O.N. (2025), Moral priority as a “formula for victory” in the works of Vadim Shefner, *Semioticheskiye issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 141–147, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-141-147>.

Acknowledgments: the author expresses gratitude to the staff of the Almaty Branch of the St.-Petersburg Humanitarian University of Trade Unions.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interest.

© Almazova O.N., 2025

Oksana N. Almazova – Master of Psychology, Senior Lecturer, Department of Law, General and Social Psychology, Almaty Branch of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 9/11, Tchaikovsky Str., Almaty, 050004, Republic of Kazakhstan.

Введение

Фантастика Вадима Сергеевича Шефнера сегодня представляет интерес с психологической точки зрения, а также как хорошая, качественная литература. В его книгах предугаданы новшества, оригинальные с точки зрения того времени, но актуальные сейчас (не только технические). Например, матчества, по привычке именуемые отчествами. И устами консервативного персонажа определяется, что это абсурд. Описаны явления довольно экзотические, вроде соседа, подглядывающего в окна расположенного напротив женского общежития. И типовые, высмеивающие выпивох.

Шефнер является советским фантастом, и потому в его фантастической прозе подразумевается как данность советское **видение будущего**. К примеру, настоящее является дорогой в светлое будущее, а наступившее будущее непременно является расцветом человечества и построено на принципах социальной справедливости, человечности и равенства. В настоящем имеются нюансы, поскольку человеческая природа проходит испытание на прочность пока несовершенным устройством общества. В будущем непорядочность, жестокость и грубость либо совсем прекратятся, либо станут редчайшим исключением.

Поскольку «личность определяется природой общественных отношений, в которые она вступает как субъект» (Баксанский 2018, с. 34), перед писателем-фантастом встает сложная задача. Его персонажи должны органично вписаться в некое гипотетическое будущее, но в то же время остаться интересны читателям настоящего. Проще с обычными людьми вроде несостоявшегося журналиста Ю. Лесовалова – главного героя «Круглой тайны», или того самого холостяка из повести «Дворец на троих, или Признание холостяка».

Идеальное будущее «Девушки у обрыва» позволяет выделить разные типы, узнаваемые в любую эпоху (Столяренко, Самыгин, Исмаилова 2023). Ученая братия, по обыкновению, грешит фанатизмом из лучших побуждений. Странные люди типа поэтов не признают критического отношения к своему творчеству и могут стукнуть зонтиком робота-редактора. В совершенном обществе в качестве наказания могут быть назначены действия, неприемлемые в обычной жизни и вызывающие отторжение: к примеру, направление на охоту. И здесь схематично описан целый спектр переживаний как осужденного, так и наблюдате-

лей. Отторжение и смирение, сочувствие и осознание необходимости искупления проступка вызывают сопереживание читателя, даже если он иронизирует над нарочитой стерильностью совершенного общества.

Ход исследования

Перспектива в фантастике В. Шефнера опирается на психологию человека. Люди не отказываются от странностей и своеобразия. Завязка сюжета – это всегда конфликт.

Важно, как герои переживают последствия неверного или сомнительного шага. Юрий Лесовалов, оказавшись под контролем шара, испытывает дискомфорт. И его состояние идет вразрез с прямой выгодой, которую приносит ему шар: уводит от катастрофы, выдает деньги на проживание, когда основной капитал заканчивается. Все это ничуть не радует Юрия, потому что «может спасти – может и убить». Постоянное пребывание под наблюдением тяготит его; впрочем, не сводит с ума, как это утверждается в нескольких психологических экспериментах, изучавших потерю приватности (Китаев-Смык 1983). Герой не может привыкнуть к опеке, в том числе и по причине неопределенности: как долго продлится опека, является ли она наказанием или чем-то иным.

И здесь на первое место выходит тот самый душевный комфорт, который изначально не ценился, а воспринимался как данность. Однако именно дискомфорт – симптом выздоровления. Определенная доза негатива – это прививка, она повышает сопротивляемость и укрепляет силы. И здесь важен оптимум, посильность задачи, которая поначалу кажется не решаемой.

Шефнер весьма целомудренно, иронично описывает девиации. Агрессивная разрядка как способ справиться с напряжением констатируется им как данность. Распушенность, имеющая разные формы проявления, у автора может быть разделена на активную и пассивную. Пассивность выражается в безделии, опускании рук, отказе от попыток изменить, улучшить. У героев случаются такие периоды, о которых они чаще всего упоминают вскользь, потому как развернуто о них сказать нечего. Дочь уклониста из «Дворца на троих» отказывается от борьбы, уходит со сцены жизни.

Пассивность связана с непониманием, как можно решить возникшую проблему. Лесовалов под воздействием девушки начинает работать, ко-

пить деньги, позже они женятся. То есть он возвращается к обычной жизни.

Стремление решить задачу не всегда конструктивно (Гёфдинг 2014). Активность подглядывающего соседа разворачивается во всей красе, когда женское общежитие переезжает: «Рушится мир прекрасного!». Недолго погрузив, он задумывает обмен и начинает пропадать на толкучках, где ищут жилье. «Ввиду специфичности требований к будущей жилплощади» итог его стараний туманен и остается за кадром повести. Такие персонажи Шефнеру неинтересны и служат только фоном повествования.

В центре внимания писателя остаётся осознание главным героем смысла, который приподнимает его над обыденностью (Асмолов 2001). Ошибившись и почувствовав, что сбился с пути, герой также начинает чувствовать, что путь существует.

Позиция Шефнера, согласно которой нравственная позиция – способ решения проблем, согласуется с психоаналитической парадигмой (Фрейд 2022) (Кавун 2018). Те решения, которые в долгосрочной перспективе ведут к благу, особенно к благу вида, являются правильными. Человек, закопавший себя, прозябает, хотя изначально ему удалось спастись и устроиться более чем комфортно. Немаловажно также, что желания и страхи временны. Допустим, завтра герой этого уже не хочет/не боится. Не стоило настаивать на своем. Нужно ли было соглашаться сразу? Как ни крути, а вопрос упирается в самоуважение. И герой чувствует, что ошибка характеризует именно его личность, а не отдельный выбор или действие. Однако человек никогда не сдастся. Он будет двигаться, пока верит в возможность решения.

Отсюда можно обозначить, что существует кратко, средне и долгосрочная перспектива (Ждан 2024). Далеко не всегда герой, создавая себе проблему, думает только о сиюминутной выгоде; он вполне может верить, что получает шанс на лучшее будущее.

Ю. Лесовалов, совершая сомнительный поступок, то есть присвоение найденных на дороге денег, мысленно все же пытается оправдаться, поставить себя выше героя своего опуса «благородного возвращальца», у которого «нет никаких культурных запросов». Однако пример возвращальца именно в этот момент оказывается нарочито диссонирующим с тем шансом, который Лесовалову выпадает. Человек, нашедший большие деньги и отнесший их в милицию, определенно существует как минимум в единственном экземпляре, и от этого невозможно отмахнуться сразу после того, как взял у него интервью. Это первая проверка, и герой ее не проходит (Фромм 2023).

Априори герои Шефнера не избегают проблем – иначе не было бы никакого художественного произведения. При этом зачастую они понимают, что

их поступки чреватые. С помощью находки большой суммы герой «Круглой тайны» планирует улучшить свою жизнь. Очень быстро он понимает, что без цели деньги не меняют его. Зато могут поспособствовать деградации. Знакомство читателя с основными принципами осознания героя происходит в действии. К примеру, отвращение Юрия Лесовалова к попойке, в которую он пассивно влился.

Совладание с трудностями. Процесс формирования понимания героями своего заблуждения можно проследить во всех произведениях, т.к. персонажи сами по себе рефлексивны. Они осмысливают и описывают свое внутренне состояние, в том числе и проговаривают его (Болотова 2024).

Подходы к преодолению стрессовой ситуации могут носить конструктивный характер, но среди них свое место занимают и разрушительные тенденции, которые, тем не менее, эффективно справляются с задачей принести временное облегчение (Василук 1984).

Избегание, дезадаптивное поведение. Герой начинает с избегания и дезадаптивного поведения. Известный способ уйти от действительности – спиртное. Желание «забыться в нору» и скрыться от проблемы в определенной степени естественно, но не конструктивно. И потому неизбежно временно, а не окончательно (Кашапов, Филатова 2024).

Если воспринимать свободу как возможность поступать по своему усмотрению, без каких-либо ограничений, она довольно скоро упирается в разрушительные последствия, вплоть до самоликвидации. И сразу возникает вопрос, а свободен ли тот, кто подчиняется хаотичным импульсам и не в состоянии с ними совладать? Поскольку ответственность неизбежна, то свободен в итоге только тот, кто может прогнозировать последствия и согласен с ними. То есть осознанно выбирает те решения и действия, которые принесут желанный результат. Причем в идеале результат устойчивый, рассчитанный на длительную перспективу.

Парадокс свободы заключается в том, что она является следствием самоограничений. Раб инстинктов свободным быть не может. Потому воспитание и образование ведет человека по пути освобождения от стихийных порывов. Разумеется, спонтанность хороша в меру, однако все большее значение приобретает произвольность.

Следующий коппинг – обращение за помощью к другим. **Эмоционально-ориентированное** поведение детерминировано естественной потребностью открыться, вступить в контакт с миром. Чаще всего это просто разговор, в котором непременно присутствует получение обратной связи, в том числе осуждение (Болотова 2024).

Решение **поведенчески ориентированное**, то есть выход в активную позицию. Ученого на пути проб и ошибок поддерживает вера в то, что изобретение улучшит жизнь необратимо и навсегда. Поэтому он готов продвигаться по этому пути и в том числе нести наказание за промахи. Общество, в целом, поддерживает его (Юревич 2013).

Собственно практическое решение в психологической теории считается самым конструктивным, однако же далеко не всегда очевидно и в принципе возможно. Шар ждал доброго, самоотверженного поступка, чтобы удостовериться в высоких моральных качествах землян. Они не могли этого знать и копили деньги, чтобы вернуть всю сумму в надежде, что тогда он отстанет. Деятельность – здоровый коппинг, если она осмысленна. Старания ради выплаты долга – логичный выход. И вполне добропорядочный.

Копинг, или стратегия совладания с трудными, стрессовыми ситуациями, у Шефнера предстает в динамике. Прежде всего, это действительно деятельность. Но развязка происходит не в процессе работы, а на этапе осознания.

Очевидная деструктивность безнравственного решения заключается в том, что оно ведет к появлению и нарастанию стресса у героев. Переживание страхов и безнадёжности без перспективы положительного исхода в случае сохранения той же линии поведения диагностирует, что стратегия неверна (Василук 1984). Правильные действия принесут очевидную пользу, ради которой можно преодолеть временные трудности. При этом либо не возникает необходимости в коппинг-стратегии, либо таковая по умолчанию заключается в разумной деятельности.

Невнятность мотивации. Мотивация героя первоначально крайне невнятна. Вроде как он много чего желает, но на поверку даже явные блага оказываются ему не слишком нужны и, что важно, не меняют качество его жизни. Так, в «Круглой тайне» очень быстро проясняется, что «культурные запросы», то есть возможность духовного и личностного роста, которым Лесовалов оправдывал присвоение денег, его также не мотивирует. Федя не обретает семейное счастье в роли «добытчика». По сути, для реализации этой задачи деньги оказались фактором второстепенным. Постепенное осознание этого обстоятельства вызывает еще большую невнятность и подвешенность, а также заставляет по-новому взглянуть на свое место в ближнем кругу и в более широком контексте.

Мотивация потребления не приносит ожидаемых результатов. Зато приносит проблемы в виде интереса соседей и социальной настороженности. Надо отметить, что герои, погруженные в свои переживания и страхи, если не в безысходность, не

воспринимают социальный прессинг как отдельный значимый стресс. Однако это обстоятельство, становясь назойливым фоном, вынуждает обратить внимание, вдобавок, на недружелюбие окружающей атмосферы. И неблагонадежность в глазах социума дает кумулятивный эффект давления, поначалу дезориентирующий героев, но в итоге побуждающий искать конструктивный выход. Отношение людей срабатывает как обратная связь, своего рода зеркало, показывающее, развивается герой, стагнирует или деградирует.

Интересен феномен даже не пресыщения, а отсутствия удовлетворения от внезапно открывшихся возможностей. Мало моментов, где попавший в ловушку быстрого обогащения персонаж Шефнера даже просто доволен, в основном он смущен и довольно быстро начинает испытывать подавленность. О счастье говорить не приходится, возможности оборачиваются кабалой, что довольно скоро почувствует несун Федя, а Лесовалов – практически сразу. Многие, кто мечтает о внезапно свалившейся крупной сумме, не захотят в это верить. Но написано вполне убедительно.

В противопоставлении «прагматичность – непрагматичность» и «объектность-субъектность» в прозе Шефнера прослеживаются параллели, что прагматичный герой в итоге оказывается объектом, то есть становится жертвой внешней воли и собственной жадности и страхов. Оказывается, что не субъект управляет благами, а они захватывают его.

Отсутствие стратегии – это путь в никуда. Отсутствие вменяемой цели ведет к тому, что Юрий очень легко расстается с деньгами, попадая под влияние. К примеру, финансирует квартирную попойку бывшего одноклассника и его супруги, хотя и не симпатизирует такому времяпровождению. Стратегия разбазаривания денег, то есть избавление от непонятного соглашения, реализуется им наиболее последовательно и четко.

Сегодня особенно актуальна для рассмотрения стратегия уклонения. Шефнер изобразил персонажа, который придерживался ее от сознательного взрослого выбора до смерти. Он сожалел, что зарылся.

Описание психологических особенностей выбора человека у Шефнера довольно схематично, чаще всего для его героев изначально характерна тенденция «плыть по течению», а характер вырабатывается в трудностях. Общей характеристикой познавательных процессов у героев Шефнера можно счесть любопытство и наполеоновское «главное – ввязаться, а там посмотрим». На начальном этапе это логично. Откуда ученому знать, что его может ждать в процессе исследования (Юревич 2013), а влюбленному – чем обернется семейная жизнь с корыстной женушкой и ее мамой?

Особых условий возникновения осознания вроде бы не требуется. Накапливается понимание. И даже случившийся кризис – арест, наказание, встреча или потеря оказывается не источником, а спусковым механизмом, помогающим разобраться в ситуации и выстроить верную стратегию (Калина 2015).

Что касается психологической структуры личности, то следует обратить внимание на ее ядро – направленность (Общая и социальная психология 2024). И вроде бы закономерно, что направленность на других ведет Федю к попаданию под влияние жадной тещи; но она же помогает героям «Круглой тайны» внезапно для себя избавиться, наконец, от гнетущего преследования шара. Направленность на себя приводит Лесовалова и Творителя к тупику, но она же может привести человека к себе. Направленность на задание побуждает изобретателя нестись вперед, невзирая на ошибки; и она же позволяет совершить открытие. Шефнер так показывает читателю, что персонаж с любой направленностью может заблуждаться, даже не прикрываясь благими намерениями, а искренне в них веря. То же самое показывает мировая история. Таким образом мы убеждаемся, что само по себе целеполагание ни в каком виде не является «формулой победы».

Вскользь Шефнер уделяет внимание описанию специфики различных видов деятельности (Столярченко, Самыгин, Исмаилова 2023). Лесовалов, не нашедший у себя таланта журналиста, переживает по этому поводу. Инструкция от редактора «оживить и остудить» ему непонятна. О психологии таланта, точнее стремлении к самовыражению через слово, в «Круглой тайне» излагается с иронией, с позиций сатирика. Это не просто житейские наблюдения, а именно определенная подсветка. Зарисовка о «благородном возвращальце» нарочито слащавая, сочетает вычурность и претензии на простоту. Именно она наглядно демонстрирует читателю творческие потуги и бесполезность коррекции.

В хорошем литературном произведении мы видим раскрытие психологических закономерностей отношений со средой (Эммонс 2004). Творитель начал утрачивать такое свойство здоровой личности, как интерес к внешнему миру, он обустроил свой мирок и всячески обосновывает для себя правильность ухода от действительности. И здесь главная аргументация – уход от риска, с которым сопряжена жизнь; конкретно в произведении – страх погибнуть во время Великой Отечественной войны.

Надо указать, что наличие «жизненной философии» свойственно каждому персонажу. Так, сосед, подглядывающий в окна женского общедомового, говорит об эстетическом отношении к де-вушкам и дает им имена композиторов-классиков.

То есть всякий может составить для себя такую картину мира, которая упорядочивает, систематизирует опыт, но это вовсе не значит, что она адекватна (Кашапов, Филатова 2024).

У самых простых проходных персонажей Шефнера, вроде сторожа, проявлена способность юмористически окрашивать действительность. Но общение с ними поверхностно. При этом главным героям по ходу повествования предстоит научиться способности к установлению душевных контактов с окружающими, занять свое место в жизни и обрести целостность личности. Все это возможно лишь после того, как герой сделает правильный осознанный выбор.

Выбор «правильно-выгодно» в прозе Шефнера представлен в нескольких вариациях. Первоначально герои склонны рационализировать этот выбор, манифестируя, уговаривая себя, что выгодно и правильно – это одно и то же. Так должно быть, если все во имя человека, и тогда личный интерес – это и есть главное. Наличие аргументации в данном случае само по себе указывает на самообман. Но на первом этапе сама реализация выбора снимает напряжение. Принятое решение будет казаться правильным до тех пор, пока герой себя в этом убеждает. Накопившиеся противоречия, внутренняя борьба постепенно приводят к необходимости пересмотреть решение (Эммонс 2004).

Идея о том, что к выбору прилагаются симметричные ему последствия, является краеугольным камнем мировой культуры. И герой обнаруживает, что блага, доставшиеся ему просто так, не представляют ценности. Что нарушение правил может поставить под сомнение всю предшествующую работу. Что уход от мира оборачивается изоляцией, и спасенная жизнь, как и талант, оказывается «закопанной».

Заключение

Итак, в своих произведениях В. Шефнер использует типовую для классической литературы дилемму, где герой оказывается перед выбором: «поступить правильно – поступить выгодно». Выгодное по ряду «неоспоримых» параметров лишь на первый взгляд представляется правильным. Так, Лесовалов полагает, что найденные деньги обеспечат его развитие. В итоге он обретает экзотическую проблему в виде преследования неопознанного летающего объекта. И не рад уже огромному капиталу.

Повторный выбор – в пользу нравственности, отменяющий первый – в пользу выгоды, может произойти спонтанно, как реакция на внезапно возникшие обстоятельства. Супруги Лесоваловы отправляют накопленные деньги пострадавшей от пожара родственнице, предполагая, что «вернуть она не сможет». Но оба осознают, что это пра-

вильно, потому что тетя Варя вырастила Таню, и потому, что нужно помогать близким людям. Точнее, такое решение единственно возможно; Таня говорит мужу: «Я ничего другого и не ждала от тебя». Притом они подразумевают, что благое деяние основательно отсрочит момент избавления от преследующего их шара, а именно ради этого они отказывали себе во всем и копили деньги. Однако оценка значимого другого важнее приближения результата. И сближает героев именно общность морального выбора (Слотина 2023).

Формула победы далеко не всегда срабатывает во всех случаях жизни. При описании этого феномена чаще всего указывается вероятностный характер ее эффективности, а то и вовсе импринтинговый – эффект запечатления. К примеру, известный принцип «честно работать» в целом позволяет человеку обустроить свою жизнь, но чей-то крупный выигрыш в лотерею субъективно ставит под сомнение эффективность такой стратегии – что не означает отказ от нее. Между тем, однажды выиграв, счастливчик может пристраститься к игре и продолжать покупать билетки многие годы, не получая ожидаемый результат.

Можно рассуждать об определенной инерции, но она же говорит об устойчивости личности, о верности своим принципам. Это правило работает как в плюс, так и в минус. Так, Творитель, отказываясь от выхода на поверхность, впоследствии уже не мог этого сделать. Э. Фромм утверждал, что каждый сделанный выбор снижает вероятность инаконаправленного выбора, и в итоге стратегия жизни становится очевидной (Фромм 2023).

Чем разумнее человек, тем дальше он видит последствия своих действий. Однако изначально благоразумный герой неинтересен. Так, описывая Федю в эпилоге «Дворца на троих», автор указывает на его строгость в отношении детей и внуков на основании обретенного негативного опыта. Дедушка желает уберечь их. Такой персонаж всем понятен, но много о нем не напишешь.

Важной ценностью оказывается душевное спокойствие. Такой меры просто не существовало в сознании героя В. Шефнера, когда он находился в начале пути. Избавившись от последствий ошибки, герой становится победителем, и его планы будут опираться на проверенные принципы. Человек достигает гармонии, принося пользу миру.

Источники фактического материала

Девушка у обрыва (Записки Ковригина) // Девушка у обрыва. Москва: Знание, 1991. С. 6–150.

Круглая тайна (Полувероятная история) // Девушка у обрыва. Москва: Знание, 1991. С. 151–208.

Дворец на троих, или признание холостяка // Девушка у обрыва. Москва: Знание, 1991. С. 209–271.

Библиографический список

Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. Москва: Смысл, 2001. 414 с.

Баксанский О.Е. Современная психология: теоретические подходы и методологические основания: Аффективная сфера личности и психология общения. Москва: КД Либроком, 2018. 368 с.

Болотова А.К. Настольная книга практикующего психолога. Москва: Юрайт. 2024. 342 с.

Василук Ф.Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. Москва: Изд-во МГУ, 1984. 200 с.

Гёффдинг, Г. Философские проблемы: Психология, онтология, этика, логика. Москва: КД Либроком, 2014. 112 с.

Ждан А.Н. История психологии от Античности до наших дней. Москва: Академический проект, 2024. 510 с.

Калина Н.Ф. Психология личности. Москва: Академический проект, 2015. 214 с.

Кашапов М.М., Филатова Ю.С. Психология конфликта. Москва: Юрайт, 2024. 217 с.

Китаев-Смык Л.А. Психология стресса / Ин-т психологии АН СССР. Москва: Наука, 1983. 368 с.

Общая и социальная психология / под ред. Б.А. Сосновского. Москва: Юрайт, 2024. 482 с.

Слотина Т.В. Психология отношений. Санкт-Петербург: Питер. 2023. 368 с.

Столяренко Л.Д., Самыгин С.И., Исмаилова С.Ф. Этика и психология профессиональной деятельности. Учебник. Москва: Феникс, 2023. 318 с.

Фрейд З. Тотем и табу. Я и оно. Москва: Азбука, 2022. 832 с.

Фромм Э. Человек для себя. Москва: АСТ, 2023. 320 с.

Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. Москва: Смысл, 2004. 416 с.

Юревич А.В. Социальная психология научной деятельности. Москва: Институт психологии РАН, 2013. 447 с.

References

Asmolov, A.G. (2001), *Personality psychology: principles of general psychological analysis*, Sense, Moscow, Russia.

Baksansky, O.E., Samoilova, V.M. (2018), *Modern psychology: theoretical approaches and methodological foundations: The affective sphere of personality and the psychology of communication*, KD Librocom, Moscow, Russia.

Bolotova, A.K. (2024), *The handbook of a practicing psychologist*, Yurayt, Moscow, Russia.

Vasilyuk, F.E. (1984), *Psychology of experience: analysis of overcoming critical situations*, Publish-

ing House of Moscow State University, Moscow, Russia.

Geffding, G. (2014), *Philosophical problems: Psychology, ontology, ethics, logic*, CD Librocom, Moscow, Russia.

Zhdan, A.N. (2024), *The history of psychology from Antiquity to the present day*, Academic Project, Moscow, Russia.

Kalina, N.F. (2015), *Psychology of personality*, Academic project, Moscow, Russia.

Kashapov, M.M., Filatova, Y.S. (2024), *Psychology of conflict*, Yurayt, Moscow, Russia.

Kitaev-Smyk, L.A. (1983), *Psychology of stress*, Institute of Psychology of the USSR Academy of Sciences, Nauka, Moscow, USSR.

General and social psychology (2024), B.A. Sosnovsky ed., Yurayt, Moscow, Russia.

Slotina, T.V. (2023), *Psychology of relationships*, Peter, St. Petersburg, Russia.

Stolyarenko, L.D., Samygin, S.I., Ismailova, S.F. (2023), *Ethics and psychology of professional activity. Textbook*, Phoenix, Moscow, Russia.

Freud, Z. (2022), *Totem and taboo. Me and it*, ABC, Moscow, Russia.

Fromm, E. (2023), *A man for himself*, AST, Moscow, Russia.

Emmons, R. (2004), *Psychology of higher aspirations: motivation and spirituality of personality*, Sense, Moscow, Russia.

Yurevich, A.V. (2013), *Social psychology of scientific activity*, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Submitted: 11.11.2024

Revised: 25.01.2025

Accepted: 02.03.2025

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ
УДК 821.161.1.06

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-148-150

Дата поступления: 01.01.2025
принятия: 10.03.2025

Г.А. Шпилевая
Воронежский государственный
педагогический университет,
г. Воронеж, Российская Федерация
E-mail: 19alex04@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9028-7003>

**Н.Г. Гарин-Михайловский – писатель, «рыцарь железных дорог»,
«веселый праведник», воспитатель.
Рецензия на коллективную монографию «Русское богатство
Н.Г. Гарина-Михайловского: биография – творчество –
“самарский текст” – литературный контекст – восприятие»**

Аннотация: настоящая работа является рецензией на коллективную монографию («Русское богатство Н.Г. Гарина-Михайловского: биография – творчество – “самарский текст” – литературный контекст – восприятие»), вышедшую в свет в 2024 г. (редактор-составитель – М.А. Перепелкин). Составители издания, мемуаристы, ученые-филологи проделали огромную поисковую и научно-исследовательскую работу, поддержав замечательную самарскую традицию в области литературного краеведения. Н.Г. Гарина-Михайловского нельзя отнести к разряду писателей «забытых и второстепенных», его творчество востребовано, а знаменитая повесть «Детство Темы» не только популярна, но и экранизирована. Тем не менее, коллектив, создавший двухчастную монографию многое сделал, чтобы напомнить о чертах биографии талантливого литератора, неутомимого путешественника, просветителя, чье творчество восхищало таких десятилетиями отдаленных друг от друга писателей, как А. Куприн, М. Горький, В. Шаламов, В. Чивилихин. Первая часть рецензируемой работы содержит воспоминания близких Н.Г. Гарину-Михайловскому людей (родственников, знакомых), напомнивших о человеческом обаянии этой уникальной личности, наделенной «пламенной сказочной фантазией» (А.И. Куприн). Во второй части представлены работы, выполненные в русле текстологии, собственно поэтики, содержащие также ценную информацию о связях Н.Г. Гарина-Михайловского с писателями, имевшими непосредственное отношение к Самаре. Отметим, что статьи монографии внесли существенные дополнения в сферу «мир Гарина-Михайловского».

Ключевые слова: Н.Г. Гарин-Михайловский; мемуаристика; гражданин; инженер-изыскатель; просветитель; путешественник; фольклорист; литератор (прозаик и драматург).

Цитирование: Шпилевая Г.А. Н.Г. Гарин-Михайловский – писатель, «рыцарь железных дорог», «веселый праведник», воспитатель. Рецензия на коллективную монографию «Русское богатство Н.Г. Гарина-Михайловского: биография – творчество – “самарский текст” – литературный контекст – восприятие» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 148–150. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-148-150>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шпилевая Г.А., 2025

Галина Александровна Шпилевая – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы, Воронежский государственный педагогический университет, 394024, Российская Федерация, г. Воронеж, ул. Ленина, д. 86.

SCIENTIFIC REVIEW

G.A. Shpilevaya
Voronezh State Pedagogical University
Voronezh, Russian Federation
E-mail: 19alex04@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9028-7003>

**N.G. Garin-Mykhailovsky – a writer, «the knight of the railroads»,
«the merry righteous man», an educator.
Review of the collective monograph «Russian wealth
N.G. Garin-Mikhailovsky: biography – writing – “samara text” –
literary context – perception»**

Abstract: this work is a review of the multi-authored monograph (prepared by the staff of the Samara Literary and Memorial Museum named after M. Gorky, Samara National Research University named after S.P. Korolev, Social and Humanitarian Institute (Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations) «Russian Wealth» by N.G. Garin-Mykhaylovsky: biography – writing – “samara text” – literary context – perception»,

published in 2004 (compiler Editor – M.A. Perepelkin, doctor of philological sciences, director of the Samara Literary and Memorial Museum named after M. Gorky, professor of Samara National Research University named after S.P. Korolev). The editors of the publication, memoirists, philological scientists have done a huge research work, supporting the remarkable Samara tradition in the field of literary local studies. N.G. Garin-Mykhailovsky cannot be classified as a «forgotten and secondary» writer, his works are in demand, and the amazing story «Tyoma's Childhood» is not only popular, but also depicted in film. Nevertheless, the team that created the two-part monograph did a lot to remind about the features of the biography of the talented writer, tireless traveler, educator, whose works inspired such writers, separated by decades from each other, as A.I. Kuprin, N.N. Zlatovratskiy, K.M. Stanyukovich, M. Gorky, V.T. Shalamov, V.A. Chivykhin. The first part of the reviewed work contains memories of N.G. Garin-Mykhailovsky's contemporaries (relatives, acquaintances) who reminded of the human charm of this unique person endowed with «an ardent fairy-tale fantasy». In the second part, the works performed in the field of textology and poetics proper are presented, which also contain valuable information about the connections of N.G. Garin-Mykhailovsky with the writers who were directly related to Samara. We note that the articles of the monograph made significant additions to the «world of Garin-Mykhailovsky».

Key words: N.G. Garin-Mykhailovsky; memoirist; citizen; research engineer; educator; traveler; folklorist; writer (novelist and playwright).

Citation: Shpilevaya, G.A. (2025), N.G. Garin-Mykhailovsky – a writer, «the knight of the railroads», «the merry righteous man», an educator. Review of the collective monograph «Russian Wealth N.G. Garin-Mikhailovsky: biography – writing – “samara text” – literary context – perception», *Semioticheskiye issledovaniya*. *Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 148–150, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-148-150>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Shpilevaya G.A., 2025

Galina A. Shpilevaya – Doctor of Philology, Professor of the Department of the Theory, History and Methods of teaching the Russian Language and Literature, Voronezh State Pedagogical University, 86, Lenina Str., Voronezh, 494024, Russian Federation.

Введение

Настоящая монография является заметным вкладом в изучение жизненного и творческого пути выдающегося отечественного писателя, известного общественного деятеля, талантливого инженера, проложившего сотни километров железнодорожных путей, помещика-просветителя Н.Г. Гарина-Михайловского (1852-1906). О мемуаристике оставила красноречивое высказывание Л.Я. Гинзбург: «Литература воспоминаний, автобиографий, исповедей и “мыслей” ведет прямой разговор о человеке. Она подобна поэзии открытым и настойчивым присутствием автора» (Гинзбург, 1976, с. 133). Составитель монографии, М.А. Перепелкин, как видно, проделал большую работу, собрав воспоминания близких Н.Г. Гарину-Михайловскому людей, действительно напомнивших нашим современникам об удивительном Человеке. Под пером мемуаристов ожили не только черты личности талантливого литератора, но на страницах монографии мы можем ознакомиться с обширным культурологическим материалом: быт отдаленной эпохи, исторические события, сопряженные с членами семьи писателя.

Исследователи творчества Н.Г. Гарина-Михайловского представили высоко профессиональные исследования в области текстологии и собственно поэтики произведений прозаика и драматурга: уточняются существенные аспекты таких данностей, как хронотоп, особенности конфликта драм, стилистические особенности. При этом Н.Г. Гарин-Михайловский вписан в «литературный круг» своего времени, так как рассматриваются его личные и творческие контакты с ведущими и «второстепенными» представителями «цеха задорного»

(А.С. Пушкин), то есть соратниками по перу: А.П. Чеховым, М. Горьким, А.К. Гольдбаевым, Е.Н. Чириковым и др. Отмеченное выше позволяет отметить актуальность рецензируемого издания, содержащего ценный биографический, краеведческий и литературоведческий материал.

Основная часть

О герое рассматриваемой монографии – Н.Г. Гарине-Михайловском – оставил очень красноречивое и вместе с этим точное высказывание В.Т. Шаламов: «Каждый, который с ним встречался, считал своим долгом подчеркнуть талантливость Гарина, его необыкновенность как человека» (Шаламов, 2005, с. 223). Эта мысль подтверждается воспоминаниями детей, внуков, самарских крестьян, помнивших добрейшего бесребренника, «гундоровского барина».

Внуки писателя, И.Ю. Неуструева и П.П. Сырников, сообщили много интересных фактов, о которых сами узнали от своих матерей – Ольги Николаевны и Аглаиды Николаевны Михайловских. Близкие родственники сообщают, казалось бы, общеизвестные любому биографу писателя сведения: о страстном стремлении их деда помочь крестьянам Гундоровки (приобретенного им самарского имения), о поджогах, совершенных недоброжелателями, почти разорившими семью Гариных, о возвращении в 1886 году инженера к своей профессиональной деятельности (строительство железной дороги). Однако объективные факты, переданные потомками, воспринимаются как настоящий «человеческий документ», «эстетический факт», наполненный искренними эмоциями и гордостью за выдающегося человека.

О трагических событиях, пережитых потомками Н.Г. Гарина-Михайловского в блокадном Ленинграде, нельзя читать без волнения, при этом И.Ю. Неуструева озаглавила свои мемуары следующим образом: «Мы сурового времени дети», где повествуется о необычайном мужестве людей, терявших обессиленных от голода детей, мужей – защитников окруженного фашистами Ленинграда. Топонимы Финский залив, Черная речка, Ваммельоки, Васильевский остров придают каждому слову объективности, создают у читателя ощущение не праздного наблюдения, а «присутствия».

Нашим современникам очень интересно и полезно ознакомиться с мнением о «добром барине», оставленном крестьянами-гундоровцами, для которых Н.Г. Гарин-Михайловский организовывал школу, спасал от голода, силами членов своей семьи оказывал медицинскую помощь. Например, А.Е. Шиханова, чей отец был караульщиком у Михайловских, с благодарностью сообщила о том, что в голодный 1891 год «барин» кормил крестьян сел Гнездина, Садки и, конечно, гундоровцев («варили чечевицу... Тут же пекли хлеб <...> Народа сходилось много, особенно ребятишек...»).

Раздел воспоминаний завершается весьма ценными сведениями об усилиях архивистов (скрупулезно собирающих сведения из мемуаров, писем, дневников), о работе исследователей, направленной на увековечивание памяти выдающегося отечественно писателя. Не имея, к сожалению, возможности рассмотреть каждую их интереснейших статей монографии отдельно, постараемся изложить свои впечатления обзорно.

Вторая часть монографии включает исследование «самарского текста», то есть «сверхтекста» (в терминологии В.Н. Топорова), в котором содержатся сведения о «переключках» Н.Г. Гарина-Михайловского с богатыми литературными традициями Самары. Материалы статей о связи писателя с этим волжским городом посвящены описанию двадцатилетнего пребывания литератора и помещика-новатора в самом городе и губернии. Отрядно отметить новые сведения о первых публикациях гаринских художественных произведений именно на страницах самарских периодических изданий. Изучению собственно поэтологических данностей произведений писателя посвящены работы таких ученых-филологов, как М.А. Перепелкин, С.А. Голубков, Л.Г. Тютелова, К.Д. Гордович, В.Т. Захарова и др. Высоко профессионально исследовано обширное «пространство» (topos) произведений «русского Монте-Кристо», «неутомимого Гарина», посетившего Америку, Корею, трудившегося в качестве инженера в Сибири, Закавказье, Болгарии. Отмечается «двойная повествовательная оптика», то есть умение смотреть на мир глазами рационального инженера и художника, потрясенного экзотической природой дальних стран. Законы драматургии (в пьесах

«В медвежьих углах», «Орхидея», «Зора» и др.) Н.Г. Гарина-Михайловского рассмотрены с точки зрения их соответствия традиции и новым веяниям, которых не минул чуткий писатель-реалист, например, стремление вступить в диалог с читателем, изображение обыденной жизни («неотобранная реальность»), акцент на второстепенные персонажи. Не обделена вниманием и крупная проза писателя – «Инженеры», а также представлен обстоятельный анализ иллюстраций к его «визитной карточке» – повести «Тема и Жучка».

Заключение

В заключение отметим, что рассмотренная монография является удачным и значимым этапом в исследовании жизни и творчества Н.Г. Гарина-Михайловского. Коллективный труд, безусловно, станет стимулом для дальнейшего изучения отечественными литературоведами указанного феномена, так как в статьях проанализированы важные поэтологические и идеологические аспекты творчества писателя, а также присутствуют упоминания об очень ценных и мало изученных вопросах биографии и художественных текстов автора. Перспективным, на наш взгляд, является изучение связей писателя с романной, очерковой и драматургической традицией русской классики и беллетристики (литературы «второстепенной»).

Пожелаем редактору-составителю М.А. Перепелкину и коллективу исследователей дальнейших успехов.

Источник фактического материала

Русское богатство Н.Г. Гарина-Михайловского: биография – творчество – «самарский текст» – литературный контекст – восприятие. Монография / Редактор-составитель М.А. Перепелкин. Самара, 2024. 452 с.

Библиографический список

Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Изд. 2-е. Ленинград, 1976. 448 с.

Шаламов В.Т. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954-1979. Москва, 2005. 384 с.

References

Ginsburg, L.Ya. (1976), *About psychological prose*, Leningrad, USSR.

Shalamov, V.T. (2005), *Collected works: In 6 vols*, vol. 5, Essays and notes; Notebooks 1954-1979, Moscow, Russia.

Submitted: 01.01.2025

Accepted: 10.03.2025

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ
УДК 821.112.2.09

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-1-151-156

Дата поступления: 15.01.2025
принятия: 16.03.2025

А.Э. Воротникова
Воронежский государственный
педагогический университет,
г. Воронеж, Российская Федерация
E-mail: vorotnikovaanna2013@yandex.ru
Orcid: <https://orcid.org/0000-0002-5887-2034>

**Преодолевая границы.
Рецензия на коллективную монографию
«Немецкоязычная проза: художественные и исследовательские практики
первых десятилетий XXI века»**

Аннотация: во введении обосновываются актуальность и новизна монографического коллективного исследования, посвященного малоизученному явлению – немецкоязычной прозе первых десятилетий XXI века. В основной части рецензии представлен аналитический обзор статей монографии, обращенных к наиболее репрезентативным для текущего литературного процесса в Германии, Австрии и Швейцарии произведениям, их проблемно-тематическому содержанию и идейно-художественным особенностям, сформировавшимся под влиянием социально-исторических и культурных факторов, предшествующей традиции и современных представлений об искусстве слова. Подчеркивается системно-комплексный междисциплинарный характер исследования, в рамках которого была осуществлена реконструкция стереоскопичной и многоплановой картины литературного развития в немецкоязычных странах на данном этапе.

Ключевые слова: современная немецкоязычная проза; история; традиция; новаторство; нация; жанр; язык; роман; граница.

Цитирование: Воротникова А.Э. Преодолевая границы. Рецензия на коллективную монографию «Немецкоязычная проза: художественные и исследовательские практики первых десятилетий XXI века» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 151–156. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-151-156>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Воротникова А.Э., 2025

Анна Эдуардовна Воротникова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей, Воронежский государственный педагогический университет, 394043, Российская Федерация, г. Воронеж, ул. Ленина, д. 86.

SCIENTIFIC REVIEW

A.E. Vorotnikova
Voronezh State Pedagogical University,
Voronezh, Russian Federation
E-mail: vorotnikovaanna2013@yandex.ru
Orcid: <https://orcid.org/0000-0002-5887-2034>

**Overcoming boundaries. Review of the collective monograph
“German language prose: artistic and research practices
of the 21st century”**

Abstract: the introduction substantiates the relevance and novelty of the monographic collective research, which is devoted to the little-studied phenomenon – German language prose of the first decades of the 21st century. The main part of the review provides an analytical overview of the monograph's articles, which address the most representative for the current literary process in Germany, Austria and Switzerland works, their problem-thematic content and ideological and artistic features, formed under the influence of socio-historical and cultural factors, previous tradition and modern ideas about the art of the word. The conclusion emphasizes the systemic and complex interdisciplinary nature of the monographic study, which reconstructed a stereoscopic and multidimensional picture of literary development in German-speaking countries at this stage.

Key words: modern German language prose; history; tradition; innovation; nation; genre; language; novel; boundary.

Citation: Vorotnikova, A.E. (2025), Overcoming boundaries. Review of the collective monograph “German language prose: artistic and research practices of the 21st century”, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 5, no. 1, pp. 151–156, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-1-151-156>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Vorotnikova A.E., 2025

Anna Eduardovna Vorotnikova – Doctor of Philology, Docent, Professor of the Department of French Language and Foreign Languages for Non-Linguistic Specialities, Voronezh State Pedagogical University, 86, Lenina Str., Voronezh, 394043, Russian Federation.

Введение

Рецензируемая монография объединяет труды отечественных литературоведов и лингвистов – участников Первой Всероссийской конференции «Немецкоязычная проза: художественные и исследовательские практики первых десятилетий XXI века» (7 октября 2023 г.), организаторами которой выступили кафедра немецкой филологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самарский университет) и Центр германистики Отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени ИМЛИ им. А.М. Горького РАН.

Выход в свет монографии следует считать заметным событием в современной германистике уже потому, что посвящена она новому и малоизученному явлению – немецкоязычной прозе первых десятилетий XXI столетия. Работа филолога требует определенной дистанции по отношению к художественному творению, чтобы определить его истинную ценность и установить его место в истории литературы. Данное обстоятельство не стало, однако, препятствием на пути ученых-первопроходцев, разрабатывающих научно-методологические подходы к изучению весьма разноплановых с эстетической и проблемно-содержательной точки зрения произведений, устанавливающих их связи с предшествующей традицией и выявляющих черты самобытности и новаторства. Проведенное коллективное исследование, несомненно, носит актуальный характер, обогащает современные представления об основных векторах литературного процесса в немецкоязычных странах, способствует расширению пространства научных изысканий не только в отечественной, но и в западной германистике.

Основная часть

Идея преодоления границ определяет концепцию большинства анализируемых в монографии произведений. Одна из ключевых тем, разрабатываемых в немецкой литературе начала XXI века, – противостояние двух Германий, по-прежнему разделенных не в государственном смысле, но в ментальном. Как следует из первой статьи Д.А. Чугунова «Три романа о ГДР (У. Телькамп,

О. Руге, Л. Зайлер)», эмоциональная реакция, вызванная объединением страны, сменяется потребностью в более сдержанной и взвешенной оценке произошедшего. Деконструировать клишированные представления о «государстве рабочих и крестьян» и создать его более сложный и многомерный образ писателям удается посредством глубокой рефлексии, а также в немалой степени благодаря тому отрезвлению, которое наступило для многих осси при более близком знакомстве с западным консьюмеристским обществом. Отказ от эйфорического восприятия последнего и признание положительных сторон критикуемого после падения стены социалистического проекта происходит в романе Лутца Зайлера «Крузо» (2014). В «Башне» (2008) Уве Телькампа реалистическое видение жизни в разделенной стране дополняется использованием условных форм, воссоздающих образ ГДР как утопически-фантастического пространства «нереализованной национальной альтернативы настоящему» (Немецкоязычная проза 2024, с. 17). Идея о том, что прошлое ценно не само по себе, но в его тесной взаимосвязи с настоящим и будущим, отчетливо проведена в романе Ойгена Руге «Дни убывающего света» (2011). Представленный в нем рассказ о частной жизни четырех поколений немцев в Германии до и после ее объединения оказывается в то же время историей правдоискательства.

Проблема реконструкции честного и достоверного образа прошлого в немецкой прозе, поставленная в статье Д.А. Чугунова, получает развитие в исследовании А.А. Стрельниковой, обращенном к уже упоминавшимся «Дням убывающего света» О. Руге и к более позднему роману того же автора «Метрополь» (2019). Как справедливо замечено, семейные саги Руге перерастают в национальные, приобретая характер мнемонического повествования о судьбах Германии и ее народа. Умение увидеть в семейной хронике действие общеисторических законов свойственно не только писателям «литературы поворота», но и их предшественникам, среди которых в статье называются Э. Золя, Дж. Голсуорси и прежде всего Т. Манн с его «Будденброками». Думается, что в этот ряд можно было бы добавить и Г. Белля –

создателя романа «Бильярд в половине десятого», отправной точкой осмысления недавней немецкой истории в котором послужил юбилей главы семейства. В «Днях убывающего света» данный аллюзивный хронотоп также запускает работу памяти и процесс конфронтации с прошлым.

Однако, в отличие от того же Белля, авторы начала нового тысячелетия все более ощущают ущербность постпамяти, лишаящей исторический образ Германии определенности, подвергая его абберациям индивидуального видения и идеологическим фальсификациям. Упорядочить романские воспоминания и заполнить лакуны в них призван читатель: вовлеченный в поиски утраченного времени, он становится сотворцом произведения. Стирание границ между сознанием автора и читателя и, шире, коллектива и индивидуума – одна из характерных особенностей мнемонического дискурса в творчестве Руге и в целом в современной немецкой литературе о прошлом, что неоднократно подчеркивается в монографии.

Углубленный анализ темы нелицеприятного и часто катастрофического семейного прошлого в романах М. Марон «Письма Павла. История семьи» (1999), У. Тимма «На примере брата» (2003), К. Петровской «Кажется Эстер» (2014) представлен в статье О.А. Дроновой. Исследователь придает памяти статус «центральной содержательной и поэтологической категории» (Немецкоязычная проза 2024, с. 133) в современной романистике, обращенной к семейному и историческому наследию ушедшей эпохи. Особого внимания заслуживают размышления о жанре «семейного исследования» как гетерогенного нарратива, включающего различные типы памяти – индивидуальной, социальной, культурной, демонстрирующего ярко выраженный автобиографизм и нацеленного на изучение и осмысление судеб отдельных семей, воссоздание достоверного образа которых невозможно без само- и метарефлексии.

В ходе сравнительного анализа романов устанавливаются отличия реализуемых в них стратегий художественного воплощения постпамяти. Если Моника Марон наполняет «Письма Павла» исповедальностью и эмоциональностью, которые призваны разрушить окаменевший официальный образ прошлого, то Уве Тимм производит более решительный расчет с семейной историей, не оставляя в ней места для сентиментальных и идиллических моментов, рожденных писательской фантазией. В романе «На примере брата» происходит демифологизация и дегероизация фигуры старшего брата – нацистского преступника. Вместе с тем в статье проведена идея плюралистичности видения прошлого, его несводимости к единственному толкованию.

В романе Кати Петровской «Кажется Эстер» воссоздание истории еврейской русскоговорящей

семьи на немецком – «языке врага» – может расцениваться как своего рода трансгрессия, то есть попытка преодоления невозможного, а именно языковой границы. «Провал межъязычья» (Немецкоязычная проза 2024, с. 140) неожиданно открывает перед писательницей широкие перспективы: рушатся преграды между своим и чужим, вследствие чего освобождается пространство для языковой и интертекстуальной игры, для метаязыковой рефлексии, обогащается поэтика постпамяти, а жанр романа о прошлом насыщается новыми смыслами.

Несколько иной, по сравнению с вышепредставленными произведениями, ракурс художественного видения Германии и ее прошлого выбирает Гюнтер де Бройн в книге о своей малой родине Бранденбурге «В стороне. Признание в любви одному ландшафту» (2005). Исследующая это произведение Е.В. Беспалова определяет его как историографическое. Включение в текст документов, личных впечатлений, воспоминаний, переживаний позволяет автору варьировать перспективу повествования, осуществлять переходы от субъективной точки зрения к объективным суждениям, часто носящим характер клише и нуждающимся в пересмотре. Центральное место в статье занимает анализ способов языкового воплощения образов Бранденбурга, зависящих от типа воспринимающего и осмысляющего их сознания.

На наш взгляд, де Бройну, придавшему стереоскопичность образу бранденбургского ландшафта, увиденного из разных временных, пространственных, мыслительных перспектив, удалось не только внести вклад в сохранение культурной памяти, но и реабилитировать так называемый *Heimatroman* – жанр романа о родном крае, несколько дискредитировавший себя в нацистскую эпоху и вызывающий настороженное отношение немецких художников едва ли не на всем протяжении второй половины XX века.

В современной немецкой литературе в фокусе художественной рефлексии оказывается не только противоречивый образ родины и ее истории, но и тема жизни в стране, оказавшей непосредственное и наиболее глубокое влияние на судьбу Германии, – СССР. В документально-автобиографическом романе «Большая смута» (2014) Ханса Магнуса Энценсбергера, вспоминающего о своих поездках по России в 1960–70-е гг., о встречах с видными деятелями культуры и политики, возникает многогранный образ советской эпохи. Интерес представляют наблюдения Т.Н. Андреюшкиной, автора статьи о «Большой смуте», над жанровой природой произведения, которое органично вбирает в себя дневниковые записи, философские размышления, лирические отступления, диалог писателя со своим «я» из разных периодов жизни, а также

смешение стилей и повествовательных ракурсов, что подтверждает открытую еще романтизмом универсальность жанра романа.

Энценсбергер пытается остаться на позициях беспристрастного стороннего наблюдателя в анализе политических событий недавней европейской истории, что нетипично для большинства немецких писателей, чьи отношения со своей страной и эпохой носят остропроблемный характер – это лейтмотивная мысль в монографии.

Не менее напряженно роман с Германией складывается у современных мигрантов, чьи поиски самоидентичности осложняются бикультурным статусом. Трагедия национально-культурного аутсайдерства – главная тема произведений турецкого писателя Феридуна Замойглу, которому посвящает свое исследование Т.В. Кудрявцева. В нем отчетливо прослеживается эволюция творчества Замойглу. В своей ранней романистике писатель сосредоточен на теме социальной, культурной, языковой исключенности мигрантов из западного мира, формально принявшего их, но, по сути, так и оставшегося закрытым, а иногда и враждебно настроенным к ним. Зрелое творчество Замойглу демонстрирует процесс его вхождения в западную культуру, что проявляется в частичном или даже полном отходе от мигрантской темы и в расширении диапазона эстетических поисков автора, проявляющего все больший интерес к типично немецкой проблематике, литературе и истории Германии, ее выдающимся представителям.

Насколько обширен пласт мигрантской литературы, можно судить по тому интересу, который она вызывает в исследовательской среде. Своевременна и актуальна включенная в монографию рецензия Н.З. Гаевской и Т.В. Кудрявцевой на книгу «Литература постмиграции. Сложность проблем идентичности в немецкоязычной литературе эпохи глобализации», которая объединяет труды германистов из разных стран, обращенные к художественному опыту осмысления пограничного существования переселенцев. Приставка «пост», появляющаяся в терминах постмиграция, постидентичность, довольно точно передает необратимость процесса перехода из родной этнической среды в чужую: возвращение назад так же затруднительно, как и обретение своего места в западном обществе. Художников слова, пытающихся ассимилироваться в чужом мире, не потеряв при этом своей самости, волнуют проблемы миграционной политики и мультикультурализма, равноправия своих и чужих, сохранения памяти об этнических истоках, телесности как опыта маргинальности женщин других национальностей (проза О. Грязновой, Ф. Замойглу, Т. Моры, Э. Смеховски, С.М. Зальцман и др.).

Проблема утраты родины представлена с противоположной позиции – этнических немцев, де-

портированных в Центральную Европу, в романе Гертты Мюллер «Качели дыхания» (2009), лингво-поэтическому анализу которого посвящена статья О.А. Костровой. Переживаемая главным мюллеровским героем драма потери и поиска идентичности – политической, государственной, национальной, этнической, гендерной, биологической – находит воплощение в слове. Автору статьи принадлежат тонкие наблюдения, касающиеся особенностей словотворчества в романе, а также использования румынских заимствований и игры с русскими лексемами. Вербализация рассматривается как форма репрезентации физического и духовного состояния протагониста – заключенного трудового лагеря, осуществляющего прорыв к общечеловеческим ценностям и постигающего подлинный смысл бытия, в том числе и через особенности его оязыкования.

Идейное содержание романа Бернхарда Шлинка «Ольга» (2018) раскрывается в статье Ю.А. Блиновой также через обращение к его языковым особенностям, а именно – прецедентному ономастикону, заключающему в себе общекультурные и национальные коды. Их расшифровка позволяет реконструировать картину мира протагонистки Ольги, ее возлюбленного путешественника Герберта, их сына и других героев, чьи судьбы вплетены в плотную вязь германской истории с 1870-х гг. и до конца XX столетия. Прецедентные тексты, служащие емким хранилищем идеологических установок и ценностных представлений разных поколений нации, включают античные мифонимы, онимы на христианскую тематику, антропонимы – имена знаменитых путешественников, писателей, политических деятелей, философов и иных выдающихся людей. Немецкий идеализм, мечты о славе, культ сверхчеловека как важнейшие концептуальные составляющие модели действительности Герберта служат ошибочными ориентирами на его жизненном пути и определяют его трагический финал аналогично тому, как они заводят в тупик целую нацию, увлеченную идеей собственного величия и превосходства над остальным человечеством.

Язык становится непосредственным объектом исследования в ряде статей лингвистической направленности, включение которых в монографию, несомненно, обогащает и расширяет ее идейное содержание, придавая ей междисциплинарный характер.

В статье М.С. Потеминной язык признан главным героем трилогии Райнхарда Йиргеля «Генеалогия убийства» (2002). Многоуровневая структура перформативного текста немецкого писателя актуализирует принцип конструирования-деконструирования всевозможных границ: между графическим знаком и его семантическим наполнением, эпическими и драматическими жанрами, типами

дискурса, нарративными стратегиями, авторским и читательским сознаниями, языковыми и социальными явлениями, актом письма и его осмыслением. Очуждающе воздействующие приемы трилогии, по сути своей неновые, рожденные языковым скептицизмом как эпохальным умонастроением и репрезентирующие его, неоднократно встречающиеся в авангардистско-модернистских художественных практиках, по-прежнему доказывают свою эффективность – вскрывают глубокие расхождения между формой и содержанием, выявляя скрытые механизмы работы языка как действенного средства манипуляции сознанием.

Поэтика экспериментального письма Йиргля, совмещающего в себе модернистские и постмодернистские черты, – явление симптоматичное для эпохи краха проекта европейского Просвещения, на анализ последствий которого направлена художественная рефлексия и других современных авторов. Выход из тупика смыслоутраты пытаются отыскать австрийцы Даниэль Кельман в романе «Измеряя мир» (2005) и Кристоф Рансмайр в романе «Кокс, или Бег времени» (2016) через обращение к проблеме пространства-времени, связывающей в нерасторжимое единство эпистемологический и онтологический аспекты. В обоих произведениях, являющихся объектами компаративного исследования в статье Г.В. Кучумовой, структурообразующую функцию выполняет метафора «измерения мира» (Немецкоязычная проза 2024, с. 157), воплощающая опыт постижения смысла бытия. Решая философскую проблему хронотопа с противоположных позиций – постмодернистской иронии (Кельман) и модернистской серьезности (Рансмайр), писатели приходят к сходным выводам о необходимости признания значимости чувственно-эмоционального начала в познании, об опасности информационно-цифровой цивилизации, пренебрегающей человеческим естеством, и об идеале новой целостности человека.

Сквозь призму христианской морали понять и оценить образ современника пытаются Петер Хандке в повести «Дон Жуан» (2004) и Андреас Эшбах в романе «Видео об Иисусе» (1998), которым посвящены исследования Ю.В. Бесклубовой и Г.Г. Ишимбаевой соответственно. В обоих произведениях осуществляется выход в широкое пространство философской рефлексии, обращенной к проблемам смыслоутраты, дегуманизирующего влияния потребительского общества и массовой культуры. В произведениях и Хандке, и Эшбаха поиск преодоления духовного кризиса осуществляется через актуализацию телологической идейности. Примечательно, что в обоих романах особую концептуальную нагрузку несет композиция: в «Дон Жуане» представлен двухъярусный мир (XVII век – современность,

обыденная реальность – мистическая сфера); в «Видео об Иисусе» реализуются матрешечный способ построения текста, предполагающий вплетенность в художественную ткань многочисленных научных и околонучных рассуждений о пространственно-временных «вывихах». Роман А. Эшбаха наглядно демонстрирует концептуально значимую для современной литературы идею стирания границ – жанровых, хронотопических, пролегающих между высокой и массовой культурой, а также между дискуссионными представлениями о Сыне Божьем.

О многовекторности развития немецкоязычной прозы в первые десятилетия XXI века свидетельствует разнообразие стилей, жанров и направлений. Так, Е.А. Иванова представляет не слишком распространенный в немецкой художественной словесности феномен фэнтези, посвященный теме чтения, отношений автора, созданного им текста и его читателя. Аксиология чтения настолько значима в «Чернильной трилогии» (2001–2008) Корнелии Функе и в дилогии «Город мечтающих книг» (2004) и «Лабиринт мечтающих книг» (2011) Вальтера Мерса, что исследователь предлагает называть эти произведения «книжным текстом», способствующим разрушению границ между вымыслом и реальностью, между детьми и их родителями, между создателем произведения и его реципиентом.

Заключение

По прочтении монографии возникает отчетливое ощущение того, что литературоцентричность, кажущаяся сегодня анахронизмом, по-прежнему задает модус существования немецкой культуры. Миссия писателей состоит в придании смысла прошлому, а через него и настоящему, в противостоянии разлагающему духу времени, в преодолении его дегуманизирующих тенденций и в восстановлении бытийной целостности, требующем преодоления границ. Этот амбивалентный и диалектически сложный процесс, предполагающий отказ от какой-то части прежней картины действительности и обретение нового более полного и совершенного видения себя, своей страны, ее истории, человеческого бытия как такового, находит воплощение в творчестве немецких авторов.

Как следует из приводимой в конце книги библиографии, далеко не все значимые произведения первых десятилетий нового столетия стали объектом изучения отечественных германистов в предлагаемом труде, однако в нем применен продуманный и взвешенный подход к отбору наиболее репрезентативных для текущей литературной ситуации творений германских, австрийских и швейцарских авторов. Отличающие данное исследование принципы системности, комплексности и междисциплинарности позволили

составить многостороннюю и стереоскопичную картину современной немецкоязычной литературы, установить ее связи с предшествующей традицией и прочертить основные линии развития в настоящем, наметить ее идейно-тематические и эстетические доминанты.

Библиографический список

Немецкоязычная проза: художественные и исследовательские практики XXI в.: сб. ст. / отв. ред.-сост. Т. В. Кудрявцева, Г. В. Кучумова и др. Москва: ИМЛИ РАН, 2024. 212 с.

References

German language prose: artistic and research practices of the 21st century (2024), Ex. ed. Tamara V. Kudryavtseva, Galina V. Kuchumova et al., IWL RAS Publ., Moscow, Russia, DOI: <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0771-7>.

Submitted: 15.01.2025

Accepted: 16.03.2025